ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ #7-8 '02

ВАСИЛЬЕВ

БУДЖОЛД

ЛУКИН

САЛОМАТОВ

РЮКЕР

АНДРОНОВА

ПЛЕХАНОВ

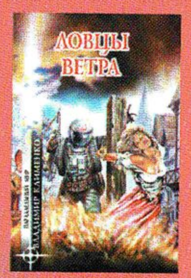
ВОЛОДИХИН

ВРЕМЕНА РОК-Н-РОЛЛА

ПЕРВЫЙ РЕЙС НА «ПЛАНЕТУ КИНО»

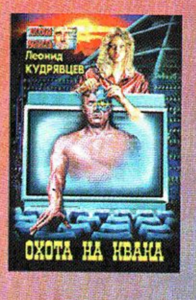
Издательство ВЕЧЕ представляет фантастические серии

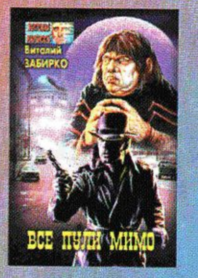




«Параллельный мир»

Приключенческая фантастика
в лучших традициях
отечественной литературы

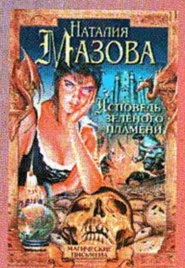




«Жестокая реальность»

Фантастические боевики,
антиутопии





«Магические письмена»

Отечественная фэнтези





«Зазеркалье»

Фантастические истории
для детей и подростков

**Книги издательства «Вече» оптом можно купить по адресу:
Москва, ул. Красной Сосны, 24. Тел.: (095) 188-88-02,
188-16-50, 182-40-74. E-mail: veche@veche.ru.**

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА
журнал фантастики # 7–8 '02

Содержание



Главный редактор *Александр Ройфе*
Редактор *Василий Мельник*
Издатель *Игорь Огай*

Над номером работали: Алевтина Горева, Александр Набоков. **Использованы фотографии** Д.Новикова (Митрича), К.Гришина, О.Поля, В.Чикова.

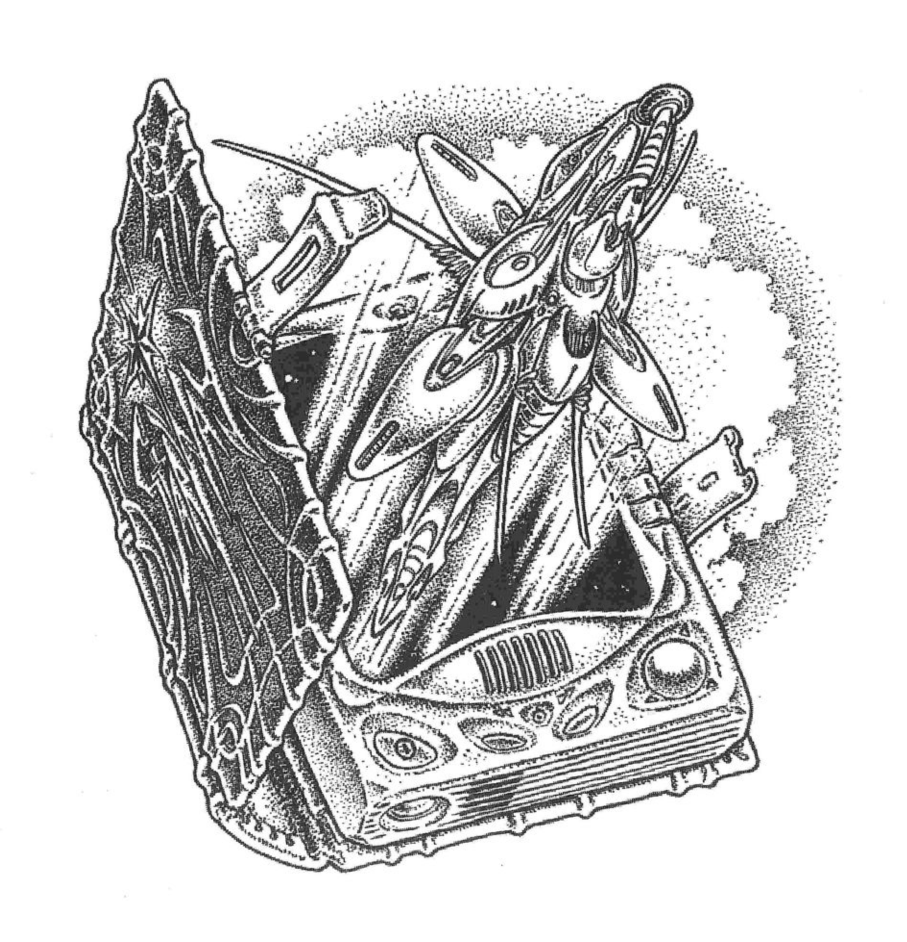
Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-3212 от 20.04.2000. Лицензия ИД № 02440 от 24.07.2000. Юридический адрес: 143400, Московская область, г. Красногорск, ул. Ленина, 53.

Почтовый адрес редакции: 143400, Московская область, Красногорск-8, а/я 105. **Тел./факс** 563-55-54. **E-mail:** zvezdoroga@yahoo.com, startrack@rusf.ru. **Интернет:** www.rusf.ru/startrack.

Подписано в печать 03.08.2002. Формат 60x88 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1500 экз. Зак. №

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»: 140010, г. Люберцы, Октябрьский просп., 403. Тел. 554-21-86.

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ





2/VI Не стало Алексея Свиридова

Москва. От рака крови умер в больнице Алексей Свиридов – писатель-фантаст, бард, активист ролевого движения, сценарист компьютерных игр. Ему было всего 36 лет. Любители фантастики знали его как автора пародийной саги «Звирьмариллион», полушутливого «Малого типового набора для создания гениальных произведений в стиле фэнтези» и романа «Крутой герой» – все эти произведения были построены на талантливом обыгрывании жанровых штампов. Гораздо большей популярностью пользовался военно-политический триллер «Истребители» («Разорванное небо»), написанный Свиридовым в соавторстве с Александром Бирюковым и посвященный противостоянию славянского мира и НАТО на Балканах.



Родился и жил Алексей в Москве. Учился в МВТУ им. Баумана, служил в армии, работал в Туполевском КБ. С 1993 года торговал книгами на ярмарке в спорткомплексе «Олимпийский», параллельно пробовал сочинять. Получалось довольно удачно, и некоторое время он зарабатывал на жизнь только литературой. А в 1998-м поступил на работу в компьютерную фирму «Нивал», где создал сценарий игры «Аллоды-2».

В интервью для газеты «Труд», которое было взято в связи с выходом романа «Истребители», Алексей так ответил на вопрос о жизненных планах: «Планы просты – извиняюсь за банальность, жить. Желательно жить интересно, благо мои интересы достаточно разносторонние и не ограничиваются чисто материальными запросами. Если же вы имеете в виду творческие планы, то я предпочту о них умолчать: я почти не верю в приметы, но те, в которые верю, соблюдаю свято. Одна из них – “не говори о том, чего еще не сделал”». Увы, судьба распорядилась так, что большинство Лешиных задумок остались неосуществленными... ***(«ЗД-информ»)***.

4/VI Учреждена еще одна Премия Хайнлайна

Венеция (шт. Калифорния). Американское Хайнлайновское общество учредило Премию Хайнлайна, которая будет вручаться за выдающиеся произведения в жанре «твердой НФ» и за научные книги, вдохновляющие человече-



ство на освоение космического пространства. В жюри новой премии вошли писатели Грег Бир, Джон Холдмен, Йоджи Кондо (астрофизик по профессии, фантастику пишет под псевдонимом Эрик Котани), Элизабет Мун, Ларри Нивен, Джерри Пурнелл, Спайдер Робинсон, Чарльз Шеффилд, Стэнли Шмидт (главный редактор журнала «Аналог»), а также два профессора-филолога из Военно-морской академии США, которую в свое время окончил Роберт Хайнлайн, – Херб Джиллилэнд и Джон Хилл.

Когда именно планируется вручать эту награду и что она будет собой представлять, пока неизвестно. Однако у Хайнлайновского общества имеется определенный опыт премиальной деятельности: вот уже несколько лет оно присуждает довольно весомые (от одной до пяти тысяч долларов) призы американским школьникам – победителям конкурса эссеистов. А еще есть Премия памяти Хайнлайна, которой распоряжается Национальное космическое общество США, и вручается она тоже за достижения в пропаганде ценностей «свободной межзвездной цивилизации». Как бы не запутаться теперь со всеми этими наградами! ***(«ЗД-информ»)***.

7/VI «Золотые утки» обрели хозяев

Шомбург (шт. Иллинойс). Здесь состоялся 11-й «Уткон» («Duckon»), в ходе которого были объявлены обладатели премий «Золотая утка», присуждаемых за лучшую англоязычную фантастику для детей и подростков. По итогам 2001 года премии достались:

в номинации «Рисованная книга» (награждается художник) – Лэйн Смит (за иллюстрации к книге Йона Шижки «Чепуха»);

в номинации «Средняя ступень» (премия Элеоноры Камерон) – Квентину Додду (за книгу «Битник Рутабагас из дальнего космоса» – «Beatnik Rutabagas From Beyond the Stars»);

в номинации «Старшие классы» (премия Хола Клемента) – Стивену Лейну (за книгу «Эта сторона рая» – «This Side of Paradise»).

Церемония вручения «Золотых уток», к каждой из которых прилагается еще и денежный приз, состоится в начале сентября на Всемирном конвенте в Сан-Хосе ***(«ЗД-информ»)***.

8/VI Вручена Премия Брэма Стокера

Нью-Йорк. Наиболее значительные произведения, созданные в жанре хоррор, были отмечены Премией Брэма Стокера. Случилось это на съезде Американской ассоциации авторов литературы ужасов. Премию получили:

в номинации «Роман» – Нил Гайман (за произведение под названием «Американские боги» – «American Gods»);

в номинации «Дебютный роман» – Майкл Оливери («Самая опасная порода» – «Deadliest of the Species»);

в номинации «Повесть» – Стив Расник Тем («В последние дни распродажи» – «In These Final Days of Sales»);

в номинации «Рассказ» – Тим Леббон («Реконструируя Эми» – «Reconstructing Amy»);

в номинации «Авторский сборник» – Норман Партридж («Человек с кулаками из колючей проволоки» – «The Man with the Barbed-Wire Fists»);

в номинации «Антология» – Брайен Хопкинс (составитель сборника «Крайности-2» – «Extremes-2»);

в номинации «Документальная книга» – Брайен Кин (составитель сборника «Jobs in Hell» – «Профессии преисподней»);

в номинации «Сценарий» – Кристофер и Джонатан Ноланы (фильм «Memento»);

в номинации «Поэтический сборник» – Линда Эддисон («Проглочено, стало прекрасной золой» – «Consumed, Reduced to Beautiful Grey Ashes»).

Награду за заслуги перед жанром вручили Джону Фаррису, автору книг «Стрекоза», «Друзья», «Ярость» ***(«ЗД-информ»)***.

9/VI Австралийские фантасты получили по «Дитмару»

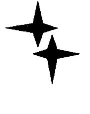
Мельбурн. В этом городе прошел фестиваль фантастики «ConVergence» – общенациональный австралийский конвент нынешнего года. А первый такой конвент состоялся на Зеленом континенте ровно 50 лет назад! Отметить это событие приехали заграничные гости (в том числе Джо Холдмен), а также лучшие силы местной НФ. Разумеется, лучшим из лучших присудили премию «Дитмар» – главную австралийскую награду жанра. Вот список лауреатов:

в номинации «Роман» – Гарт Никс (за произведение под названием «Лираэль» – «Lirael»);

в номинации «Короткая проза» – Люси Сассекс («Полная неопределенность» – «Absolute Uncertainty») и Джек Данн («Алмазная шахта» – «The Diamond Pit»);

в номинации «Авторский сборник» – Дэмиен Бродерик («Земля – всего лишь звезда» – «Earth is But a Star»);

в номинации «Фэн-писатель» – Брюс Гиллеспи;



в номинации «Фэн-художник» – Дик Дженсен;

в номинации «Фэнзин» – «SF Commentary» (редактор Брюс Гиллеспи);

в номинации «Новый талант» – Кэт Спаркс.

А еще в Мельбурне в первый раз была вручена Премия Макнамары, названная в честь Питера Макнамары, писателя и издателя, который открыл миру Грега Игана и вообще всячески пропагандировал австралийскую фантастику. В настоящий момент у него диагностирована опухоль мозга, врачи говорят, что он не проживет и года, вот группа энтузиастов во главе с Робертом Стивенсоном и поспешила учредить премию его имени. Первым лауреатом стал Пол Коллинз, автор и издатель, работающий в жанре фэнтези ***(«ЗД-информ»)***.

13–15/VI Состоялся фестиваль «Аэлита»

Екатеринбург. Очередной фестиваль «Аэлита» стал девятнадцатым праздником фантастики, состоявшимся на Урале. Будем откровенны, других конов с таким почтенным стажем в нашей стране нет, и тем отраднее, что «Аэлита» по-прежнему держится на плаву – несмотря на потерю главных кормчих Виталия Бугрова и Игоря Халымбаджи (их эстафету подхватила команда во главе с Евгением Пермяковым), несмотря на политические и финансовые катаклизмы, несмотря на то, что бюджет фестиваля пополняется исключительно за счет средств меценатов. Даже от оргвзносов, практикуемых практически повсеместно, «Аэлита» сумела удержаться, оставшись праздником исключительно демократическим. Более того – увеличилось количество призов. С этого года вручается орден «Рыцарь фантастики» имени И.Г.Халымбаджи (первый орден присужден Киру Булычеву, давнему другу фестиваля).



Церемония награждения состоялась в Театре кукол. Лауреатом «Аэлиты» стал Евгений Лукин, Приза имени И.Ефремова – Белла Клюева, Приза имени В.Бугрова – Дмитрий Байкалов, «Старта» – Леонид Каганов (первые двое, к сожалению, приехать не смогли). В зале присутствовали Владислав Крапи-

вин, Сергей Другаль, Геннадий Прашкевич, Сергей Казанцев (ему был вручен приз организаторов конвента), Юлий Буркин (он объявил лауреатов томской «Урании», которая в этом году не состоялась), Андрей Щупов, Борис Долинго, Наталия Ипатова, Александр Больных, Дмитрий Шубин и другие.

Помимо семинаров и пресс-конференций ***(на снимке – одна из них, слева направо: Прашкевич, Байкалов, Булычев, Каганов)***, состоялся торжественный выезд гостей к памятнику «Европа–Азия». Там прошел «пикник со стрельбой на обочине» – «европейцы» и «азиаты» мерялись силами, стреляя из пневматического оружия по развешанным тут и там «НЛО». Увы, маленькая Европа вновь победила огромную Азию, за что и получила памятный подарок от Геннадия Прашкевича – его же книгу с дарственной надписью.

Конечно, можно было бы порадоваться уже тому, что «Аэлита» вновь состоялась, однако нынешняя «Аэлита» не просто состоялась – она получилась более презентабельной и оживленной, а это внушает определенные надежды ***(Саша Белый)***.

15/VI Ник Перумов провел «Фэнтези-кон»

Санкт-Петербург. В конференц-зале Петровского колледжа состоялось мероприятие, гордо названное «Фэнтези-коном». Фактически это был семинар, посвященный проблемам современной фэнтези, однако, по мысли его организаторов во главе с Ником Перумовым, в дальнейшем он должен превратиться в полноценный конвент.

В аудитории присутствовало около 60 человек, средний возраст которых составлял 20–25 лет. Рассаживаясь, многие непроизвольно двигались так, будто ощущали на поясе деревянные мечи. Ведущим мероприятия был сам Перумов. Желание организовать специальный конвент для любителей фэнтези он объяснил тем, что все существующие российские «коны» посвящены почти исключительно научной фантастике (а как же «Зиланткон»?). Одновременно было объявлено об учреждении премии «Пробудивший дракона», которая будет вручаться без подковерных интриг и «анонимного жюри». Впрочем, Ник признал, что на первый раз решение было принято волюнтаристским методом, – и отдал премию Вере Камше за цикл «Хроники Арции» ***(на снимке – счастливый лауреат со своей наградой)***.

Далее следовали доклады. Первым выступил сам Николай Данилович, рассказавший «о текущем моменте и проклятых вопросах». Доклад вышел



чрезмерно эмоциональным и несколько сумбурным. Однако основная его мысль прослеживалась достаточно ясно: кризис российской фантастики был предопределен тем, что она не отделяла себя от «великой русской литературы» и вместо вопроса «что делать?» в первую очередь стремилась выяснить, «кто виноват». Не указав на виновного, а также на степень его вины, невозможно было считаться писателем. По мнению докладчика, социальная фантастика оказалась тем самым скальпелем, который в итоге принес больному лишь вред.



Следующим выступил Михаил Гончаров с докладом о современной фэнтези. Докладчик много говорил о классиках и архетипах, его выступление изобиловало ссылками на Сапковского, но в целом оказалось длинным и скучным. Зато финальный доклад журналиста Юрия Нерсесова, посвященный разбору фильма «Властелин Колец» и сравнению его с последними эпизодами «Звездных войн», вызвал в зале неподдельное оживление – на что и был рассчитан.

В целом можно признать, что прошедшее мероприятие выгодно отличалось от многих конвентов по ключевому пункту – наличию интеллектуальной работы. Будем ждать, что же получится из обещания провести в следующем году настоящий «кон» ***(Владислав Гончаров)***.

15–17/VI Писатели отдохнули на «ДонКоне»

Ростов-на-Дону. Здесь прошел второй в нынешнем тысячелетии конвент «ДонКон». Его гостями стали писатели Евгений Лукин, Генри Лайон Олди (Дмитрий Громов и Олег Ладыженский), Андрей Валентинов, редактор отдела фантастики издательства «Сталкер» Светлана Бондаренко. Приз конвента, который называется «ПирамиДон», вручен Андрею Лазарчуку и Ирине Андронати. Однако на ростовском фестивале, по свидетельству Громова и Ладыженского, «приз – это не главное. Главное – было весело и интересно. Многочасовая встреча писателей с читателями, разговоры заполночь, песни под гитару, стихи, эпиграммы, прогулка на катере по Дону, поездка в древний город Танаис, стрельба из арбалета...» Что ж, на фоне больших и пафосных конвентов должен существовать и такой – маленький и неформальный... ***(«ЗД-информ»)***.



21/VI АБС-премия досталась супругам Дяченко

Санкт-Петербург. В рамках Невского книжного форума состоялась церемония вручения АБС-премии. Претендентов на эту премию отбирает Борис Стругацкий, а затем ареопаг писателей и критиков голосованием определяет лауреатов в номинациях «Проза» и «Критика, публицистика». Так было и на сей раз, хотя не обошлось без приятных сюрпризов. Когда финалисты и сопровождающие их лица плыли на катере от Васильевского острова до Аничкова моста (подобные поездки уже стали традицией для АБС-премии), прямо посреди Невы судно неожиданно остановилось. Как оказалось, именно здесь организаторы решили передать Марине Дяченко приз «Большая Урания», который томские любители фантастики присудили роману М. и С.Дяченко «Долина Совести» ***(см. «Бортовой журнал» от 13 июня)***. Что ж, необычно и романтично...

А основное действо развернулось в Ледовом дворце – на сцене возле стендов с книгами. Играл оркестр, претендентов одного за другим представляли публике. И наконец оглашаются результаты. Лауреатом АБС-премии в номинации «Критика, публицистика» становятся Андрей Лазарчук и Петр Лелик за статью «Голем хочет жить», написанную более 10 лет назад. Жюри предпочло ее работам Кирилла Еськова и Сергея Переслегина. А в номинации «Проза» очередной успех ждал Марину и Сергея Дяченко. «Долина Совести» победила романы Д.Быкова, Е.Витковского и Хольма ван Зайчика. Если так и дальше пойдет, киевский дуэт догонит по количеству наград самого Евгения Лукина ***(«ЗД-информ»)***.

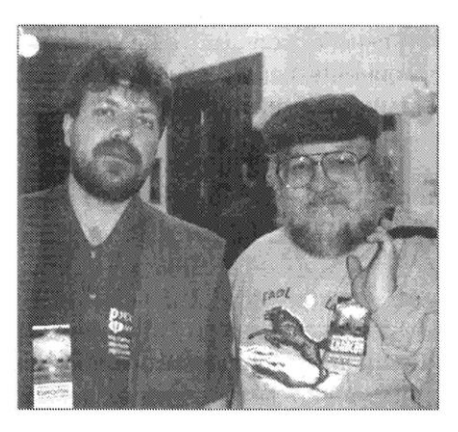
3–7/VII Российская делегация посетила «Еврокон»

Хотебор (Чехия). В начале июля в этом маленьком городке прошел очередной европейский фестиваль фантастики «Еврокон-2002». Это мероприятие объединило несколько местных литературных («Паркон», «Авалкон») и игровых конвентов. На фестивале присутствовало около 500 человек, что довольно много, если учесть удаленность (по европейским масштабам) места проведения от столичного города. Географическим положением, скорее всего, объясняется и национальный состав участников – ими были в основном жители Восточной Европы и немцы. С кратким визитом на «Евроконе»



побывала российская делегация, в которую вошли представители оргкомитета фестиваля «Роскон».

По результатам голосования участников «Еврокона» были определены: лучший писатель – Валерио Эванджелисти (Италия), лучший художник – Й.П.Красный (Чехия), лучший переводчик – Паулина Брайтер-Земкевич (Польша), лучшее издательство – «Leonardo» (Чехия), лучший журнал – «Fantazia» (Словакия). (Надо заметить, что наш «Если» не принимал участия в конкурсе в соответствии с уставом Европейского общества научной фантастики: «Если» был признан лучшим в 2000 году в Гдыне и в течение 10 лет не может номинироваться. Впрочем, на другие российские фантастические издания это ограничение не распространяется.) Лучшим продюсером назван Юрий Илков (Болгария), лучшим фэнзином – «Terra Fantastica» (Болгария), премии за лучший дебют получили Александр Крапанчев (Болгария), Александра Павелкова (Словакия), Виталий Каплан (Россия), Мирослав Ламбох (Чехия).



Довольно представительным оказался состав почетных гостей «Еврокона»: Джим Бернс, Джордж Мартин ***(на снимке он справа от российского критика Андрея Синицына)*** и, конечно, Анджей Сапковский. Пан Анджей с удовольствием встретился с членами российской делегации, которые подружились с ним на конвенте «Роскон-2001». Результатом общения, скорее всего, окажется повторный визит польского писателя в Москву этой зимой.

Ставшие уже традиционными поездки российской делегации на подобные мероприятия позволяют надеяться, что в скором времени и Россия сможет принять у себя гостей из Европы ***(Вадим Чиков)***.

5/VII Старейшему американскому фантасту присудили Премию Кэмпбелла

Канзас-Сити (шт. Канзас). Руководитель Центра по изучению фантастики при Университете Канзаса Джеймс Ганн назвал имена новых лауреатов Премии Джона У. Кэмпбелла и Премии Теодора Старджона. Первая награда досталась Джеку Уильямсону за роман с труднопереводимым названием

«Terraforming Earth» и Роберту Чарльзу Уилсону за роман «Хронолиты» («The Chronoliths»). Уильямсон, которому сейчас 94 года, на церемонию приехать не смог, однако прислал благодарственное письмо, где говорится, что награжденное произведение станет последним его романом. Приз Стардджона получил Энди Дункан за рассказ «Главный конструктор» («The Chief Designer»).

В рамках той же церемонии «Зал славы научной фантастики и фэнтези», созданный в 1996 году Центром Джеймса Ганна, пополнился еще четырьмя персонажами. Этой чести удостоены покойные Джеймс Блиш и Дональд Уоллхейм, а также ныне здравствующие Майкл Муркок и Сэмюэль Дилейни ***(«ЗД-информ»)***.

13/VII Определены финалисты «Странника»

Санкт-Петербург. Оргкомитет конгресса «Странник» подвел итоги предварительного голосования членов жюри одноименной литературной премии. В финальные тройки вошли:

в номинации «Крупная форма» – Хольм ван Зайчик (романы «Дело незалежных дервишей», «Дело о полку Игореве», «Дело лис-оборотней»), Олег Дивов (роман «Саботажник»), Марина и Сергей Дяченко (роман «Долина Совести»);

в номинации «Средняя форма» – Олег Дивов (повесть «Предатель»), Евгений Лукин (повесть «Труженики Зазеркалья»), Андрей Саломатов (повесть «В будущем году я стану лучше»);

в номинации «Малая форма» – Александр Громов (рассказ «Глина Господа Бога»), Алан Кубатиев (рассказ «Вы летите как хотите!..»), Сергей Синякин (рассказ «Кавказский пленник»);

в номинации «Критика, публицистика» – Кирилл Еськов (статья «Наш ответ Фукуяме»), Сергей Переслегин (статья «Кто хозяином здесь? Напоил бы вином...»), Евгений Харитонов (статья «“Русское поле” утопий»);

в номинации «Переводы» – Н.Виленская (перевод книги Д.Зинделла «Хранитель Времени»), Дмитрий Коваленин (перевод романа Харуки Мураками «Dance, dance, dance...»), Ирина Тогоева (перевод книг Г.Г.Кея «Древо жизни» и «Блуждающий огонь»).

Окончательный выбор жюри сделает осенью, в ходе конгресса «Странник». Прогноз «ЗД» таков: премию получат ван Зайчик, Дивов, Синякин и Еськов. Если этот прогноз подтвердится, редакция обнародует мотивы, которыми она руководствовалась при его составлении ***(«ЗД-информ»).***

ОЖЕРЕЛЬЕ МИРОВ



Андрей Саломатов



Я ДАРЮ ТЕБЕ ЖИЗНЬ

Критики, пишущие о творчестве Андрея Саломатова, обычно пытаются разобраться, «кого в нем больше — детского сказочника, фантаста-авангардиста или законченного реалиста-бытописателя». Действительно, трудно понять, как эти ипостаси могут уживаться в одном человеке. Однако же уживаются — и неплохо себя чувствуют! Реалистические книги Саломатова издаются в Европе, сказки принесли ему премию «Алиса», да и авангардная фантастика ценима знатоками (премия «Странник» за рассказ «Праздник»). А вот традиционной НФ из-под пера этого писателя выходит немного. Тем любопытнее читать рассказ «Я дарю тебе жизнь», созданный в полном соответствии с канонами жанра...

Видно было, что город покинули давно. Многие здания этого города были выстроены из больших каменных плит. Глубина оконных проемов свидетельствовала о необычайной толщине и прочности стен. Из щелей между камнями пучками росла трава, а кое-где виднелись чахлые кривые деревца. Широкие улицы города также заросли травой и кустарником, и на булыжниках, служивших когда-то мостовой, грелись мелкие зверушки.

Внезапно Гавличек остановился как вкопанный, а затем подозвал к себе Захарова. Прямо под домом в траве лежал человеческий скелет, едва прикрытый бурыми лохмотьями. Череп убитого был сильно поврежден у виска.

– Вот и первый житель Фе, – мрачно проговорил Гавличек. Присев на корточки, он принялся разглядывать пролом в черепе. – Ничего ударчик, наповал.

Заметив что-то в остатках одежды, Захаров нагнулся и поднял два тяжелых металлических цилиндрика.



– Похожи на пули, – сказал он. – Скорее всего, ружейные. Хотел бы я посмотреть, что у них за пушки.

Гавличек взял один из цилиндриков и подкинул его на ладони. В этот момент где-то рядом грохнуло, и в стену рядом с Захаровым что-то ударило. Брызнули осколки камня, в траву упала расплющенная пуля.

– Шлем, – тихо проговорил Захаров, но Гавличек уже сообразил, в чем дело. Оба разведчика надели шлемы и быстро осмотрелись. В одном из пустых оконных проемов на противоположной стороне улицы они заметили вспышку, и сразу же послышался выстрел. Пуля больно ударила Захарова в грудь и, расплющившись, отскочила в траву.

– Ну, вот и второй фенянин, – сказал Гавличек и, махнув рукой, бросился к дому.

Захаров догнал напарника на противоположной стороне. Вбежав в дом, разведчики принялись искать лестницу. Длинный коридор закончился просторной площадкой, откуда и начинались ступеньки.

Огромными прыжками длинноногий Гавличек одолел первый пролет и посмотрел наверх. Метрах в десяти над ним стоял молодой человек и целился ему в голову. Затем раздался еще один выстрел, и пуля, ударившись о шлем, отлетела в сторону.

Отшвырнув ружье, стрелявший исчез в дверях, но разведчики быстро догнали его и прижали к стене.

– Зачем ты стрелял в нас? – спокойно спросил Гавличек. Вдвоем им не стоило особого труда удерживать низкорослого фенянина. Не имея возможности даже шевельнуть рукой, молодой человек лишь злобно вращал глазами и скалил зубы.

– Может, ты все же скажешь, зачем стрелял? – повторил вопрос Захаров.

– Убивайте, чего вы ждете! – ломающимся голосом крикнул фенянин.

– Мы не собираемся тебя убивать. Твоя жизнь нам не нужна, – ответил Захаров. – А вот ты, кажется, за нами охотился. Зачем?

Опустив голову, фенянин тихо пробормотал ругательство и замолчал.

– Если не хочешь говорить, нам придется взять тебя с собой. – Захаров выключил автопереводчик и обратился к напарнику: – Давай-ка его в катер. Ему надо успокоиться. Сейчас он может только кусаться.

Двухметровый Гавличек легко взвалил на себя мелкого фенянина, и разведчики пустились в обратный путь.

На площадке Захаров подобрал брошенное фенянином ружье.

– Пищаль, – со знанием дела сообщил он напарнику. – Во всяком



случае, очень похоже. Было бы смешно, если бы из этого шланга кого-нибудь из нас уложили.

Гавличек молча нес свою ношу. Фенянин не сопротивлялся. Он лежал на плече у землянина и, закрыв глаза, покачивался в такт шагам.

Возле катера Гавличек поставил пленника на ноги и откинул шлем за спину. Затем он включил автопереводчик и, отдуваясь, предупредил:

– Не советую убегать. Я бегаю лучше.

Захаров хлопнул молодого человека по плечу, и тот испуганно обернулся.

– Не бойся. Полезай в машину. Там удобнее беседовать.

Разговор с фенянином не дал разведчикам никаких результатов. Он все время молчал и лишь на закате, посмотрев на солнце, молитвенно произнес:

– Спасибо, Харелл.

– Харелл – это солнце? – поинтересовался Гавличек. Абориген равнодушно посмотрел на разведчика и ничего не ответил.

– Ну что с ним делать? – раздраженно спросил Гавличек. – Давай наваляем ему, и пусть идет. Не с собой же его таскать.

– Отпускай, – согласился Захаров. – Ружье мы отобрали. Пусть идет. – Распахнув дверцу, он ткнул пальцем в темноту и обратился к фенянину: – Иди, ты свободен.

Абориген затравленно посмотрел вначале на одного разведчика, потом на другого и процедил:

– Не пойду.

– Фьють, – свистнул Гавличек. – Вот это номер. Он не пойдет. А тебя и спрашивать никто не будет. Выкинем – и будь здоров.

Вцепившись в кресло, фенянин уперся ногами в стенку и громко повторил:

– Не пойду, меня убьют.

– Это другой разговор, – удовлетворенно проговорил Захаров. Он закрыл дверцу и подвинулся поближе к аборигену. – Кто тебя убьет? Расскажи, не бойся.

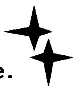
– Или убирайся к чертовой матери, – рявкнул на него Гавличек.

– Не пойду! – закричал фенянин. – Я не знаю, кто убьет! Кто первым увидит, тот и убьет!

– У вас что, гражданская война? – спросил Захаров, но абориген снова замолчал.

– Ладно, пусть переночует, – проворчал Гавличек. – А утром иди куда хочешь. Нам некогда с тобой нянчиться. Только смотри, не вздумай ночью напасть на нас. Бесполезно.

– Не буду, – угрюмо ответил фенянин.



Проснувшись, Захаров приподнялся и посмотрел на заднее сиденье. Фенянин еще спал. Гавличек открыл глаза и откинул шлем.

– Фу, как неприятно спать в шлеме, – пробормотал он и зевнул. – Всю ночь снилась какая-то гадость. – Он брызнул в рот зубным шампунем и, открыв дверь, сплюнул на траву. – Буди этого обормота, – сказал он Захарову и вышел из катера.

Фенянин поднялся сам. Как и вечером, он посмотрел на солнце, сказал «Спасибо, Харелл» и, с опаской поглядывая на Захарова, вышел из машины.

– Я пойду? – мрачно спросил он у Гавличека.

– Иди, – равнодушно ответил тот.

– Можно я возьму свое ружье? Я больше никогда не буду стрелять в вас, – стараясь не смотреть на разведчиков, попросил он.

– Нельзя, – грубо ответил Гавличек. – И смотри, еще раз поймаем с пушкой, я тебе уши оборву. Понял?

– Мне нельзя без ружья, – с ужасом в глазах проговорил фенянин. – Где я достану другое? Меня подстрелит любой мальчишка.

– У вас что, у каждого мальчишки есть ружье? – спросил Захаров.

– Да, – ответил молодой человек. – У нас нельзя без оружия.

– Тогда ответь ты нам, черт тебя раздери, что у вас происходит?! – сказал Гавличек. – Война? Вендетта? Или что-нибудь еще? Почему вы охотитесь друг на друга?

– Мы хотим жить, – ответил фенянин.

– Интересно, – озадаченно проговорил Захаров. – Разве для того, чтобы жить, надо убивать друг друга?

– Человеческий век короток, а мы хотим жить долго, – загадочно ответил фенянин.

– Так вы потому и живете недолго, что уничтожаете друг друга, – воскликнул Захаров. – Галиматья какая-то! Как ему втолковать?

– Не надо ему ничего втолковывать, – ответил Гавличек. – Пусть забирает свое ружье и проваливает.

– М-да... – Захаров в задумчивости поскреб небритый подбородок и, отключив автопереводчик, сказал: – Он же сейчас пойдет и кого-нибудь шлепнет.

– Ну, а так шлепнут его, – ответил Гавличек и рявкнул на фенянина: – Бери ружье и марш отсюда!

Абориген мышью нырнул в катер, схватил оружие, прижал его к груди и, все время оборачиваясь, побежал к домам.

– Постарайся больше никого не убивать, – вдогонку ему крикнул Захаров.

– Так он тебя и послушал, – усмехнулся Гавличек. – Надо отыскать

кого-нибудь поумнее и посговорчивей. Кажется, вон там, – Гавличек показал на север, – есть какое-то селение. Надо бы познакомиться с семьей фенян. Женщины, надеюсь, здесь есть? Или дети. Должен же кто-то проболтаться.

– На войну не похоже, – сказал Захаров. – Хотя война войне рознь. Они всякие бывают.

– Садись, поехали, – забираясь в катер, сказал Гавличек. – Может, и война. Разберемся. Любая война бывает понятна только тем, кто воюет. Для остальных она – бессмыслица.

Закрыв за собой дверь, Захаров устроился на водительском сиденье и включил двигатель. Катер бесшумно тронулся и, быстро набирая скорость, полетел над самой землей.

– Красивая планета, – разглядывая диковатые пейзажи, проговорил Захаров. – И город красивый. Похоже на наше средневековье. Ну, вот и приехали, – сказал он и выключил двигатель. Катер плавно заскользил по земле и становился у стены небольшой, но внушительной крепости. Сразу за стеной из необработанного камня начинался густой лес. Оттуда тянуло теплой сыростью и вполне земной хвоей.

– Курорт, – пошутил Захаров, выбираясь из катера.

– Посмотрим, – с сомнением ответил Гавличек, на глаз прикидывая высоту стены. – Как ты думаешь, нас уже ждут?

– Не знаю, – легкомысленно ответил Захаров. – Если заметили, то ждут.

– Сейчас как дадут залп из сотни стволов, потом полдня сидеть в примочках. Может, махнем через стену?

– Не надо, подумают что-нибудь не то, – ответил Захаров. – Пойдем, поищем ворота.

Разведчики прошли вдоль стены, свернули налево и через двадцать метров остановились у невысокой бревенчатой двери. Она оказалась заперта, и Гавличек зычно позвал:

– Эй, есть кто дома?!

Прямо над головой у землян два раза подряд грохнуло, и Захаров рассмеялся.

– В шлем-то лучше.

– Эй, вы, – крикнул Гавличек, задрав голову. – Перестаньте стрелять, а то мы разнесем ваш паршивый бастион по камешку.

– Не стреляйте, – вторил ему Захаров. – Мы не сделаем вам ничего плохого.

– Их это не волнует, – проговорил Гавличек. – Они стреляют не потому, что боятся тебя. Ты им не нравишься.

– Выходите, поговорим, – снова крикнул Захаров. Разведчики ото-



шли от стены метров на пять. Над стеной торчали две лохматые головы и два ружейных ствола.

– Чего вам надо? – громко спросил один из аборигенов.

– Вначале уберите ружья, – ответил ему Гавличек. – Пули нас не берут.

– Видели, – ответил тот же фенянин.

– А если видели, какого черта держишь нас под прицелом? Я не могу разговаривать с человеком, который метится в меня из ружья. Меня это раздражает.

Немного посовещавшись, феняне отложили ружья.

– Так-то лучше, – удовлетворился Гавличек. – Мы хотим задать вам несколько вопросов.

– Задавайте, – ответил фенянин.

– Во-первых, – опередил своего напарника Захаров, – почему вы в нас стреляли?

– Мы не знаем, кто вы такие, – сказал абориген.

– Во-первых, может, вы все-таки спуститесь, – миролюбиво сказал Гавличек. – У нас нет оружия. Неловко как-то разговаривать, задрав голову.

– Такому, как ты, чтобы убить человека, и оружия не надо, – сказал тот же фенянин.

– Ладно, – сдался Гавличек. – Тогда скажите, где мы можем увидеть кого-нибудь из представителей власти? Кто у вас здесь – губернатор, король или президент?

– У нас нет короля, – ответил фенянин. – Последнего убили лет сорок назад. Больше никто не хочет управлять страной. Каждый сам себе хозяин.

– А что здесь происходит, можно узнать? – спросил Захаров.

– Ничего не происходит. Живем себе. Хлеб растим, детей растим, Богу молимся.

– Может, подскажете, где найти священника? – попросил Гавличек.

Аборигены на некоторое время скрылись за стеной. Разведчики уже подумали было, что разговор окончен, но над стеной снова возникла голова фенянина, и он спросил:

– Вам нужен жрец?

– Да, – обрадовался Захаров. – Самый старший жрец. Мы не сделаем ему ничего плохого, у нас нет оружия. Ты же видишь, мы пришли с миром.

Феняне снова скрылись, а через минуту один из них крикнул:

– В городе. В центральном соборе.

– Наконец хоть что-то, – покачал головой Гавличек.



– Поехали. – Захаров откинул шлем и пошел к катеру.

– Надень, – попросил его Гавличек и добавил: – Пижон.

Город оказался не таким уж и маленьким. Повиснув в двухстах метрах от земли, разведчики насчитали только в центре шесть зданий, похожих на собор. И это не считая нескольких десятков прилегающих к центру и на окраинах.

– Если главный, значит, один из этих шести, – сказал Гавличек. – Какой – внизу разберемся.

Катер спикировал вниз и приземлился на круглой площади в десятке метров от величавого здания, похожего на гигантский усеченный конус. Стрельчатые окна здания напоминали бойницы, литые чугунные двери были такими массивными, что могли выдержать долгую осаду, и в то же время представляли собой настоящее произведение искусства.

– Красиво сделано, – с восхищением проговорил Захаров и вздохнул. – Умеет двуногий к Богу подмазаться.

Пройдя через распахнутые ажурные двери, разведчики попали внутрь. Здесь было сумрачно и прохладно. Немного привыкнув к полумраку, они сумели рассмотреть внутреннее строение конуса. Разведчики находились посреди арены диаметром метров в пятьдесят. По стенам, вверх спиралью, тянулись глубокие ложи, отделенные друг от друга витыми колоннами. В промежутках между резными балясинами видны были деревянные диваны и маленькие скамейки.

– Ты думаешь, это собор? – с сомнением спросил Гавличек.

– Если и собор, то не центральный, – ответил Захаров. – Вообще-то, больше напоминает цирк.

– Цирк так цирк, – согласился Гавличек. – Пойдем дальше.

Выйдя на улицу, разведчики успели заметить промелькнувшего между двумя зданиями человека. Затем он снова показался в дверном проеме, и тут раздался выстрел. Человек взмахнул руками и вывалился из здания на мостовую.

– Скорее, – скомандовал Гавличек, и разведчики бросились к феняниу. Когда они подбежали к нему, прогремел еще один выстрел. Пуля попала Гавличеку прямо между лопаток.

– Ах ты, сволочь! – сморщившись, проговорил он и пошевелил лопатками. – Ты займись раненым, а я попробую поймать этого гада.

– Смотри, не задави его, – вслед ему крикнул Захаров.

Подстреленный абориген был еще жив. Достав индивидуальный пакет, Захаров с трудом разорвал на груди у раненого рубашку из грубой ткани и осмотрел рану. Пуля попала в правое легкое.



– Ерунда, – обрадовался Захаров. – Сейчас мы тебя, голубчика, оживим. Станешь как новенький.

Извлечь пулю из легкого оказалось делом нескольких секунд. После этого Захаров продезинфицировал рану и перевязал. Раненый постепенно приходил в себя.

– Ну что, получил свое? – устраивая аборигена поудобнее, спросил Захаров.

– Я живой? – испуганно спросил фенянин.

– Пока да, – ответил разведчик. – Но тебя опять могут подстрелить как цыпленка. Ты-то многих уложил?

– Ни одного, – сложив руки на груди, ответил абориген. – Не убивай меня. Я отдам тебе все, что у меня есть.

– Чудак человек, – рассмеялся Захаров. – Зачем мне тебя убивать? Я только что спас тебя от смерти.

Фенянин ощупал грудь и недоверчиво спросил:

– Ты оживил меня?

– Ну да, – Захаров поднял ружье фенянина и осмотрел его. Раненый испуганно наблюдал за разведчиком. – Заряжено? – спросил Захаров.

– Да, – ответил абориген. – Ты жрец?

– Нет, – ответил Захаров. – Но о жреце мы еще поговорим.

Из дверей соседнего здания появился Гавличек.

– Удрал, – громко сообщил он. – Через подвал ушел, в окошко. Я только голову и сумел просунуть. Твой жив?

– Живой, – ответил Захаров. При появлении огромного землянина абориген молитвенно сложил руки и, слегка наклонив голову, произнес:

– Я дарю тебе жизнь.

– Ты мне?! – загрохотал Гавличек. – Ну и тип. Это я дарю тебе жизнь. А вернее, вот он. Ты лучше скажи, за что он хотел тебя убить?

– Не знаю, – потупившись, ответил фенянин.

– А где центральный собор, знаешь? – Гавличек стоял над сидящим фенянином, широко расставив ноги и уперев кулаки в бока. Тому страшно было смотреть на исполина с едва заметным мерцанием вокруг головы.

– Знаю, – ответил абориген. – Пятьсот шагов отсюда. Но сейчас туда нельзя. Днем собор закрыт. А ночью... к нему опасно подходить. Могут убить. Здесь тоже опасно. Нас отовсюду видно.

– Ну, это наше дело, – сказал Гавличек. – Ты можешь встать?

Фенянин довольно легко поднялся и сразу нырнул в дом.

– Эй, не вздумай убегать, – крикнул ему Гавличек и последовал за ним. Но фенянин оказался прямо за стеной.

– Зачем мне убегать? – сказал он. – Мы подарили друг другу жизнь.

– Ах, вон оно что, – усмехнулся Гавличек. – Сейчас ты пойдешь с нами. Вон туда, – Гавличек показал на катер. – Покажешь нам, как проехать к собору.

– На улице меня могут убить, – испуганно проговорил абориген.

– Я тебя закрою, – успокоил его Гавличек. – За мной ты будешь как за бронированной стеной.

К катеру они шли гуськом, почти вплотную друг к другу. В середине шел фенянин и все время озирался. Он тревожно смотрел на окна домов, а когда подошли к машине, не сразу отважился в нее влезть.

– Давай-давай, не бойся. – Гавличек легко приподнял аборигена и затолкнул его в катер. – Кстати, ты случайно не знаешь, что это за пирамида? – усаживаясь рядом, кивнул он на здание.

– Когда-то это было театром, – ответил фенянин. – Но очень давно. Люди тогда еще жили в городе.

– А почему они ушли из города? – поинтересовался Захаров.

– В городе страшно стало жить. Очень много народу. Убивали прямо на глазах у всех. И тут же убивали того, кто убивал. По ночам люди врывались в дома. Поэтому все ушли. Мой дед рассказывал, как это было жутко.

– Я что-то не пойму, – покачал головой Гавличек. – Зачем убивать, если тебя тут же самого кокнут?

– А может, и не кокнут, – серьезно ответил фенянин.

– Значит, в городе живет только жрец? – спросил Захаров.

– Сюда приходят охотиться, – сказал абориген. – Раньше здесь жили несколько человек. Они были против охоты на людей. Их перестреляли по одному.

– Значит, ты тоже пришел сюда поохотиться? – спросил Гавличек. Фенянин опустил голову и ничего не ответил. – А живешь ты где?

– Вон там, в крепости Билар, – оживился абориген. – Наша семья зовется Билар. А зовут меня Пэт. Пэт Билар.

– Очень приятно, Пэт, – не без сарказма проговорил Гавличек. – А семья у тебя большая?

– Сорок два человека.

– И друг друга вы не трогаете? – продолжал Гавличек.

– Нет. Мы родственники. Там наши дети.

– Значит, своих нельзя, а чужих можно? – подвел черту Гавличек, но Захаров перебил его:

– А все-таки, убиваете зачем?

– Чтобы жить, – тихо ответил фенянин.



– Это мы уже слышали, – сказал Захаров и включил двигатель. – Показывай дорогу.

Центральным собором оказалось здание, напоминающее вкопанное на треть куриное яйцо, в котором едва ли поместились бы три человека. И разведчики поняли, что без помощи Пэта они ни за что не нашли бы его.

– Это что же, он у вас под землей? – удивленно спросил Гавличек.

– Да, – ответил Пэт. Вид у него был неважный. Полет напугал его чуть ли не больше, чем недавнее покушение на жизнь. – После смерти человека закапывают в землю, – продолжал он. – Чтобы мертвые не выходили из своих могил, храмы делают под землей.

– Вы и после смерти ходите в храм? – серьезно спросил Гавличек.

– А что еще делать мертвому? – пожал плечами Пэт. – Днем они собираются в храме, а ночью туда приходят живые.

– А почему же живые ночью? – спросил Захаров.

– Не знаю, – ответил Пэт. – Так велит жрец.

– Ну что? – обратился Гавличек к своему напарнику. – Пойдем, посмотрим на собрание мертвых?

– Нельзя! – испуганно проговорил Пэт. – Мертвые могут забрать вас с собой.

– Вот я и хочу посмотреть, как они это делают, – усмехнулся Гавличек. – Ты пойдешь с нами. Тебе полезно будет посмотреть на своих предков.

– Я не пойду! – воскликнул фенянин. – Я не знаю, кто вы. Вас они, может, и не тронут, а я простой человек.

– Ничего, – Гавличек хлопнул аборигена по плечу. – С нами тебя никто не посмеет тронуть. Разве ты еще этого не понял? Ты уже забыл, что всего полчаса назад внутри у тебя сидела пуля величиной со сливу, а сейчас ты сидишь живой и здоровый и даже говоришь глупости. Пойдем. – Гавличек бесцеремонно выволок Пэта из катера, и Захаров на всякий случай закрыл собой фенянина от ближайших домов.

Дверь собора оказалась запертой изнутри, и даже Гавличеку понадобилось немало сил, чтобы открыть ее. Сразу за дверью начиналась лестница, которая круто уходила вниз. Идти пришлось не долго. Метров через десять ступеньки кончились, и разведчики с фенянином очутились в просторном зале. Размеры зала из-за темноты трудно было определить. Впереди, на расстоянии двадцати метров, тускло горели три светильника. Жидкие язычки пламени едва освещали неподвижно сидящего человека.

– Спасибо, Харелл, – сложив руки, прошептал Пэт.



– Это и есть Харелл? – тихо спросил Захаров.

– Да, – ответил Пэт. – Великий Бог Харелл, который дарует нам жизнь.

Вошедшие приблизились к алтарю. Харелл был вырезан из светлого дерева. Он сидел на возвышении, вытянув перед собой руки и сложив их ладонями вверх – чашкой. В пригоршне у него лежало что-то темное и округлое. Гавличек подошел поближе, чтобы рассмотреть этот предмет.

– Сердце, – громко сказал он. – Похоже на человеческое.

За алтарем отворилась не видимая ранее дверца, и оттуда вышел сморщенный фенянин очень маленького роста. Он был одет в белую тогу, на груди у него висело золотое изображение Харелла. Подслеповато щурясь, он посмотрел на гостей и скрипуче спросил:

– Кто разрешил вам войти сюда днем?

– А нам никто и не запрещал, – ответил Гавличек. – Мы пришли сюда поговорить.

– Мне не о чем с вами говорить, – высокомерно ответил старик. – Убирайтесь отсюда!

– Послушайте, – начал Захаров. – Ответьте, пожалуйста, на несколько наших вопросов, и мы уйдем.

– Ну, нет, – сказал жрец и хлопнул в ладони. – Теперь-то вы не уйдете.

По другую сторону алтаря откуда-то появились три фенянина. Ни слова не говоря, они вскинули ружья и залпом выстрелили. Отскочившие пули звякнули о каменный пол.

– Прикрой Пэта, – сказал Гавличек своему напарнику и двинулся на стрелков. Вскрикнув, те побросали ружья и скрылись за едва заметной дверцей. Гавличек успел загородить дорогу только жрецу.

– Кто вы? – дрогнувшим голосом спросил старик.

– Вы, судя по всему, человек образованный, – дипломатично начал Гавличек. – И сможете толково нам объяснить, что у вас происходит? Почему люди убивают друг друга?

Жрец покосился на Захарова и выглядывающего из-за него фенянина.

– Мне трудно ответить на этот вопрос, – наконец сказал он. – Это связано с древними традициями.

– Хороши традиции, – влез в разговор Захаров. – Да и не такие уж они древние. Мы уже кое-что узнали.

– Если позволите, я схожу, принесу древние свитки, – сказал жрец. В них все подробно описано. Я вам прочту их. Они хранятся вот за этой дверью, у меня в келье.



– А стреляли в нас, стало быть, ваши монахи, – съязвил Гавличек. – Ладно, только мы пойдем вместе.

– Конечно, конечно, – охотно согласился жрец и, обойдя огромного землянина, подошел к двери. Гавличек оперся рукой о стену, нагнулся, чтобы войти, но старик вдруг выкинул руку вперед и крикнул: – Что это?

Секунды хватило жрецу на то, чтобы проскользнуть в дверь и захлопнуть ее за собой.

– Наивный старик, – с досадой оттого, что его так примитивно обманули, проговорил Гавличек.

– Неизвестно, кто из вас наивнее, – ответил ему Захаров и тоже подошел к двери. Пэт, испуганно озираясь, последовал за ним.

Как Гавличек ни старался, дверь не сдвинулась с места ни на миллиметр. Не было даже малейшей щели. Хорошо обтесанные бревна были плотно пригнаны друг к другу.

– Может, пульсатором? – смущенно предложил Гавличек. – Все уже ясно: этот жрец – тот еще пройдоха.

– Нет, – ответил Захаров. – Во-первых, мне еще ничего не ясно. А во-вторых, мы под землей. Может обрушиться потолок. И тогда здесь действительно поселятся мертвые и земляне, и феняне. Пойдем отсюда. – Захаров подтолкнул Пэта к выходу. – Познакомь нас со своей семьей. Ну, расскажешь, что мы спасли тебе жизнь и не хотим ничьей смерти.

– Хорошо, – сразу согласился фенянин. – Мои родные будут вам рады. Многие из них тоже не хотят ничьей смерти. Я скажу им, что вы великие врачеватели, что вас не берут пули и что вас испугался сам жрец.

В некоторых местах на окраине города лес подошел вплотную, и деревья с кустарником закрыли часть домов. Это было необыкновенно красиво. Казалось, что изысканная архитектура позволила украсить себя только в тех местах, где это было необходимо. Необходимо по замыслу художника, задавшегося целью объединить мертвый камень с живой природой.

Оставив позади себя километров пятнадцать непроходимого леса, разведчики приземлились у самой стены хорошо укрепленного форта. Катер заметили еще до приземления. Над стеной то появлялись, то исчезали головы, и не меньше десятка стволов были нацелены на невиданную до сих пор машину.

Пэт неторопливо выбрался из катера и высоко поднял руку.

– Это я, – крикнул он и поприветствовал своих: – Я дарю вам жизнь.

Со мной мои друзья. – И сразу несколько человек над стеной поднялись во весь рост.

– Почему твои друзья летают в лодке? Кто они? – спросил пожилой мужчина, закованный в кожаные латы. Вначале Пэт замешкался, не зная, что ответить. Он вопросительно посмотрел на землян, а затем сказал:

– Они спасли мне жизнь. Сегодня утром мне продырявили грудь, а сейчас не осталось и следа от пули.

Разведчики вышли из катера и встали рядом с фенянином.

– Я же запретил тебе выходить из дома, – сказал человек, одетый в кожу. – Я с тобой еще поговорю.

– Впустите нас, мы пришли к вам с миром, – сказал Гавличек.

– Почему твои друзья не приветствуют нас? – обратился к Пэту тот же человек. – Ты же знаешь, пока они этого не сделали, они наши враги.

– О, простите, – спохватился Гавличек. – Я дарю вам жизнь. – И Захаров тут же последовал его примеру.

– Проходите, – наконец разрешил старший. – Только оружие оставьте в лодке.

В десяти метрах от катера открылись ворота. Внутри форт оказался намного меньше, чем снаружи. По всему периметру двора располагались хозяйственные постройки, а посередине находились четыре жилых дома. На площади никого не было видно, зато все мужское население форта, включая и подростков, окружило гостей. Феняне откровенно восхищались Гавличеком и давали ему названия различных крупных животных планеты. Разведчик же стоял как монумент и иногда за спиной похрустывал пальцами. Еще в катере земляне договорились, что разговор будет вести Захаров, а Гавличеку оставалось только слушать и запоминать.

– Вы, наверное, старший в семье? – спросил Захаров у пожилого фенянина. Тот молча кивнул. – Мы прилетели издалека. То, что мы здесь увидели, нам непонятно. Зачем люди убивают друг друга? Вы истребите сами себя.

– Это правда, – сдвинув брови, ответил старший. – Нас становится все меньше и меньше. Дошло до того, что убивают родственников.

– За что? – спросил Захаров.

– Это давняя история. Сейчас мало осталось людей, которые помнят те времена. – Старший повернулся к Пэту и сурово спросил: – Вы были у жреца?

– Да, напугали его до смерти, – рассмеялся Пэт. – Нет там никаких мертвецов. Вранье все это.



— Напугали! — презрительно проговорил старший. — Ты, что ли, напугал? Доберусь я до этого жреца. Его-то никто не смеет тронуть. Попробуй, объясни этим болванам, что он мошенник. Харелл был и до жреца. Только тогда почему-то никто никого не убивал. Люди жили вместе в городах. Значит, не Бог виноват, а человек, который говорит от имени Бога.

— А что это за история со жрецом? — спросил Захаров.

— Не знаю, вранье это или правда. Только что может быть правдивее вранья, из-за которого погибают люди? Мне отец рассказывал, когда я был мальчишкой, что к нам на землю с неба спустились какие-то люди. У них тоже была летающая лодка. Они спокойно ходили по городу и никого не трогали. Горожане принимали гостей как полагается — с почестями. А однажды они летели по воздуху, и лодка упала на землю. Как раз в том месте, где сейчас центральный собор. Одного из них сильно покалечило, чуть ли не разорвало пополам. Это все правда, а дальше — не знаю. В общем, жрец говорит, что тот человек умер, и жизнь его перешла к другому. Значит, у другого стало две жизни. Жрец говорит, что люди с неба сами ему рассказали об этом. Он чем-то помогал им.

— Трансплантация личности, — вслух сказал Гавличек, и Захаров кивнул головой.

— Того человека похоронили в городе, — продолжил старший. — Жрец утверждает, что люди с неба взяли с собой его сердце. Не знаю, правда это или нет, но даже если и так, я бы оторвал жрецу голову за эту правду.

— Это неправда, — сказал Захаров. — Но об этом потом. Что же было дальше?

— Дальше построили собор, а потом появились молодцы, желающие заполучить еще одну жизнишку. Своей, наверное, было мало. А там и пошло: в открытую убивали, особенно самих убийц. У этих-то уже не одна, а две, а то и три жизни было. Потом, когда город уже бросили, узнали, что сердца убитых они носят этому прохвосту в собор. Что уж он с ними делает? Может, пожирает? Не знаю. — Старший посмотрел на Пэта, и тот опустил глаза. — И эти туда же. Ты свою жизнь проживи как следует. Нет, ему еще одну подавай! А ведь и одной не проживешь — убьют. Добываешь жизнь, а получаешь смерть. Тьфу!

— М-да... — озадаченно проговорил Захаров.

— Сейчас-то немножко поспокойнее стало, — продолжал старший. — Народу стало мало. А раньше фортов не было, семья на семью ходили жизнь себе продлевать. Все помазаны — и старики, и женщины. Особенно старики лютовали. Помирать-то кому охота? Мой отец когда



умирал, проклял все свои жизни. Несколько их у него было, а вот помер не старым. Очень не хотелось ему на том свете к жрецу по утрам в гости ходить. Он и мне завещал не трогать человека.

– Дорого вам стоила эта ошибка, – сказал Захаров. – Но ведь еще не поздно, нужно что-то делать.

– Надо поубивать всех охотников за жизнями, – патетически воскликнул безусый юноша.

– Не надо, – ответил ему Захаров. – Насколько я понял, желающих продлить свою жизнь у вас достаточно. Слишком многих придется убить. Зачем? Им надо объяснить. Для начала следует собрать всех, кто не желает убивать. Уверен, что таких большинство. Конечно, не обойдется без новых жертв, но что делать?

– Этими стрелками в городе займемся мы, – предложил Гавличек. – Трех человек нам в подмогу из тех, кто хорошо знает город. У нас в катере три свободных места. И через несколько дней в городе будет тихо. Есть желающие полететь с нами?

– Я, мой старший сын и племянник, – немного подумав, ответил старший. Затем он посмотрел на молодежь и рассмеялся. – Очень хочется покататься в летающей лодке.

Катер поднялся в воздух, сделал круг над крепостью и взял курс на город.

– В первую очередь надо уничтожить собор вместе со жрецом, – отключив автопереводчик, сказал Гавличек. – Этим мы можем заняться сегодня же.

– Остынь, – одернул его Захаров. – Как раз этим мы и не будем заниматься. Ты забыл, что мы не у себя дома. Они сами должны с ним разобраться.

– Брось ты, Илья, – с жаром начал Гавличек. – Мы и так уже влезли в их дела. К тому же напортачили здесь такие же чужаки. Пусть даже невольно. А мы попытаемся восстановить прежний порядок.

– А ты не подумал, что так же невольно мы можем натворить здесь таких дел, что они потом не расхлебают за тысячу лет?

– Неизвестно, – мрачно ответил Гавличек и, обернувшись, посмотрел на пассажиров. Феняне толкали друг друга в бока, показывали на что-то за окном и оживленно разговаривали.

– Вот именно, неизвестно, – сказал Захаров.

– Ты что, всего за два дня собираешься переделать их разговорами о совести? – насмешливо спросил Гавличек. – Думаешь, достаточно будет сказать, что убивать нехорошо, и они сложат оружие?

– Пока я не знаю, что делать, – ответил Захаров. – Но я думаю.



– Зато я знаю, – сказал Гавличек. Он нажал кнопку на пульте, и из стены выползла кассета. Включив автопереводчик, разведчик обратился к старшему: – Поскольку вам придется воевать вместе с нами, наденьте эти костюмы. Они защитят вас от пуль.

Достав костюмы, феняне внимательно осмотрели их, ощупали и, нахваливая прочную ткань, принялись одеваться.

Катер сел на той же площади, откуда разведчики начали свое знакомство с городом.

– Выходите. Смелее, – подбадривал аборигенов Гавличек. – Теперь вам ничто не страшно.

Феняне неуверенно выбрались из машины. Костюмы землян висели на них, и это их развеселило. Они хлопали друг друга по плечу и смеялись.

Укрепив на поясе пульсатор, Гавличек выпрыгнул из катера.

– Советую тебе сделать то же самое, – сказал он Захарову. – Не на прогулку идем.

– Я думаю, мне он не понадобится, – ответил Илья, однако оружие с собой прихватил. Захаров действительно не знал, с чего начинать, поэтому инициативу сразу взял на себя Гавличек.

– Значит так, двое молодых со мной в собор. Надо вытащить оттуда этих друзей покойников. Я бы и один справился, но, боюсь, не доведу всю ораву. У меня есть план: хочу по-хорошему поговорить со жрецом. Может, он поможет убедить людей. Ему поверят.

– Это идея, – обрадовался Захаров. – Только аккуратнее убеждай его, он старый человек.

– А вы, – обратился он к Захарову, – займитесь охотниками. Ружья об угол, людей на все четыре стороны, а перед этим маленькое вливание насчет гуманизма и великой миссии человечества.

– Очень тебя прошу, – сказал Захаров, – не натвори там чего-нибудь.

– Отстань, я не мальчик, – отмахнулся Гавличек.

До собора группа из трех человека добралась за полчаса. Дверь болталась на одной петле, и Гавличек, пнув ее ногой, первым прошел внутрь. Феняне несмело последовали за своим командиром.

Внизу ничего не изменилось. Приблизившись к маленькой дверце за алтарем, Гавличек толкнул ее, и она со скрипом отворилась. За дверью было совершенно темно.

– Есть здесь кто-нибудь? – крикнул разведчик, но никто не отозвался. Феняне в это время с благоговением смотрели на статую Харелла и что-то шептали себе под нос. – Помолитесь пока, я сейчас вернусь, – сказал Гавличек и исчез в темноте.

– Если это правда, что теперь нас не берут пули, то мы могли бы очень неплохо зажить, – тихо проговорил племянник старшего после того, как Гавличек скрылся. Второй утвердительно кивнул и ответил:

– Да, мы могли бы иметь сколько угодно жизней и все прожить. Могли бы завоевать любую крепость.

– Они не оставят нам эту одежду, – вздохнув, сказал первый. В этот момент появился землянин.

– Никого нет, – разводя руками, сказал Гавличек. – Сбежали. Все правильно. С чего бы это им сидеть и ждать, когда мы их выкурим? Возвращаемся наверх. – Разведчик обнял низкорослых фенян за плечи и посмотрел на Харелла. – И божка вашего кровожадного оставили.

– Харелла невозможно оставить, – тихо ответил сын старшего. – Оставить может только он нас.

– Неплохо придумано, – чему-то обрадовался Гавличек. Они вышли на улицу, разведчик снял с пояса пульсатор и не без иронии проговорил: – Будем считать, что Харелл вас оставил. – Направив ствол на мостовую подле яйцеобразного входа, Гавличек нажал на кнопку. Послышался легкий хлопок, часть улицы вздрогнула, как при землетрясении, и с грохотом обрушилась вниз. На ее месте образовалась огромная воронка, на дне которой можно было построить теннисный корт.

– Там же статуя Харелла! – воскликнул племянник старшего.

– Хватит Хареллов, – ответил Гавличек и заглянул вниз. Один из молодых людей вдруг с силой толкнул командира, а второй размахнулся и ударил падающего в воронку разведчика прикладом по руке. Пульсатор остался лежать на краю воронки.

Дождавшись, когда Гавличек докувыркался до дна, молодой человек взял пульсатор, с ужасом посмотрел на него и, прицелившись, нажал на кнопку. Из-под ног землянина поднялся фонтан земли, и разведчик скрылся на дне бывшего собора. Осыпавшаяся земля ровным слоем присыпала могилу Гавличека.

– Здорово! – восхищенно проговорил племянник старшего и, захохотав, выстрелил в небольшое каменное строение. Дом вспучило, поднялся столб пыли, и здание осело. – Вот это силища! – абориген еще раз нажал на кнопку, и еще одно здание превратилось в кучу строительного мусора.

– Надо и второго, – сказал сын старшего фенянина. – У него тоже есть такая же пушка. И тогда все наше! Вся земля наша! – Глядя на двоюродного брата безумными глазами, он взял его за рукав и потащил обратно к катеру. – Только тихо. Только осторожно, – приговаривал



он. – Главное – чтобы пришелец ни о чем не догадался. И тогда весь мир наш!

– Набегался? – сурово спросил старший Билар, подталкивая пленного к катеру. – Много жизней заработал? Может, поделишься?

Пожилой пленник испуганно смотрел то на Захарова, то на фенянина.

– Неужели вам не надоело друг друга бояться? – мягко спросил его Захаров. – Тебя же все равно убьет такой же вот охотник, а сердце отнесет вашему Хареллу. Ты жреца видел? – Фенянин молча разглядывал свою обувь. – Он прожил очень долгую жизнь, и каждый из вас мог бы прожить столько же. Убивая, вы роете себе могилу. Наше оружие намного сильнее, но мы не воюем. Мы давно... – Какое-то непонятное чувство заставило Захарова обернуться. Метрах в ста один из молодых Биларов целился в него из пульсатора. Реакция была мгновенной. Оттолкнув старшего Билара от катера, Захаров упал на землю и быстро откатился в сторону. Одновременно с этим послышался хлопок. Катер хрустнул, как сломанное дерево, и, подпрыгнув, ударился о стену дома. От стоявшего рядом пленного осталось лишь темное пятно на расплющенном металле.

Выхватив пульсатор, Захаров, почти не целясь, выстрелил. Угол дома, откуда выглядывал фенянин, исчез в облаке пыли, а затем рухнула и вся стена.

Старший Билар был жив. Он лежал в двух метрах от Захарова и с ужасом смотрел, как пыль подхватило ветром и швырнуло на площадь.

– Гавличек, – прошептал Захаров и уронил голову на руки.

Спасательный катер должен был прилететь с орбиты планеты с минуты на минуту. Стоя у края воронки, Захаров откинул шлем. Рядом, понурившись, стоял старший Билар.

– Прощай, Билар, – тихо проговорил Захаров. – Костюм можешь оставить себе. Он тебе еще пригодится. Попробуй объяснить людям, что надо делать. Ты мудрый человек, они тебя поймут.

На горизонте возникло темное пятно, которое быстро увеличивалось в размерах.

– И не надо так приветствовать друг друга, – продолжил Захаров. – Жизнь нам дарят наши родители, а не жадные охотники за чужими жизнями. Родителей и благодарите.

На прощанье фенянин положил руку на плечо Захарову.

– Прощай. Я сделаю, что смогу, – пообещал Билар и, немного поколебавшись, добавил: – Я дарю тебе жизнь.

Лоис Макмастер Буджолд

ГАРАЖНАЯ РАСПРОДАЖА

К американской писательнице Лоис Макмастер Буджолд в России отношение особое. Нет другого зарубежного фантаста, русские поклонники которого организовали бы «персональный» конвент, создали бы сайт в Интернете и эхо-конференцию в ФИДО. А у миссис Буджолд все это есть. То ли так уж полюбился нашим соотечественникам ее персонаж по имени Майлз Форкосиган — герой многотомной космической саги. То ли совершенно неизгладимое впечатление оставил визит писательницы на конгресс «Странник»... Рассказ «Гаражная распродажа», который печатается в этом номере «Звездной дороги», необычен для Буджолд. Он, скорее, написан в духе русской классической литературы. Но не пугайтесь: читать интересно.

Это было Великое Голубиное Нашествие – именно оно достало Кригера окончательно. Честно говоря, с миссис Арбор у него случались стычки и похуже («Женщина, которая вылизывает дорожку к своему дому» – так он о ней отзывался, чтобы не быть грубым). Но тот раз стал последним.

Гарольд Кригер всегда казался себе человеком мягким, нетребовательным, с которым легко поладить. «Живи сам и дай жить другим» – таков был его девиз. Он скорее позволил бы вырвать себе язык, чем, например, сказал бы соседу, до какой высоты ему подстригать живую изгородь, каким инструментом при этом пользоваться, как его держать и как часто ее ровнять. Не говоря уж о положении, в котором надо стоять, выполняя упомянутую работу по хозяйству.

Его соседка, миссис Арбор, к несчастью, подобным тактом не обладала. С ее лекции на эту тему и начались их взаимоотношения. Он

«Garage Sale» by Lois McMaster Bujold



свирепо улыбнулся и, стиснув зубы, устоял перед внезапным желанием закончить работу, резанув секатором по ее стального цвета волосам, уложенным строгими волнами. Он не стал бы совать свой нос, реши она скрести алюминиевую обшивку собственного дома дважды в год, как только на эмали появятся следы износа. Или реши она каждый год скоблить и красить оконные рамы и дверные косяки – одновременно с заменой асфальтового покрытия дорожки. Она была горькой вдовицей в опустевшем гнезде, у которой, вероятно, слишком много денег и недостает настоящей работы, чтобы себя занять.

А Кригер должен был бросать жребий, дабы решить, как потратить сбережения – на покраску своей облезающей (не алюминиевой) обшивки или на покупку качелей для детей. Сейчас счастливые дети качались на качелях, и им не было никакого дела до снега в виде чешуек отскочившей краски, который шел, когда летний ветерок был порывист и дул в подходящем направлении. Однако миссис Арбор это волновало. Точнее, она категорически потребовала, чтобы он вымел эти отвратительные чешуйки с ее дорожки. Маленькие зеленые точки на девственно черной поверхности, должно быть, глубоко оскорбляли ее эстетическое чувство. Других причин для недовольства быть не могло: у нее не было машины. Но происшествие с котом стало самым ужасным. Она регулярно жаловалась на Маффи своим гнусавым голосом.

– От кошачьих какашек, – бурчала она, – бывают глисты и болезни. Если вы не можете помешать этому грязному существу бегать ко мне на двор или не в состоянии содержать его в чистоте, я вызову инспектора из службы животного контроля!

– Да ну, бросьте, – отвечал Кригер. – Никто не моет кошек. Люди не могут подцепить кошачьих глистов, а кроме того, кошачьи какашки – хорошее удобрение для ваших роз.

Но животный контроль она вызвала. К счастью, когда пришел инспектор, кот был наверху и мирно спал, развалившись на его кровати. Инспектор вежливо и терпеливо выслушивал разглагольствования миссис Арбор через ее запертую входную дверь. Кригер изгибался подобно Маффи, подсматривая сквозь шторы, которые со стороны дома Арбор теперь всегда были задернуты. Но, очевидно, ни от кого не требовалось мытье кошек, потому что инспектор ушел, так и не приблизившись к его дверям. Кригер, только что решивший притвориться, будто его нет дома, успокоился. И твердо решил гнуть свою линию в ответ на телефонную просьбу (да что там – на приказ!) миссис Арбор прибыть в ее сад для уборки кошачьих фекалий.

– Маффи – не единственный чертов кот на этой чертовой улице, – проницательно заметил он.



Ее ответ был холоден, а его ответ – груб. Она повесила трубку, и он понял, что не хочет больше говорить о кошачьих какашках.

На следующий день, когда он разглядывал свой газон, размышляя, заплатить ли ему за ремонт газонокосилки (эти деньги уплывут прямо из той суммы, которую он отложил на уик-энд с поездкой на рыбалку) или еще подождать, а потом взять напрокат сенной пресс-подборщик, из-за угла его дома появилась миссис Арбор. Она старалась не ставить ног на его запущенные владения. На вытянутой руке, словно зачумленную тряпку, она несла Маффи, которого держала за шкирку.

– Он сделал это! – закричала она. Дальнейшие ее слова потонули в более громком реве и визге. Сегодня городская служба подрезала деревья на их улице, превращая ветви в измельчителе в древесную стружку. Шуму от него было, как от сотни бэнши* с несварением желудка, – звук, от которого у Кригера обычно сводило зубы. Однако теперь он улыбнулся, приставил к уху ладонь и помотал головой. Она продолжала открывать рот, излагая свои жалобы. Наконец измельчитель затих.

– ...грязное, – говорила она. – На этот раз вы не сможете отрицать. Я поймала его с поличным. Отвратительные пахучие выделения.

– На вашем месте я бы не стал держать этого кота, – сказал Кригер, – у него ведь еще и блохи.

Ноздри у нее расширились от возмущения, она сделала вдох и замерла. С ревом машина заработала снова. Шумовой поток унес слова миссис Арбор. Внезапно она шагнула с тротуара и бросила вырывающиеся животное мимо рабочего в пасть измельчителя. Если кот и заорал, то его голос потонул в металлическом скрежете.

– Бог ты мой! – воскликнул рабочий. – Выключи его, Билл!

– Что? – крикнул в ответ Билл.

Кригер стоял с открытым ртом, он был настолько поражен, что даже не протестовал. Все равно уже слишком поздно. Миссис Арбор глянула на него через плечо с выражением злобного триумфа и быстро убежала к себе в дом, хлопнув дверью. В наступившей тишине он услышал щелчки от двух ее дверных задвижек, вставших на свои места.

Когда дети вернулись из школы, он сказал лишь: «Маффи погиб сегодня на улице».

Сам он не сильно огорчился из-за кота: тот страдал хроническим ринитом и, бывало, регулярно будил его в четыре утра, чихая соплями в левое ухо. Так что он не написал отбеливателем посреди ее газона «психованная сука», хотя был очень близок к этому.

---

* Бэнши – злой дух, который является людям в виде громко плачущей женщины (прим. ред.).



В те минуты, когда Кригер подспудно ощущал, что должен вести себя по-христиански, он мог понять ее точку зрения на кота. Это было его животное, и его можно было счесть ответственным за конечный кошачий продукт. Но голуби! Голуби принадлежат Господу Богу. Или городу. Или вольному воздуху. Уж, конечно, не ему, как ни крути. Кружившие, падавшие и взмывавшие в верхних слоях атмосферы, они поселились у него в ивах. Не в ивах миссис Арбор, естественно: у нее напротив деревьев была сетка. Его совершенно не беспокоило их нежное воркование и крики, которые доносились до окна спальни на втором этаже теплым летним вечером. Они проживали свою маленькую голубиную жизнь, и он не возражал против того, чтобы разделить с ними кусочек пространства, тем более что сам он никогда на ивы не забирался. Но, разумеется, где жизнь, там и дерьмо.

– Жить по соседству с этими заразными, нечистоплотными созданиями! – излагала свою точку зрения миссис Арбор. – Вы только посмотрите, что они натворили на моей дорожке!

И она позвонила в комитет по охране здоровья. На этот раз инспектор подошел к дому Кригера. Они долго беседовали. К счастью, жены и детей в тот момент не было, они навещали ее маму. К счастью – потому, что у жены имелась склонность от любого официоза впадать в панику, переходящую в ужас, и он был рад, что ему не пришлось объяснять ей, что у комитета по охране здоровья нет полномочий посылать людей в концентрационные лагеря.

И все-таки Кригер не давал волю эмоциям. Он сдерживался до тех пор, пока не позвонил в компанию по уничтожению и не узнал, что стоимость защиты участка от голубей приближается к трем сотням долларов. За его счет. Когда он повесил трубку, приказ комитета по охране здоровья превратился у него в кулаке в плотный и влажный комок, а глаза стали круглыми.

Он позвонил миссис Арбор и самым дипломатичным образом объяснил имеющиеся трудности. Она повторно изложила свою позицию. В тоне их беседы появились новые ноты.

– Послушайте, леди! – кричал он. – Имейте сердце. Вот уже два месяца, как меня сократили. Поверьте, когда вы безработный, вы не в состоянии вести бурную жизнь, тем более с женой и двумя детьми. У меня нет таких денег, чтобы выбрасывать их на ветер!

– Вот что неправильно в этой стране, – ответила она. – Ленивые бездельники предпочитают хлебать из общественной лоханки вместо того, чтобы честно пойти и получить работу!

– Апф! – осекся он, начиная задыхаться. – Единственная вакансия, которая открылась в этом городе за прошедшие четыре недели, – это



работа официантом в «Макдональдсе». И я был там в восемь утра. А передо мной стояли еще девятнадцать человек. И, Господи Иисусе, половина из них была в костюмах и при галстуках!

– Завтра я собираюсь съездить в центр и лично – вы слышите меня?! – лично прослежу, чтобы вы получили то, чего заслуживаете! – пронзительно заорала она в ответ. – Даже если на это уйдет весь день!

На этот раз трубку бросил он, трясясь и до смерти волнуясь по поводу своего давления. Он видел, как на следующее утро она, словно краб, проковыляла к такси, а затем убежала обратно. Старый драндулет отчалил без нее. Примерно через полчаса прибыла новая, более чистая машина и увезла ее прочь. Кригер некоторое время размышлял, не было ли первое такси тем самым, в котором в последний раз ехал он и в котором была пьяная блевотина, оставшаяся от предыдущего пассажира. Впрочем, он на это, скорее, надеялся.

Враг отбыл. Кригер расхаживал вокруг своего дома, таращась вверх на голубей и мрачно прикидывая цену пирога с голубятиной: где-то тридцать долларов за фунт. Он позволил взгляду побродить по соседской собственности – по черной, как тулья цилиндра, дорожке, по чистенькому, белому, словно вырезанному из бумаги гаражу.

Тут к нему и пришла идея. Искушение вскипало у него в подсознании, как поток лавы. Он отрекался от него, он боролся с ним, он все еще сопротивлялся ему, когда ноги его уже начали двигаться.

Где-то в гараже у него была длинная доска и оставалось немного синей краски. За несколько минут он аккуратно вывел буквы, причем ему даже не пришлось прижимать их друг к другу в конце надписи. Мгновением позже Кригер стоял перед ее боковой дверью, вспоминая, каким образом он попал в собственный дом, когда случайно захлопнул в нем ключи. Он все еще сопротивлялся. Потом подумал о Маффи.

Он отвел ногу назад и вышиб дверь.

Его первые покупатели прибыли непосредственно перед тем, как он вытащил на дорожку ее кухонный стол, на котором было торопливо свалено в кучу содержимое его ящиков. Кригер сделал следующую надпись: «Все, что на столе, – пять центов». И еще одну: «Уйти должно все, предлагайте. Мама уезжает во Флориду в пансионат для престарелых». Он нашел ключ от гаража в ящике вместе с кухонными ножами и оставил его открытым для публики.

Затем пришла очередь шкафов. Их содержимое, казалось, уже было подготовлено к продаже – все такое чистое, аккуратно сложенное, рассортированное по цветам. Вся обувь хранилась в своих оригинальных коробках. Каждый предмет одежды был в чистом пластиковом пакете. Ему пришлось вытряхнуть их прямо на дорожку.



Деревянная мебель была идеально отполирована – ни вмятинки, ни царапинки. На абажурах ламп все еще красовались целлофановые чехлы. Мягкая мебель была накрыта белыми простынями (ни дать, ни взять – съезд ку-клукс-клана!); таким образом хозяйка старалась защитить обивку от солнечного света, которому никогда не дозволялось проникать сквозь задрапированные окна. «Как новая, – написал он на следующей табличке, – предложения не отклоняются».

К полудню у него собралась толпа, так как первые покупатели возвращались, сообщив о необычайных сделках родственникам, друзьям и соседям. Они налетали, как саранча, и отбывали, как лодки викингов, груженые добычей. Один приехал на грузовичке-пикапе – современном баркасе – и забрал мойку, сушилку и холодильник за удивительную цену – двадцать долларов. Продукты Кригер отдал даром.

Ленчем стали несколько глотков из полупустого пакета молока, извлеченного как раз перед тем, как увезли холодильник, – глотков, прерывавшихся пробежками с целью опустошения спален, шкафа с постельным бельем и каждого чердачного помещения. Кригер собрал какую-то мелочь и, даже не посчитав, ссыпал ее в старую банку из-под фруктового торта. Неходовой товар он вручал изумленным покупателям в качестве призов.

Он выволакивал каркасы кроватей и буфеты с бешеной силой (он и не подозревал, что на такую способен), приподнимая их и дергая рывками. Его очки скособочились и сползли на вспотевший нос. Коробки с бакалеей. Консервы из подвальной кладовки. Нераспакованное мыло и завернутое в пластик туалетное полотенце из шкафчика в ванной. Полный комплект «Нэйшнл инкуайер»* начиная с 1962 года в картонных коробках. Дюжина сборников «Ридерз дайджест». Матадор, изображенный на черном бархате, и сложенные в мольбе руки из окрашенного гипса, содранные со стены гостиной.

Всё.

К четырем часам, когда лучи солнечного света стали падать косо, пробиваясь сквозь листья кленов и сверкая на вертолетиках опадавших с них семян, все было кончено. Чуть запыхавшись, Кригер стоял посреди черной дорожки и дрожал от усталости, восторга и ужаса.

– Позвольте вам помочь, – сказал он последнему владельцу пикапчика. В этот момент на улицу вырулило такси, которое замедляло свой ход по мере приближения. – И эту коробку тоже. Нет, в самом деле! Я не могу тащить этот хлам во Флориду, это просто неэкономично. Спасибо! Пока! – Он помахал ему на прощанье.

---

* Американский бульварный еженедельник (прим. ред.).



Кригер встал на колени, поставил жестянку из-под торта на дорожку и впервые стал считать дневную выручку. Такси остановилось, его тормоза скрипнули, словно волынки. Дверца распахнулась. Из салона выползла миссис Арбор. Ее шляпа погнулась, глаза были дикими.

– Я так странно себя чувствую! – простонала она. И действительно, выглядела она странно – была почти прозрачной. Не только платье в цветочек – казалось, сами ноги ее просвечивают под густой сетью колготок.

Ее взгляд упал на Кригера.

– Ты! – закричала она с ненавистью – Ты! Что ты здесь делаешь? Что ты сделал с моими вещами?

Шатаясь, похожая на собственное отражение в стекле, она прошла к себе в дом мимо дверной задвижки, болтающейся после грубого вторжения Кригера на манер выдранного зуба.

– Мои вещи! – эхом прокатился ее скорбный вопль по первому этажу, по второму, по цокольному. – Мои вещи! Мои вещи!

Она появилась из боковой двери. Кригер улыбался, глядя на нее, на ее прозрачность. Обшивка дома просвечивала сквозь нее горизонтальными линиями, словно она была портретом на разлинованной бумаге. Ее последний вопль сошел на нет вместе с ее телом:

– Мои вещи...

И только маленькая маслянистая клякса осталась от нее на изношенной теперь поверхности дорожки.

Кригер закончил подсчет.

– Двести девяносто девять девяносто пять, три сотни ровно, и пять центов сверху. – Он с грохотом вывалил три сотни долларов банкнотами и мелочью в банку из-под фруктового торта, вынул из нее самый грязный пятицентовик, какой только смог найти, и положил его в центр скользкого пятна. – Вот то, что я вам должен, миссис Арбор.

Он поднялся на ноги, мышцы протестующе заныли. Перед ним с неожиданным шлепком появилась багровая клякса голубиного помета. Был сезон тутовых ягод.

Он погремел банкой, глядя на парящие над ним силуэты.

– Хватит мне с вами нянчиться, слышите? – воззвал он к небесам. – Вот возьму и вызову для вас голубиное СС с его печками!

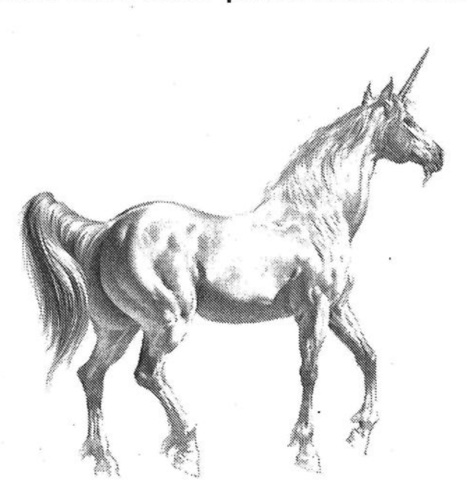
Он уставился на свои обсиженные голубями ивы. Нежное воркующее щебетание опустилось на него, будто благословение.

– Нет, Господи! – радостно прокричал он голубям. – Живите, маленькие засранцы! А я куплю упаковку пива и пойду на рыбалку!

Перевод Александра Балабченкова

Вниманию читателей!

1 сентября открывается подписка на новый российский журнал фантастики «Звездная дорога» на 2003 год. Подписаться гораздо проще и выгоднее, чем ловить журнал в розничной сети. А если вы живете вдали от столичных городов, подписка – единственное средство регулярно получать наше издание. К тому же с этой осени «ЗД» представлена сразу в двух каталогах – Объединенном (зеленого цвета) и каталоге «Роспечать» (трехцветном). Ищите, сравнивайте подписные цены в вашем регионе, решайте, как вам удобнее – получать журнал обычной рассылкой или в конверте (отправка из редакции). А мы напоминаем, что на наших страницах вы всегда найдете:



– повести и рассказы лучших отечественных и зарубежных писателей,

– свежие новости из мира фантастики,

– интервью с ведущими авторами жанра, обзоры книжных новинок,

– раздел «Планета кино»,

– раздел «Киберпространство» – для тех, кто хочет знать больше о фантастике в Сети.

Вслед за кардинальными реформами в журнале меняется и наш интернет-сайт. Его новый адрес: www.rusf.ru/starroad. Открытие обновленного сайта – в сентябре.

Владимир Васильев

РОК НА ДОРОГЕ

Несколько лет назад расхожей стала фраза «Россия, которую мы потеряли» — так говорили, когда хотели подчеркнуть, сколь далеко отклонилась наша страна от естественного пути развития в октябре 1917 года. По аналогии с этим главную тему повести известного фантаста Владимира Васильева можно было бы обозначить как «Рок-н-ролл, который мы потеряли». А ведь могли и не потерять — в одной из альтернативных реальностей... Два замечания перед чтением: 1) перед вами — журнальный вариант повести, 2) все подзаголовки взяты автором из дискографии группы «Deep Purple».

1. Who Do You Think We Are?

Сначала их было пятеро. Давно и прочно знакомые Андрюха Шевцов и Игорь Коваленко. Прибившийся к ним несколько позже Данил Сергеев. Приятель и сосед Андрюхи – Вадик Орликов, которого обыкновенно именовали просто «Малый». И недавний знакомец Данила – Костик Ляшенко, человек – иерихонская труба.

И, разумеется, Шура Федяшин – личность совершенно свихнувшаяся. Ну, скажите на милость, кому еще паяльник может быть привычнее авторучки, как не психу?

Кто был молодым, тот знает этот странный зуд в руках, это непреодолимое желание взять все, что можно хоть с натяжкой именовать музыкальным инструментом, объединиться с приятелями, включить на запись простенький магнитофончик, подаренный родителями, и...

У кого нет подобных какофонических записей юности? Когда к обычной акустической гитаре добавляются подушки и пуфики в качестве барабанов, крышки от кастрюль вместо тарелок и какая-нибудь экзотика



для создания шумового фона, типа пищащего счетчика Гейгера, гордо именуемого «синтезатором»? Через это прошел каждый. Ну, почти каждый.

Разумеется, и Димыч (в миру – Дмитрий Василевский) в свое время через это прошел. Компанию ему составляли друзья юности – Андрей Дроботов и Валерка Уца. Группа, помнится, звалась «Небритый кактус» и конкурировала с другими дворовыми группами, которые носили не менее гордые названия «Помидоры» и «Кожезаменитель».

Будущие коллеги Димыча переболели страстью к какофоническим концертам сравнительно быстро. И к моменту знакомства с ним Игорь Коваленко уже являлся счастливым обладателем неплохой ударной установки брянского завода (подарок родителей), Малый – красной ромбической гитары «Стелла» (средней паршивости), с которой он управлялся на редкость шустро и умело; Андрюха Шевцов успел обзавестись достаточно внятным басом «Тверь», который покорял с упорством маньяка. Ну, а Костик и Данил пытались петь.

Димыча привел Шурик Федяшин, к тому моменту охотно взваливший на себя обязанности штатного инженера-электромеханика и оператора группы. Сказал как-то, слушая пока еще далекие от цельного звучания рулады:

– Знаете, парни... Со мной в бурсе тип один учится. Димычем зовут. В радио он, говоря начистоту, ни хрена не рубит, но зато на гитаре играет. И – прошу внимания! – пишет песни.

В этой компании песни пока пробовал писать только Костик. Успел он сделать лишь три, и если просто под акустическую гитару они еще худо-бедно звучали, то командный вариант не устраивал никого.

– Веди, – после короткого совещания резюмировал Андрюха, выполнявший функции администратора и босса.

На следующую репетицию Шура явился в сопровождении сутуловатого парня в круглых очках. В потрепанном чехле парень принес гитару – как оказалось, самодел. Самодел был куда лучше инструмента Малого. Назвался парень Димычем. Подключил гитару, примочку, взял несколько риффов. Цокнул языком.

– Ну, – сказал он, – показывайте.

Коллектив не очень уверенно, но почти без сбоев сыграл «Беду земли».

– Рыхло, – резюмировал Димыч. – Драйва не хватает. Какая там тема? До-мажорчик, да?

Малый с готовностью нарисовал на бумаге обозначения аккордов.

– Гитару твою пожестче надо. Металла в тембр подпустить. Сможешь, Шурик?



– Не вопрос! – пожал плечами Шурик и принялся колдовать над микшерским пультом и эквалайзером. – Пробуйте!

– Поехали! – скомандовал Димыч.

Со второго квадрата его гитара вплелась в общее звучание. И – о чудо! – дотоле рыхлое и расхлябанное, оно неожиданно слиплось в довольно плотную основу, на фоне которой громыхал могучий голос Костика. Все ахнули.

Перед припевом, после ритмической сбивки, ритм-секция разъехалась: Игорь на барабанах протянул целый такт, а Андрюха направил бас в припев уже после двух четвертей. Костик растерялся, и вместо жесткого, подчеркнутого музыкой «Нет! Я не хочу, что было так!» – прозвучало нечто маловразумительное.

– Стоп-стоп-стоп! – замахал руками Димыч. – Давайте определяться. Нот я, извиняйте, не знаю. Поэтому объяснять буду на пальцах.

Остальные музыкальной грамотой владели в той же мере, что и Димыч: а именно – вообще не владели. Но его объяснения оказались на редкость простыми и доходчивыми; даже Андрюха, которому басовые премудрости давались с некоторым трудом, все понял с первого раза. Надо было просто посчитать в нужном месте про себя: «Раз, два, три, четыре» – и только после этого входить в припев.

Попробовали. Получилось. Попробовали еще раз. Опять получилось. Попробовали другую песню – и снова получилось весьма приятственно.

– Заметно лучше, – резюмировал Димыч после полутора часов музицирования. – Теперь осталось гитарные темы прописать как следует... Малый, ты технарь, как я погляжу.

Со скоростью у Малого и впрямь все было в порядке. Воображения не хватало, это да. Если ему показывали, что именно и как именно играть, – Малый воплощал все с математической точностью и удивительной легкостью. Но сам придумать что-либо путное он был, похоже, не в состоянии.

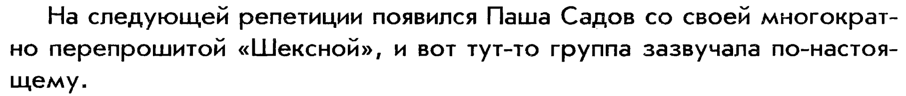
Но все уже поняли: в группе появился тот, кто умеет придумывать.

Через несколько репетиций идеологическим и музыкальным лидером с молчаливого согласия остальных сделался Димыч, тогда как вне репетиционного зала делами административного свойства продолжал заправлять Андрюха Шевцов. Такая ситуация устроила абсолютно всех.

Спустя месяц усиленных репетиций Димыч поразмыслил, почесал в затылке и высказал идею:

– Клавишника надо. Мы ж не чистую тяжесть валим... Не помешает, клянусь. Есть кто-нибудь на примете?

– Есть! – не стал возражать Андрюха.



На следующей репетиции появился Паша Садов со своей многократно перепрошитой «Шексной», и вот тут-то группа зазвучала по-настоящему.

А потом был конкурс самодеятельных групп в кирхе, на улице Декабристов. Накануне долго придумывали название; остановились на варианте «Проспект Мира». Во-первых, песню такую сделали — очень приличную, кстати. А во-вторых, абсолютно все участники группы обитали либо непосредственно на проспекте Мира, либо поблизости.

Завсегдатаи конкурса к новичкам всегда относились снисходительно; «Проспект Мира» тоже никто не воспринял всерьез. А они, впервые играя на пристойном аппарате, сами ахнули после первого же аккорда. «Звучим!» — кричали немые взгляды. Андрюха глядел на Димыча, Димыч — по очереди на всех.

Короче, первое место присудили «Проспекту Мира». Завсегдатаи приходили жать руки.

За успех в тот вечер было выпито немало пива, и долго еще вспоминали, как зал пританцовывал в такт «Демократии» и жег зажигалки во время «Замка на песке».

О группе заговорили в городе.

Уже через полгода, на концерте городского рок-клуба, неумолимая председательша мадам Портнова заявила после предварительного прослушивания: всем группам будет позволено сыграть от одной до трех композиций, в зависимости от оценок, выставленных жюри.

«Проспекту Мира» позволили сыграть шесть композиций. Даже старички из «Магазина» и полупрофи из «Забытого континента», даже первый блюзмен города Юрка Белоруков — все получили максимум по три. А «Проспект Мира» — целых шесть. Да еще шестую песню, собственно «Проспект Мира», группа должна была выдать в финале, перед закрытием концерта, после настоящих профессионалов из «Фокстрота» и «Диалога», после тех, кого знала вся Россия.

Что творилось в зале, когда выступал «Проспект Мира»... Не описать словами. Народ выскочил на сцену и гарцевал на листе девятислойной фанеры, которым прикрыли оркестровую яму, — как не проломился этот лист, уму непостижимо. Димычу сначала на гриф прилетел чей-то пиджак, а потом кто-то прошел по шнуру и выдернул его из разъема. Но ничего, все остались довольны. Кто-то из профи потом подошел и предложил купить песню «Проспект Мира».

Димыч с Костиком (как авторы) отказали. Профи ушел обиженным.

Потом были еще концерты — на море, на Южном фестивале. В ближайших городах и городках. Группа крепла и сыгрывалась, училась понимать друг друга без слов.



Но в какой-то момент все почувствовали: движение вперед прекратилось. Нужна была какая-то радикальная встряска.

Вот тогда и началось самое интересное.

2. Deep Purple

Вероятно, всему виной была любовь Димыча и Шурика к фантастике. Но если первый ее только любил и читал, то второй считал полной реальностью, просто пока не данной нам в ощущениях.

Ни для кого не секрет, что на Западе и в России рок-музыка развивалась параллельно, но в то же время очень по-своему. После джаз-бума сороковых и пятидесятых на Западе возникли «Битлз», в России – «Река Слава». Даже в названиях отразилась глубинная разница западного и восточного подходов к року: на Западе нечто вроде «тараканов», у нас – что-то словесно-психоделическое, без прямого значения. Впрочем, не следует считать, будто для Запада превалирующей оставалась исключительно форма, а для русских – содержание. В конце концов, там ведь был «Кинг Кримсон», а у нас – «Атака». Техногенный расцвет России в семидесятые и десятилетний кризис Америки, случившийся тогда же, мало что изменили: просто лучшие музыканты двух рок-культур сменили «Стратокастеры», «Джибсоны» и «Ибанезы» на «Тверь», «Кабаргу» и «Суздаль», а «Маршаллы» и «Пивеи» – на те же «Тверь», «Неман» и «Искру».

Но в одном Запад все-таки опередил Россию. Он первым придумал и провел Вудсток. Еще в шестьдесят девятом. Восток – то ли в силу природной лени и традиционного русского раздолбайства, то ли из пустой гордости – созрел только через десять лет.

Теперь это легенды. Постаревшие и погрузневшие герои русского Вудстока, звезды городка Бологое семьдесят девятого года, то и дело мелькают на телеэкранах, иногда выдавая нечто похожее на хиты прошлого.

Тогда все было проще. Талант мог пробиться без денег и раскрутки. Тогда – но не теперь. И именно поэтому иллюзии музыкантов из «Проспекта Мира» довольно быстро развеялись. Да, их музыка была хороша. Да, они вполне пристойно ее подавали. Но толстым столичным дядям интереснее было вкладывать бабки в безголосых дочек, чем в разбитных провинциалов.

Писать новые песни и выступать «Проспект Мира» все равно не прекращал, тем более что отчим Шурика Федяшина, мелкий пивной фабрикант, как-то весной позвал группу озвучить районный пивной фести-



валь. «Проспект Мира» так озвучил, что к лету заводик отчима утроил оборот, сожрал с потрохами самого опасного местного конкурента и приступил к строительству нового цеха. «Проспекту Мира» с этого обломился полный комплект аппаратуры, новые инструменты и даже фирменный трейлер «Десна» – шестиосный грузовой монстр-трансформер, который в походном состоянии вмещал всю аппаратуру и служил передвижным домом, а в стационарном – представлял собой удобную сцену-подиум. Даже колонки таскать не приходилось: трейлер подруливал к нужному месту, сдвигал крышу, опускал борта... И все. Сцена готова.

Рок-клуб, ясное дело, обзавидовался, но «проспектовцы» не жались – наоборот, затеяли турне городских групп по всему югу. На собственном, понятно, аппарате. «Десна» показала себя во всей красе, а отчим Шурика присовокупил к каждому выступлению трейлер пива по льготной цене. Кроме того, красочные логотипы «Пиво "Янтарь"» украшали борта «Десны» в походном состоянии и подножье подиума в концертном, что тоже способствовало популярности пенного напитка.

В общем, народ «Проспект Мира» слушал с удовольствием, равно как и другие группы, колесившие в тот год по югам вместе с ними. Но попытки записать профессиональный компакт-диск неизменно заканчивались провалом. Возможно, потому, что единственной в городе пристойной студией владел тот самый профи, которому в свое время Димыч и Костик отказались продать фирменную песню группы.

Так и осталось невыясненным, кто первым высказал ностальгическую идею: «Эх, на нашей "Десне" бы – да в Бологое семьдесят девятого года!»

Действительно, эх...

И никто не предполагал, что об этом можно было говорить серьезно: музыканты «Проспекта Мира» в семьдесят девятом в лучшем случае учились ходить, а Малого так и вообще еще не родилось.

Единственным, кто не умел несерьезно относиться даже к бреду, оставался штатный инженер группы Шурик Федяшин.

3. The Book of Taliesyn

Имелась у Шурика большая засаленная тетрадь, в которую он скрупулезно заносил все случающиеся на концертах и репетициях неполадки и методы их устранения. Последние страницы тетради использовались в качестве полигона для скорых вычислений или каких-то радиотехнических прикидок. Калькуляторы Шурик не любил, предпочитал считать по

старинке – на бумаге, в столбик. Говорил, что так нагляднее. Мало кто из «проспектовцев» обращал внимание на то, что во время репетиций Шурик все чаще забивается в любимый угол у рабочего пульта и колдует над тетрадью, а рядом все время таинственно светится матрица его ноутбука, приросшего к Глобальной Сети.

Но в перерыве очередной репетиции Шурик вдруг выполз из своего угла, приблизился к попивающим «Янтарь» музыкантам и ровным голосом заявил:

– Ну что? Все еще хотите побывать в Бологом семьдесят девятого? Могу вас туда протолкнуть. Только ненадолго, меньше чем на двое суток. На дольше не получится.

Данил выронил банку с пивом. Костик насупился.

– Шура, – спросил Андрей Шевцов после паузы. – Ты рехнулся?

– Зачем? – пожал плечами Федяшин. – Это действительно возможно, я посчитал. Вот, можете взглянуть...

Он продемонстрировал несколько испещренных формулами листков из тетради.

– Очень наглядно, – прокомментировал Димыч с ехидцей. – И что сие означает?

– А сие означает, что если через двадцать четыре дня оказаться в строго определенном месте в строго определенную минуту и запустить один приборчик – можно на двое суток провалиться в любой произвольный момент с мая по сентябрь семьдесят девятого. Через двое суток нужно будет оказаться примерно в этом же месте и инверсировать режим приборчика. Тогда вернемся. Если не сделать этого... короче, не ручаюсь я тогда за нас.

– Не, – вздохнул Андрюха с сожалением. – Ты все-таки рехнулся.

– Приборчик показать? – без тени смущения спросил Шурик.

– А ты его хоть на кошках испытывал? – поинтересовался практичный Игорь.

– Нет, – Шурик покачал головой. – Сейчас он просто не сработает – время не пришло. А такое время случается не чаще раза в тысячелетие.

– Угу, – хмыкнул скептик Димыч. – И, разумеется, нам немеряно подфартило: это время подоспело именно сейчас.

– Именно так, – невозмутимо подтвердил Шурик. – Начало века как раз. Думаешь, случайно летосчисление многих народов привязано к миллениуму?

– А оно привязано? – удивился Андрюха. – Ну, у христиан и исламистов – еще ладно. Но китайцы какие-нибудь или евреи явно считают годы по-своему.



– Китайцы обитают в соседней геомагнитной зоне. У них свои привязки к темпоральным каналам. А евреи просто хитрые, – парировал Шурик. – Специально не так считают, чтобы нас с толку сбить.

– Угу, – обиделся Паша, в котором текла и еврейская кровь, – как обычно, во всем виноваты евреи и велосипедисты!

– Я не понял, – Шурик недовольно прищурился. – Вы хотите в Бологое на русский Вудсток или не хотите?

– Погоди, – Димыч допил пиво и ловко закинул банку в корзину с логотипом «Янтаря». – Расскажи-ка поподробнее. Что, переходы во времени действительно возможны?

Не зря Димыч слыл среди друзей любителем научной фантастики. Идею перемещения в прошлое он воспринял быстрее и легче остальных – не считая, разумеется, самого Шурика. Именно между ними спустя два часа состоялся короткий, но весьма содержательный разговор о невероятной затее. Димыч заявился в подсобку, где приятель по обыкновению что-то паял; остальные музыканты удалились на перекур.

– Выкладывай, – сказал Димыч. – Что ты затеял?

– С подробностями или без? – уточнил Федяшин.

– С подробностями. Но чтобы я понял.

Шурик закатил глаза, всем видом показывая: либо с подробностями, либо так, чтобы ты понял.

– Ну, ладно, ладно... – смягчился Димыч. – Совсем уж в дебри физики не лезь. Но понять я все равно хочу.

– Тогда буду краток. Шесть лет назад один немец-физик, Бертольд Нёрман, вывел очень наглядную, но спорную зависимость. Из нее следует, что физическое тело способно покинуть основной вектор временного потока, сместиться относительно него и вернуться, но уже на ином отрезке. Другими словами, попасть в прошлое.

– Или будущее, – ввернул Димыч.

– Нет. В будущее невозможно сместиться. Понимаешь, будущее еще не наступило. Вектор туда просто не тянется, энергия на поддержание временного потока еще не затрачена. Так что...

– Жаль, – вздохнул Димыч.

– Величина абсолютного смещения по вектору и срок, в течение которого материальные тела будут находиться в ином времени, напрямую зависят от затраченной энергии. Поэтому во времена динозавров я вас запихнуть при всем желании не смогу: у меня нет собственной атомной электростанции.

– И, соответственно, запихнуть в тот же семьдесят девятый надолго – тоже не сумеешь. Так?

Шурик с сожалением вздохнул:



– Нет, не так. Закон сохранения энергии знаешь? В соответствии с ним энергия, затраченная на перемещение в прошлое, должна выделиться при возвращении. Иначе цикл оборота энергии останется неполным. Ну, будут, разумеется, некоторые потери, которые в принципе нетрудно компенсировать. Полное путешествие во времени – это не только прыжок в прошлое, это еще и возвращение в исходную точку. Короче, у меня хватит мощности запихнуть вас в семьдесят девятый год на сорок семь часов. Меньше – будут сложности с возвращением. Больше – не хватит энергии. Я все просчитал, причем не один раз. Так что... если сработает – вернемся, не дрейфь.

– Ладно. Будем считать, мы тебе поверили. Теперь понять бы, что нам делать на русском Вудстоке...

– Как что? – удивился Шурик. – Выступать! Такого аппарата, как у нас, в те времена даже «Черный доктор» не имел! Они там все вспотеют от радости! А светотехника? Тогда ж ни фига не применялось, выходили патлатые рожи на сцену, становились по стойке «смирно» и пели. А я вам такое лазерное шоу забацаю, на Луне видно будет!

– Хм... – задумался Димыч. – А нам, стало быть, не хило будет разучить десятка два боевиков последнего десятилетия... Как шарахнем «Обмен ненавистью» или «Череп на рукаве» – народ в осадок выпадет!

– Верно мыслишь! – расплылся в улыбке Федяшин.

Димыч некоторое время молчал. Глаза его горели, в голове роились сногсшибательные планы.

– Когда, говоришь, можно будет двигать в прошлое? – уточнил он.

– Восьмого июля. Ровно через двадцать четыре дня.

– Успеем! – выдохнул Димыч. – Успеем все содрать и разучить.

– А если вдруг в Бологое попасть не обломится, – донеслось от дверей, – те же боевики мы с успехом выкатим на «Ялтинском сборе» в августе.

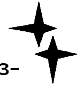
Шурик с Димычем обернулись. Недостающий состав «Проспекта Мира» стоял в дверях подсобки и, затаив дыхание, внимал разговору.

– Ну, Андрюха, – развел руками Димыч. – Ты, как всегда, прав! Стало быть, в Ялту едем?

– Едем. Только что Портнова звонила. Мы закрываем первое отделение.

4. Shades of Deep Purple

К пятому июля «Проспект Мира» успел обкатать полтора десятка самых убойных песен десятилетия. Шура Федяшин, последние дни не вылезав-



ший из подсобки, наконец выполз и не терпящим возражений тоном изрек:

– Завтра с утра стартуем. Иначе рискуем не успеть.

– Не успеть? – удивился Андрюха. – Три дня еще!

– Ну, не три, а два с половиной. И потом, вдруг задержка какая-нибудь случится. Обидно будет. Отчиму я уже звякнул, трейлер пива он выделил. Причем на халяву – можно будет раздать на концерте.

Остаток дня ушел на погрузку аппарата и закупку походной жратвы. О выпивке, понятное дело, тоже не забыли: пиво пивом, а перед выступлением и чего покрепче не помешает.

Заночевали прямо в «Десне». С утра Данил мотнулся на заправку, залился под завязку, «Проспект Мира» и сочувствующие лица погрузились, и экспедиция в прошлое стартовала.

На выезде из города следом пристроился трейлер с логотипами «Пиво "Янтарь"» на широченных плоских боках.

– Точка перехода расположена за Киевом, – изволил сообщить Шура. – Кто рулить хочет, распределяйтесь. Я – пас. Надо досчитать кое-что.

Рулить, помимо Данила, умели Андрюха, Игорь и Малый. Плюс еще один из сочувствующих – Леха Азиатцев по прозвищу Муромец.

«Десна» резво катила по киевской автостраде, окаймленной сплошной цепочкой мотельчиков, закусочных, заправок, техсервисов, придорожных лавчонок. Ничего особо привлекательного в поездке не было – народ либо отсыпался, либо резался в нарды. В кабине «Десны» прочно засел Димыч, да изредка сменялись водители. Киев обошли по восточной объездной.

С этого момента Шурик стал часто сверяться с подробной топографической картой, с недавних пор украсившей внутренний борт «Десны». Наконец он шепнул в переговорник:

– Эй, притормози! Прибыли.

Трейлер в это время вел Игорь Коваленко, барабанщик. Характера он был флегматичного, поэтому без комментариев прижался к обочине и выжидательно взглянул на Димыча.

Тем временем наружу выпрыгнул Шурик с ноутбуком под мышкой и мобильником на груди. Димыч тоже покинул кабину. Вдвоем они минут двадцать шатались по придорожному полю, на котором росло что-то низенькое и зеленое. Затем вернулись.

– Эта байда по полю пройдет? – Шурик кивнул на сияющую рекламными красками «Десну». – Надо будет съехать с трассы.

– Пройти-то пройдет, – пожал плечами Игорь. – Только ехать быстро не сможет.



– Скорость нам ни к чему, – авторитетно заявил Шурик. – Ладно, до перехода еще часа три. Давайте-ка вернемся к той лавке, что недавно проехали. Пожрать купим.

Пожрать никто не отказался, тем более что трейлер с пивом следовал в хвосте и запустить туда лапу не составляло никакого труда.

– Слушайте, коллеги! – обратился к спутникам Димыч по пути в придорожную лавку «Елисеевъ и сыновья». – А ведь надо учесть одну мелочь. Деньги-то у нас старые и новые вперемешку! Нужно купюры девяносто второго года отсеять. А то прикиньте – в семьдесят девятом расплачиваться ассигнациями с ликом государя императора Николая Третьего... Могут и в участок забрать, с городовых станется.

– Дык, фестиваль-то не в городе, в чистом поле... Какие там городовые? – неуверенно возразил кто-то из болельщиков.

– Ну, не городовые, полицейские будут. Загребут, а нам как раз возвращаться...

– Ты, прям, мои мысли читаешь, – сказал Шурик. – Предупреждаю: никаких эксцессов с властями. Через сорок семь часов после перехода мы как штык должны вернуться. Причем в полном составе, люфт по массе невелик. Так что давайте! Новые купюры – по дальним карманам. И монеты отсейте новые.

Закупились, перекусили, попили пивка, заботливо убирая пустые банки в пластиковый контейнер. В болтовне о предстоящем путешествии и вожделенном концерте незаметно прошло больше двух часов.

– Пора, – наконец скомандовал Шурик. – Димыч... иди-ка к водиле пивняка. Успокоишь его, если что, – думаю, при переходе будут некоторые визуальные эффекты. Скажи, чтобы просто держался за нашей кормой, метрах в пяти-семи. Мобильник держи наготове.

– Понял, – с готовностью согласился Димыч.

– Андрюха, за руль! Остальные – ховайсь!

Народ дружно полез в «Десну». Спустя несколько минут «Десна» и пивной трейлер медленно сползли с трассы в чистое поле и замерли. Димыч не выпускал из руки мобильник.

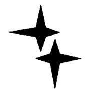
– Че это мы? – удивленно спросил у него водитель трейлера – сорокалетний мужичок с испещренным красными прожилками носом.

– Да это... – принялся вдохновенно врать Димыч. – Магнитная буря надвигается. Молнии могут вдоль трассы встретиться. Шаровые – слыхали о таких?

– Молнии? – недоуменно переспросил водила. – Читал в детстве...

– Во! А у нас ведь колонки в «Десне», усилители – не дай Бог, испортятся! Да и...

Договорить он не успел – вякнул самописной мелодией мобильник.



– Алло! – отозвался Димыч без промедления.

– Готовы? – спросил Шурик.

– Ага! – подтвердил Василевский и повернулся к водиле: – Кузьмич, сейчас потихоньку пойдем вперед. Держись метрах в пяти-семи. Идти будем медленно, верст пятнадцать в час, не больше.

– Ладно, – буркнул водила. По всему было видно, что происходящее он считает блажью, но спорить не собирается: жалование за поездку ему полагалось более чем солидное.

– Двинули! – скомандовал Шурик.

Два грузовика медленно поползли по окраине поля.

Сначала не происходило ровным счетом ничего. Протекторы с затейливым рисунком ярославского «Медведя» безжалостно вминали зелененькую фермерскую поросль, и Димыч даже забеспокоился: а ну как сейчас хозяева набегут? Но потом вокруг сразу стало темнее, окрестности заволоклись непроглядной лиловой дымкой. Корма «Десны» еле-еле угадывалась в нескольких метрах прямо по курсу.

А потом пискнул мобильник. Димыч взглянул на экранчик. Связь с Шуриком прервалась, да и вообще аппарат, надежный и простой, проверенный временем и снегом «Спутник», потерял сеть. Напрочь. Хотя роуминг вдоль основных трасс гарантировала любая компания мобильной связи – что «Россия», что «Небо-ТФ», что «ДемидовЪ».

За окнами грузовика продолжал клубиться туман, в котором бродили темные смерчики, возникали особо фиолетовые, как казахский мускат, сгустки. Димыч не мог сказать, сколько продолжалась эта феерия – может, минуту, может больше. Но закончилась она так же внезапно, как и началась.

Пасмурный вечер сменился безоблачным утром – ранним-ранним, солнце едва взошло, не успев даже потерять багровость и набрать нестерпимый глазу блеск. Вместо зелененькой фермерской поросли под колесами машин теперь колосилась чахлая пшеница. Дорога по-прежнему оставалась слева, но теперь она лежала гораздо дальше, чем раньше, и выглядела неприятно пустынной. Даже со скидкой на ранний час.

«Десна» впереди остановилась; Кузьмич среагировал автоматически и тоже затормозил. Все-таки он был классным водилой.

Димыч выскочил наружу, сжимая в руке мобильник. Сеть по-прежнему не ловилась. Неудивительно: откуда ей взяться в семьдесят девятом году? Было одновременно и весело, и страшновато. Неужели удалось? Неужели кудеснику Шуре Федяшину посчастливилось обмануть неумолимое время?

Странно: до перехода Димыч верил в возможность темпорального



сдвига больше и охотнее. Теперь, откуда ни возьмись, вылупился червь сомнения и принялся грызть, настырно, назойливо, упрямо.

Пионерам всегда труднее остальных. Что первому мореплавателю-неандертальцу, оседлавшему бревно, что Колумбу, первому из белых людей ступившему на австралийский берег, что Леониду Титову и Юрию Гагарину, шагнувшим с трапа космолета на лунный грунт.

«Еще немного, – подумалось Димычу, – и шастать по временам станет так же привычно и буднично, как ездить в метро».

Отворилась дверь «Десны», оттуда горохом посыпался народ. Шурик Федяшин и Андрюха Шевцов выпрыгнули из кабины. Федяшин неотрывно глядел на экран ноутбука.

– Ну что, коллеги, – вздохнул он. – Поздравляю. Мы в прошлом. Шесть восемнадцать утра, 15 августа 1979 года. Через одиннадцать часов в полутыще верст отсюда стартует русский Вудсток. По коням: нам еще доехать нужно и заявиться. И аппарат расставить. Так что гнать будем шустро.

– Мамочки-и-и, – неверяще протянул Муромец. – Утро. Надо пива хватить.

По близкой дороге неторопливо проехал легкий грузовичок с кузовом безрадостного грязно-серого цвета. Форма его кабины была столь унылой и уродливой, что грузовичок казался гигантской игрушкой для непритязательных карапузов. Сияющие рекламой борта «Десны» и трейлера-пивняка разительно контрастировали с этой пародией на транспортное средство.

5. Machine Head

Уродливый грузовик они обогнали только минут через пять. Вместо отличного автобана Киев-Смоленск здесь имелась раздолбанная асфальтовая ниточка, многажды латанная. Латки были выполнены не асфальтом, а залитой мерзким гудроном щебенкой. Гнать больше шестидесяти верст в час по такой, с позволения сказать, дороге мог только законченный псих. Однако близнецы и дальние родственники недавно встреченного монстра автомобилестроения без зазрения совести решались на это, словно убиваемые ухабами мосты им было ничуточки не жаль. Хотя иногда попадался какой-нибудь особо карикатурный тихоход, обогнать которого тоже было мудрено: дорога имела всего две полосы, по одной в каждую сторону. Приходилось выжидать, чтобы в череде встречных машин случилась достаточная для обгона прореха. Езда в таком ритме выматывала, Андрюха за рулем «Десны» отчаянно



матерился, Димыч изредка вторил ему, а Шурик, сидевший справа, только загадочно ухмылялся.

– Ну и дорожка! – сказал он наконец. – Не думал, что наши предки ездили по такой пакости... А еще говорят, будто у России два счастья – гении и автострады.

Димыч грустно вздохнул и потянулся к радиоприемнику. Однако во всем ЧМ-диапазоне слышалось только ровное шипение эфира. Ни одна радиостанция не работала.

– Блин! И радио у них не было, что ли, в семьдесят девятом?

– Скорее, ретрансляторов вдоль дорог нет, – подсказал умный Федяшин.

– Вдоль таких дорог вообще ничего нет! – фыркнул Андрюха. – Не то что ретрансляторов! Двадцать верст уже отмахали – хоть бы одна лавчонка завалящая или заправка! Поля да поля...

Наконец Димыч догадался переключить приемник в АМ-диапазон и довольно скоро поймал мощный и чистый сигнал. Прозвучали незнакомые позывные, шесть раз пикнуло, и на удивление строгий и официальный голос дикторши объявил:

«Вы слушаете "Маяк". Московское время – шесть часов...»

– Шесть? – Димыч машинально глянул на свой механический «Крым», точности которого завидовали даже швейцарцы. – Не семь?

«Крым» показывал семь – так подсказал перед выездом Федяшин. Все и перевели часы, чтобы не путаться.

– Хм... – удивился Федяшин. – Почему шесть? А, понял! – в следующую секунду осенило его. – В семьдесят девятом еще не было перехода на летнее время! Хе-хе, так у нас даже лишний час в запасе есть до начала концерта! Хотя, с другой стороны, и сваливать на час раньше придется...

Димыч удрученно вздохнул:

– Вот всегда так! На ровном месте возьмут – и сопрут час...

Дикторша тем временем несла какую-то жуткую пургу о закромах родины, пятилетке досрочно, трудовых свершениях доярок и ратных подвигах сталеваров. Голос ее оставался все таким же умопомрачительно официальным – обращения государя императора к народу и то более живыми голосами озвучивают. За четверть часа передача ни разу не прервалась рекламой.

Потом без всякого перехода «Маяк» принялся клеймить заокеанских империалистов, якобы нагнетающих напряженность, хотя, насколько Димыч и остальные помнили историю, в конце семидесятых Америка сидела в полной экономической заднице и никакой напряженности нагнетать была просто не в состоянии. Арабы тогда пошаливали в север-

ной Африке, это правда, но бравый миротворческий контингент британцев и русских как раз летом семьдесят девятого за считанные дни вышиб из них дурь как минимум на четверть столетия.

В общем, прошлое оказалось чужим и отчаянно непривычным. Для успокоения нервов пришлось выпить по баночке пива. Даже Андрюха приложился – ему выдали из ящика специально захваченного «Шоферского», слабоалкогольного.

А спустя пару минут дорожный инспектор в нелепой форме требовательно махнул полосатой палочкой, и пришлось прижиматься к обочине.

6. Stormbringer

Никто, ясное дело, и не подумал вылезать из кабины. Андрюха только совсем опустил боковое стекло.

Инспектор некоторое время таращился на грузовики, потом переглянулся с напарником, сидевшим в желто-голубой машине с допотопной конической мигалкой, и нерешительно дернул головой. Напарник его тут же вылез. Оба неторопливо приблизились.

– Старший сержант Белов! – козырнул инспектор, буравя глазами Андрюху. Тот как ни в чем не бывало отхлебнул пива и протянул водительское удостоверение.

Старший сержант Белов уставился на обычные права – небольшой, размером с карманный календарик, прямоугольный документ, аккуратно закатанный в ламинат. С документа на инспектора глядели фотодвойник Андрюхи Шевцова и державный российский двуглавый орел.

Инспектор принял права Андрюхи так, словно это была бомба. Разглядывал он их непривычно долго. Потом, многозначительно переглянувшись с напарником, странно изменившимся напряженным голосом сказал:

– А-а-а... Путевой лист покажи...

И – секунду спустя:

– ...те! Пожалуйста!

«Пожалуйста» в его устах звучало с непонятной осторожностью в интонации.

– Чего? – не понял Андрюха. – Какой лист? Может, документы на машину? Вот, будьте любезны...

Он полез за откидной солнцезащитный демпфер и вынул техпаспорт «Десны», а заодно и регистрационный талон южного отделения «Руссо-Балта»: инспектор, как видно, попался редкий зануда. В какой-то мо-



мент Андрюха едва не выронил техпаспорт и неловко дернулся, расплескав чуть ли не полбанки. В кабине остро запахло пивом.

Старший сержант Белов мигом забыл о документах. Шевельнув носом, он вдохнул аромат «Янтаря». На его лице последовательно отразился процесс узнавания.

– А что это ты... вы пьете? – спросил он, снова сменив тон. Теперь в его голосе слышалось злорадство, как у лавочника, который поймал с поличным мелкого воришку.

– Пиво! – признался Андрюха, демонстрируя зеленую полосу, непременный атрибут слабоалкогольного «Шоферского».

– За рулем? Пиво? – зачем-то переспросил инспектор, хотя было понятно, что он и с первого раза все прекрасно расслышал.

– Так «Шоферское» же! – в который раз удивился ничего не понимающий Андрюха. – Там алкоголя всего два оборота!

– Блин! – в отчаянии прошептал Федяшин на ухо Димычу. – «Шоферское» в семьдесят девятом, наверное, еще не делали!

Димыч успел подумать, что черт знает где, между Киевом и Москвой, вполне могут не знать и пива «Янтарь». Это не черноморский берег, где «Янтарь» каждая собака знает и любит.

– Выйдите из машины! – потребовал инспектор Белов.

Его напарник молча стоял рядом, лишь изредка бросая недоверчивые взгляды на сияющие обода и трубы «Десны» и на глянцевую роспись бортов.

Андрюха тяжело вздохнул, поставил почти пустую банку на торпеду, открыл дверь и выпрыгнул на дорогу, привычно оборачиваясь к машине и закладывая руки за голову.

– Вы тоже! – не успокаивался инспектор.

Димыч и Шура Федяшин покорно полезли наружу, причем, разумеется, не через пассажирскую дверь, а через шоферскую. Руки они подчеркнуто держали на виду.

Инспектора это, похоже, удивило, потому что он несколько секунд таращился на высадку Димыча с Шурой. Оба в итоге пристроились рядом с Андрюхой, как положено, лицом к машине, руки за головой, ноги чуть-чуть расставлены.

Народ в кубрике «Десны», словно почувствовав неладное, затаился. Ни звуком не выдавал своего присутствия.

Инспектор, похоже, растерялся вторично. Интересно, а чего можно было ожидать от водилы и пассажиров в ответ на требование покинуть машину? Трое из будущего какое-то время стояли, словно преступники, рожами в грузовик, а инспектор о чем-то шепотом совещался с напарником.



– Слушай, Димыч, – тихонько сказал Федяшин. – Никакие это не дорожники. Глянь, вообще затормозились. Чушь какую-то несли...

– А кто ж тогда? – удивленно переспросил Василевский.

– Форма странная какая-то... – продолжал Шурик. – Никогда в доринспекции такую не носили, даже в семидесятые. Да и оружия у них нет. Где «Силаевы» штатные, а?

Прежде чем Димыч успел возразить или помешать, Федяшин вдруг проворно метнулся к шепчущимся «инспекторам», на ходу выуживая из кармана газовый пистолет, с которым никогда не расставался. Патрончики у него были ядреные: полчаса верной лежки гарантировано, если не час.

«Пок! Пок!» – дважды пролаяло оружие.

Оба «дорожника» кулями рухнули под колеса «Десны», кашляя и захлебываясь. Федяшин, моментально спрятав пистолет и прикрыв нижнюю часть лица полой куртки, схватил одного за шиворот и спешно поволок к обочине.

– Помогайте! – донесся его приглушенный голос.

Едва они успели впрыгнуть в кабину, как приоткрылось окошко из кубрика и полупьяный голос Малого осведомился, «какого хрена стоим и когда двинем, время-то идет!»

– Едем, едем! – процедил Андрюха мрачно.

«Десна» тронулась, постепенно набирая ход. За ней двинулся и пивной трейлер; глаза у Кузьмича ввиду последних событий сделались круглые и здоровенные, как два мини-диска. Хотя никто этого, понятное дело, не оценил. Желто-голубая машина с допотопной мигалкой и два истекающих соплями тела на обочине быстро пропали с мониторов заднего вида.

7. Fireball

«Десна» и пивной трейлер кометами неслись по трассе. Ублюдочная легковая мелочь боязливо жалась к обочине, позволяя себя обогнать. Карикатурные грузовики, похоже, просто не в состоянии были состязаться с могучими руссо-балтовскими моторами двадцать первого столетия.

Димыч боялся только одного: далеко им не сбежать, если дорожники все же настоящие. Передадут по рации, и привет – вся служба ополчится на два приметных фургона. На фоне тусклых местных автомобилей два расписных красавца сияют, как неоновая реклама в сумерках. И не хочешь, а обратишь внимание.



Впрочем, опасался Димыч зря. Когда старший сержант Белов оклемался до такой степени, что уже мог совершать осмысленные поступки, он пришел к простому и однозначному выводу: доложишь начальству – примут за идиота. Подобные происшествия на дорогах Страны Советов были даже не редкостью – чистой фантастикой. А начальство фантастики не любит. Попадешь под горячую руку, получишь по загривку по первое число... Когда же выяснится, что никакая это не фантастика, а самая что ни на есть реальность, – будет уже поздно. Никто не вернет снятую премию, не снимет выговор, не восстановит в должности... Оно надо? Пусть другие подставляют шеи, если охота. Старший сержант Белов никаких подозрительных грузовиков, словно сошедших со страниц западных автожурналов, сроду не видывал, кроме как в тех же журналах. Ни-ни. И напарник не видывал – правда ведь, Гуля? То-то же!

К тому же Белов подозревал, что начальство в первую очередь потребует номера обоих грузовиков. А номеров-то старший сержант как раз и не запомнил. Как-то даже взглянуть не удосужился, до того не вписывались странные грузовики в окружающую реальность.

Так что опасался Димыч зря.

Москву решено было оставить восточнее и рвать мимо Смоленска. Трасса шла совсем не так, как указано в атласе, но выбирать не приходилось. Тем не менее убогая грязно-белая табличка, а затем и обшарпанная стела с безвкусными металлическими буквами «Смоленск» были встречены с некоторым облегчением.

И еще: незадолго до стелы с табличкой у дороги попалась стеклянная башенка дорожной инспекции, почему-то увенчанная непривычной аббревиатурой «ГАИ». Все ожидали остановки и немедленного ареста, но один инспектор шмонал какого-то беднягу-автолюбителя, а второй сидел в башенке, уткнувшись в раскрытую книгу, и на дорогу не глядел. В общем, пост они миновали без задержек.

– Вот видишь! – повеселел Федяшин. – Я ж говорил, никакие это были не дорожники. Бандиты, наверное, – дань с грузовиков берут.

– У инспектора на посту форма была точно такая же, как у тех двоих. И кобуры я опять-таки не заметил... – угрюмо прокомментировал Димыч, поправляя круглые очки.

Некоторое время все молчали, потом Андрюха безразличным тоном заметил:

– Заправиться надо бы... Соляры верст на полста осталось.

– А вон и заправка! – Федяшин ткнул пальцем в лобовое стекло.

Заправка, как и все здесь, выглядела убого и странно. Ни тебе закусочной, сверкающей зеркальными стеклами, ни тебе дорожного сор-



тира, ни тебе станции техобслуживания, ни телефонных кабинок.

Пыльные, грязные допотопные колонки с такими же грязными шлангами. Масляные пятна на дрянном асфальте. Никаких рабочих в форменных комбезах – похоже, водитель обязан сам отвинчивать крышку бака, вставлять пистолетище в горлышко и глотать октановые пары.

И – опять! – ни единого рекламного щита! Не говоря уж о щитеценнике.

Семьдесят девятый год представлялся «проспектовцам» совершенно иначе.

Андрюха подмигнул Кузьмичу и зарулил на территорию стоянки. «Десна» остановилась в метре от донельзя выцветшего и покоробившегося стенда с небрежно намалеванным красноватым стягом, плакатными фигурками допотопных работяг и сюрреалистическим изречением «Коммунизм победит».

Кого именно коммунизм собирается побеждать – прошлое умалчивало.

8. Perfect Strangers

Единственное, что не отличалось от привычного, – окошечко кассы.

– Я ща... – буркнул Андрюха и выпрыгнул на асфальт. На ходу доставая деньги, он пошел платить.

Народ в кубрике тем временем решил размять конечности и полез наружу. А Димыч с тревогой глядел сквозь подернутое радужными отсветами лобовое стекло на действия Андрюхи у кассового окошка.

Тот чуть ли не по пояс влез внутрь; руки его тем не менее оставались снаружи, причем Андрюха бурно жестикулировал. По характеру жестов догадаться о предмете разговора было так же трудно, как счесть звезды на небе или песчинки на пляже.

– Что-то не клеится, – мрачно изрек Димыч. – Не поездка, а сплошная задница. Как тут наши предки жили, в этом долбаном семьдесят девятом?

– Как-то жили, – буркнул Федяшин. – Пошли, разберемся.

Они по очереди покинули кабину «Десны». Димыч хмуро покосился на стайку «болел», выползших из кубрика покурить. Поскольку курилки на заправке тоже не обнаружилось, народ просто отошел метров на тридцать, к чахлым деревцам, где у некогда красной, а ныне насквозь проржавевшей пожарной бочки криво торчал из земли кое-как укомплектованный пожарный щит, а под ногами валялись разнокалиберные окурки.



– Что такое, Андрюха? – Шурик хлопнул административного гения группы по спине.

Андрюха осторожно извлек плечи и голову из окошка. Лицо у него было таким растерянным и обиженным, словно он только что воочию убедился: Земля плоская, а Солнце и Луна приколочены к хрустальному своду дюралевыми гвоздями.

– Соляры нету, – похоронным тоном объяснил Андрюха. – А хоть бы и была, то только государственным машинам и только по талонам. За бабки – шиш.

– Как это? – не понял Шурик. – Что значит – нету?

– Так! – сказал Димыч. – Пойдемте-ка погутарим...

– Куда? – недовольно спросил Андрюха.

– Да вот... хоть в магазин. Жратву наша банда, поди, уже всю схарчила. Ну и курева своего вонючего, небось, прикупите.

За куревом выдвинулась делегация человек в восемь, включая Кузьмича из пивного трейлера.

Над лавкой висела замызганная вывеска с уклончивым названием «Продовольственные товары». А товаров внутри было... В общем, остолбенели все.

Плавленые сырки такого вида, словно их грузили вилами, вековой твердости пряники и березовый сок в неряшливых и пыльных трехлитровых банках.

Больше в магазине не нашлось НИ-ЧЕ-ГО. Пустые полки и витрины. Пустые холодильные шкафы странного вида, к которым никак не подходило ласковое и щемящее понятие «ретро».

Толстая равнодушная тетка в застиранном белом халате, не поднимая головы, зло спросила:

– Ну, чего пялитесь? Будете что брать или как?

Ошарашенные гости из будущего нерешительно топтались у входа. Проходить внутрь боялись – может быть, из опасения исчезнуть вслед за исчезнувшими из лавки товарами. Ибо какой смысл держать такой торговый зал пустым? Одна аренда сожрет и перекроет любую выручку этой жуткой пародии на магазин.

– Нет, спасибо, – пробормотал Димыч и пулей вылетел наружу. За ним потянулись и остальные.

– На сколько еще хватит соляры? – мрачно осведомился Димыч, когда вернулись к автомобилям.

– Ну, верст на пятьдесят-семьдесят, – пожал плечами Андрюха. – А у тебя, Кузьмич?

– Так же, – коротко ответил тот.

– Кассир посоветовал мне отъехать чуть дальше, встать за кольцом

и постопить бензовозы. Сказал, их там много с нефтебазы шастает. За червонец зальют баки доверху.

– Так поехали! – решительно заявил Шурик. – Давай, банда, в кубрик, время не ждет!

До кольца было совсем недалеко – только успели отъехать от негостеприимной заправки и миновать негостеприимные «Продовольственные товары». Вдоль дороги незаметно встали угрюмые серые заборы, приземистые, казематного вида строения высились за заборами. Андрюха приткнул «Десну» у бордюра за ближайшим же перекрестком, не забыв оставить место для трейлера Кузьмича. Словно по заказу в сотне шагов от этого места на противоположной стороне улицы зеленел свежеокрашенный киоск с веселенькой надписью «Табак» на жестяном карнизе. Пока Андрюха с Шуриком ожидали обещанные бензовозы, курильщики решили пополнить запасы отравы.

К киоску первыми подошли Данил, Костик и Малый.

Выбор курева оказался небогатый – шесть сортов. Все незнакомые. И если первое поражало, то второму залетные гости из двадцать первого века не слишком удивились. В их родном времени новые сорта сигарет возникали чуть ли не каждую неделю, чтобы потом бесследно исчезнуть. Странно, что в продаже не оказалось ни одной старой почтенной марки вроде «Дуката». И импорта не оказалось – вездесущих «Camel» или «Winston». Имелись «Столичные» и «Фильтр» в совершенно незнакомых пачках, копеечные сигареты «Новость», бесфильтровые «Прима» и папиросы (судя по надписям) «Беломорканал» и «Волна»; последние три сорта – в грубых картонных пачках, каких никто сроду не видывал.

– Ну и выбор, – хмыкнул Данил. – Что рискнем?

– Я – «Фильтр», – решительно выпалил Костик и протянул в окошко десятку. – Пять пачек!

Стоил «Фильтр» сущие гроши – семьдесят копеек.

Остальной народ тоже полез за деньгами. Перспектива курить незнакомое почему-то никого не испугала – наоборот, хотелось экзотики, древности, чтобы потом можно было обронить ворчащему деду: «"Фильтр"? Да курил я ваш "Фильтр", гадость редкая...»

Не тут-то было.

– Что это ты мне даешь? – возмутилась тетка-продавщица. – Деньги давай!

Костик озадаченно взял назад свою десятку и уставился на нее.

Десятка как десятка. Портрет государя императора, Сенатская площадь... На обороте – двуглавый орел.

– А это разве не деньги? – осторожно спросил он.

– Ты б еще керенки принес! – фыркнула тетка презрительно. – Напьются и хулиганят! Управы на вас нету, ироды!

– Так! – насторожился Данил. – Я гляжу, у Димыча с Андрюхой тоже проблемы!

Все обернулись. Упомянутые двое бурно общались с водилой отловленного бензовоза. Что-то у них явно не ладилось.

– Ну-ка, пошли назад! – скомандовал Данил.

Толпа неудовлетворенных курильщиков послушно последовала за ним. Но пока дошли, водила бензовоза успел запрыгнуть в кабину своего уродца и укатить по улице, гремя цепью.

– Что такое? – спросил Данил у Андрюхи с Димычем.

Андрюха нервно развел руками:

– Да бабки наши ему не понравились...

– Во-во! И тетка-табачница не взяла!

Подошел хмурый Федяшин. Димыч мрачно взглянул на него и изрек сквозь зубы:

– Ну, что? Ты уже догадался, что происходит?

– Почти, – хмуро подтвердил тот.

– А что происходит? – заинтересовался Андрюха.

– А то, – пояснил Димыч. – Это семьдесят девятый год, но не наш. Это какая-то другая ветка истории. Здесь все не так, как у нас. Другие деньги. Другие машины. Лозунги какие-то дурацкие...

Все невольно поглядели на ближайшую пятиэтажку, увенчанную рябыми буквами, которые складывались в короткую и абсолютно ничего не говорящую надпись: «Слава КПСС».

– Что еще за ветка? – не понял Костик.

– Ветка истории. В этом мире, к примеру, в первой мировой победила не Россия, а Германия с Англией. И пошло-поехало...

– А у нас в первой мировой победила Россия?

Димыч с досады фыркнул:

– Ты в гимназии вообще не учился, что ли?

– Да я историю вечно прогуливал, – беспечно признался Костик. – У нас такая мымра училка была...

Вмешался Андрюха:

– Это все, конечно, безумно интересно... Да только время идет.

– А что время, – меланхолично заметил Федяшин. – Время нам теперь до задницы. Если это другая ветка, вряд ли здесь в те же сроки и в том же месте пройдет русский Вудсток.

Эта простая и разящая наповал мысль потрясла всех «проспектовцев», кроме разве что Димыча, который и сам дошел до аналогичной мысли.



– Бабки местные все равно нужны, – вздохнул Федяшин. – Заправиться и вернуться в точку перехода. Надеюсь, назад мы попадем в свою ветку... Чего-то я не учел. Помимо перехода во времени и пространстве, видимо, происходит и вероятностный сдвиг, и мы проваливаемся в параллельный мир. Не из-за этого ли...

Шурик вдруг умолк, задумчиво поскреб макушку, а потом с невнятным «Я сейчас!» отбыл в сторону «Десны», где немедленно сунулся в кубрик – надо понимать, к ноутбуку.

– Ё-моё, – протянул Малый, наконец-то впечатлившись. – Параллельный мир! Охренеть можно.

– Да хоть перпендикулярный, – буркнул в сердцах Димыч. – Главное – он чужой. Совсем чужой. Точнее, мы здесь чужие.

9. Purpendicular

– Ладно, не паникуйте, – Андрюха уже взял себя в руки. – Продадим чего-нибудь. «Мартышку» какую-нибудь загоним, динамик... Пульт вроде менять собирались. Я бы бас свой скинул, какие проблемы?

– Надо еще местных музыкантов отыскать, – задумчиво протянул Малый. – Думаешь, успеем?

– И как бы дорожники те несчастные нам на хвост не сели... – добавил Димыч.

– Точно! Надо поспокойнее место под стоянку найти! А ну, по коням, да поживее мне!

Через четверть часа был обнаружен глухой тупиковый дворик. «Десна» первой сунулась во дворы, на разведку, и преуспела в поисках тихого угла довольно быстро, а за оставшимся на дороге пивным трейлером Димыч и Андрюха вернулись пешком.

На улице у обычного в этом мире небольшого ларечка толпился народ, причем почти исключительно мужчины. Чем торговали, было не разобрать, но многие стояли со стеклянными банками, пластиковыми канистрами и прочими емкостями объемом от литра до десяти. У самого ларька шла вялая грызня и толкотня.

– Чтоб я сдох... – пробормотал Андрюха, принюхавшись.

В сторонке, в тени у низкой ограды палисадничка, несколько блаженно щурящихся счастливцев пили...

Ну, конечно же, пиво! Им и пахло – дрянным разливным пивом.

– А у нас целый трейлер, – мгновенно схватил суть Димыч. – Загоним десяток ящиков – вот и бабки! Во, толпа какая!

– Точно! – у Андрюхи загорелись глаза. – Только нужно узнать, по-



чем здесь поллитровая банка! Вон магазин на углу, пошли мотнемся!

Несложная мысль о том, что будь в магазине баночное пиво, то либо здесь не создалась бы толпа, либо там собралась бы такая же, просто не пришла им в головы. Андрюха с Димычем без промедления зашагали в сторону магазина.

Но в перпендикулярном мире все было не так. Начать с того, что и эта продуктовая лавка ассортиментом не блистала.

Больше всего музыкантов поразил брикет мороженой рыбы, в котором угадывались отдельные тушки, хвосты и головы. Головы смотрели из толщи брикета сурово и вместе с тем печально.

Димыч интуитивно направился к отделу, где на полках красовались уже знакомые банки с березовым соком. Кроме того, из ценника явствовало, что за десять копеек можно испить молочного коктейля.

– Скажите, сударыня, а пиво сколько стоит? – учтиво спросил Димыч. Андрюха Шевцов безмолвно вырос у него за плечом, но и молчаливая поддержка друга не помогла: суровая тетка, которую Димыч назвал сударыней, поглядела на них так, будто оба только что, не отмыв смолу, вознеслись из ада и стоят сейчас, галантно перебросив хвосты через согнутые в локте левые руки.

– Нет пива! – буркнула тетка. – На улице в разлив...

– А если бы было, сколько бы стоила банка... или бутылка? Мы, видите ли, приезжие...

– Да уж вижу, что не местные! – все так же неприветливо фыркнула тетка. – Смотря какое. «Жигулевское» – пятьдесят две копейки. «Ячменный колос» – пятьдесят пять.

– Огромное вам спасибо! – сердечно поблагодарил Димыч, слегка поклонился и принялся отступать к выходу, оттесняя туда же Андрюху.

Так они и покинули странный магазин, где ничем не торговали, – пятясь, как раки.

– Короче, по полтиннику будем торговать. Скинем сотни две банок – на топливо хватит!

Спустя пять минут Димыч осознал, насколько он заблуждался. Нет, пиво пошло на ура, тем более что гости из двадцать первого века подошли к очереди с открытыми банками в руках как раз в момент, когда вожделенное окошко закрылось и за мутным стеклом образовалась белая табличка с черной надписью «Пива нет». Поэтому очередь охотно переметнулась к трейлеру, как только выяснила, что в банках именно пиво, да еще явно повыше качеством, чем в разлив...

В общем, кормовой отсек трейлера опустел за четверть часа. Сорок два полных ящика ухнули без следа. Димыч удовлетворенно складировал в сумочку-напузник местные купюры – смешные, незнакомые,

без родимого двуглавого орла и с профилем незнакомого бородатенького индивида вместо привычного лика государя императора. На купюрах меньше десятки портрета не было: пятерку украшали легко узнаваемые кремлевские башни, только почему-то с пятиконечными звездами на шпилях. Кроме того, наличествовали сюрреалистические зеленые бумажки достоинством в три рубля – не два, а три! Ну и, естественно, рубли. Правильного, кстати, цвета, но вида незнакомого. Мелочь тоже была со странностями: например, самые мелкие монетки – одна копейка, три и пять – были желтыми. А покрупнее, до рубля включительно, – белыми. Парадокс...

Особенно Димыча впечатлили юбилейные металлические рубли: один с фигуркой все того же бородатенького индивида, простершего руку, и второй, явно изображающий какой-то памятник в виде громилы с мечом в одной руке и маленькой девочкой в другой. Монеты были увесистые, большие – только очень довольный собой режим мог чеканить такие блямбы для свободного обращения.

В общем, с трудом, но все-таки справившись с возмущением очереди, желавшей еще невиданного здесь пива «Янтарь», откочевали в тихий дворик, а потом заманили туда же бензовоз и залились топливом под завязку. Да и вопрос, куда ехать, решился неожиданно просто и скоро: Малый встретил у соседнего дома двух волосатиков с гитарой в кофре и мимо пройти, конечно же, не смог. Спустя десять минут Малый, Данил, Костик, оба волосатика и почти все болельщики сидели в кубрике «Десны» и курили какую-то дрянь. А Димыч с Андрюхой внимательнейшим образом изучали местную карту, пожертвованную волосатиками, где жирным крестом был отмечен небольшой подмосковный городок Можайск. Именно там нынешним вечером стартовал какой-то полуподпольный рок-фестиваль. А точнее, даже не в самом Можайске, а где-то под ним. Волосатики сказали, что ближе к месту подскажут, как ехать: оба уже бывали там на концертах.

И еще Димыч почему-то запомнил, что на месте Твери в этом мире находится город Калинин.

10. Come Taste the Band

Доехали быстро и на удивление спокойно. Местная автоинспекция на короткий автопоезд внимания более не обращала, а те, кто был в кубрике, обкурились до полуобморочного состояния. Андрюха поворчал было, но в конце концов счел, что пассажиры, впавшие в лежку, лучше пассажиров буйных.



– Фиг с ними, доеду без подмены, – сказал он. – А все как раз воспрянут аккурат к установке аппарата.

– Пра-ально! – поддержал Федяшин, перебравшийся в кабину. – Ты газку-то поддай – тащимся, как «Руссо-Балт» сорок девятого года по беломорской гати...

Волосатики-аборигены заодно научили, где и как при местной скудости следует закупаться съестным, – закупились еще на выезде из Смоленска. Провизия была, мягко говоря, странной, и в другое время никто из «проспектовцев» и свиты на такое не позарился бы даже в сильном подпитии, но треволнения перехода и некоторый налет экзотики примирили с необходимостью намазывать бурую консистенцию, именуемую «икра кабачковая», на хлеб и вкушать кильки в томате, состоящие, казалось, из сплошных хвостов и глазастых голов. Взгляд у килек оказался не менее печален, чем у недавней рыбы в замороженном брикете. Видимо, печальный рыбий взор был неотъемлемой приметой этого мира наравне с бородатым индивидом, чей лик украшал здесь все и вся – от купюр до придорожных щитов и барельефов.

Музыки по радио тут не было: между новостями, от которых сводило скулы и мутилось в сознании, передавали либо что-то посконно-народное, либо что-то совершенно несъедобное и жутко патриотическое по интонациям, либо классику. Путь коротали в досужем трепе. Тот факт, что все ездоки на «рус-Вудсток» находятся в чужом времени да еще вдобавок в совершенно чужом мире, уже вроде и не удивлял: привыкли.

– Я представляю, как мы здесь всех уберем, если у них такая музыка, – заметил Димыч перед тем, как окончательно выключить радио.

Заодно в который раз обсудили примерный порядок песен. Федяшин торопливо дописывал скрипты обещанного лазерно-светового шоу. В общем, глазом не успели моргнуть, как в окошечко забарабанили из кубрика.

– Ща налево поворот нарисуется! – сообщил один из волосатиков-аборигенов. – Туда и рули!

Вместо чинного уездного городка оказались в настоящем селе. По улицам бродили куры и козы, а кое-где и коровы. Подъехали к заросшему бурьяном и крапивой стадиончику, рядом с которым смутно возвышались какие-то жуткие развалины. Оказалось, это никакие не развалины, а местный клуб, гордо именуемый мало логичным словосочетанием «Дом культуры». А остальные дома что – рассадник бескультурья, получается? «Проспектовцы» отчаялись понять здешнюю логику.

– Однако местный Вудсток обставили с нужной помпой! – заметил долговязый и рыжий Костик Ляшенко, выпрыгнув из «Десны» и немед-



ленно вляпавшись в коровью лепешку. – Село еще то, м-мать!

Все окрестные кусты и заросли в округе кишели духовными братьями волосатиков-попутчиков. Царство клешей, бисера и портвейна. Странно, но у развалин (пардон, Дома культуры!) практически не было автомобилей. Вся гопота добиралась автостопом или электричкой. Как организаторы привезли аппарат, «проспектовцы» вообще не представляли. И что самое странное – концерт предполагалось проводить в этом самом Доме. В его обшарпанном до сердечных судорог зале с убитыми деревянными креслицами. Когда Димыч с Андрюхой сунулись в зал к оргкомитету мероприятия, почему-то названного заморским словом «сейшн», сердца их и вправду дрогнули. На сцене как раз устанавливали аппарат. Старомодный с виду и явно более чем наполовину самопальный.

Тем не менее в зале царило бодрое оживление, кто-то кем-то командовал, кто-то таскал колонки, кто-то путался в проводах, кто-то деловито цокал в фонящий микрофон; многие толпились у сцены. Происходил обычный в таких случаях «обмер шворцев»: музыканты показывали друг другу инструменты, выслушивали и высказывали мнения. Димыч с Андрюхой решили, что происходит это чуточку с большей ревностью, нежели они привыкли. Зашедший следом Игорь Коваленко, понятное дело, сунулся смотреть кухню. После осмотра он заявил, что за эти дрова не сядет ни за какие блага жизни. На что его снисходительно спросили со сцены:

– А у тебя что, «Тама» или «Премьер»?

Игорь фыркнул в ответ:

– Позарюсь я на это говно заграничное, как же! У меня четвертый «Урал» в российской комплектации плюс брянское железо.

Ответом ему было дружное ржание и вопрос:

– А у гитариста вашего тоже «Урал»?

Димыч не стал уточнять, что «Урал» гитар не делает. Просто сообщил:

– У меня – «Тверь-поток», у Малого – четырехгребешковая «Суздаль».

Тот факт, что каждый гребешок-звукосниматель Малого стоит, пожалуй, больше всего находящегося на сцене аппарата, Димыч опять же озвучивать не стал. В конце концов, они с Малым тоже не с «Твери» и «Суздали» начинали...

К идее перенести концерт на улицу организаторы отнеслись более чем прохладно. Не возымели действия даже клятвенные уверения, что аппарат «Проспекта Мира» позволит заглушить старт «Союза» и «Аполлона» вместе взятых (эта реальность знала и «Союз», и «Аполлон» –



«проспектовцы» по пути успели углядеть у кого-то из аборигенов одноименную пачку сигарет). В общем, удалось договориться, что в перерыве, когда народ выползет подышать воздухом и покурить, «Проспекту Мира» дадут сыграть пару песен.

На том, как говорится, и покалили сростень. Ни один визитер из будущего ни секунды не сомневался: вышедший подышать и покурить народ назад уже не зайдет.

Развернуть «Десну» в походно-сценическое состояние было делом нетрудным, тут требовалась не столько физическая сила, сколько знание последовательности операций. Поэтому управились много раньше, чем народ в зале. А уровни всей системы Федяшин привычно выставил по датчикам: сколько раз «Проспект Мира» убеждался, что поправлять ничего особо не придется.

Уже через час команда из будущего все завершила, трейлер с пивом был поставлен позади сцены, внеся сумбур и урон в ряды стадионных сорняков, а «проспектовцы» с «болелами» и добровольно примкнувшими за дармовой «Янтарь» аборигенами смогли почить на травке с банками в руках.

– Черт меня подери, – пробормотал Димыч после первого глотка. – Именно так я себе и представлял русский Вудсток!

11. In Rock

До начала концерта ничего особо интересного не произошло. Подошел лохматый парень из оргкомитета и хмуро уточнил, как группу именовать и какой город она представляет. Услышав название маленького южного городка, парень скептически скривился и убрался восвояси. На небольшие по размеру стенки «Неман» он лишь мельком скосил взгляд, а вот две бочки из кухни Игоря явно привлекли его внимание.

Перед выступлением никто не злоупотреблял веселящим, даже не слишком подверженные дисциплине Малый с Данилом. Пашка-клавишник ковырялся у своих четырех панелей, одна из которых была все той же старой заслуженной «Шексной». Костик и Данил тихо распевались, хотя до их выхода было еще далеко: часа три, не меньше, предстояло провести в душном зале Дома культуры. Болельщики и аборигены разбрелись, поскольку дармовой «Янтарь» временно иссяк, зато они унесли и широко распространили благую весть, что в перерыве, когда «эти психи начнут валить на улице», всем желающим будет выкачено вдоволь пива.

Потом лагерь «Проспекта Мира» почтили визитом два местных мэтра. Первый, кучерявый брюнет по имени Андрей, гитарист и поэт, вел себя добродушно и приветливо. С ним за милую душу поболтали, посулили удивительное световое представление в сумерках. Расстались, пообещав обязательно послушать их группу. Второй, длинноволосый мрачноватый субъект с повадками «голубого», вел себя заносчиво и нагло. Его вежливо отбрили, после чего на «проспектовцев» налетела возмущенная дива, вся в бисере и с горящими очами. Диве показалось, что «какие-то провинциалы вели себя непочтительно по отношению к гению из самого Питера». Диву тоже отбрили, и тоже вежливо.

А там и начало подоспело.

Поскольку фестиваль был полуподпольный и, как понял Димыч, идущий вразрез с линией властей, групп приехало не особо много, да и те большей частью по блату. Кучерявый Андрей и его команда выступали третьими. Играли они классно, даже при дохлой аппаратуре, а тексты и музыка запали в душу всем гостям из будущего. Зал завелся с пол-оборота, и скоро народ уже орал, скакал и пел. Федяшин, ясное дело, все писал на мини-диск, моментально снюхавшись с ребятами за пультом. Веселились довольно долго, причем «проспектовцы» единодушно решили, что Андрей и его ребята далеко пойдут при умелой раскрутке. Впрочем, и без раскрутки пойдут. В их песнях пульсировала сама жизнь, замысловатая и неоднозначная. Да и поэтом Андрей был далеко не последним на российских просторах любого из миров.

Потом на сцену вылезли люди гения из Питера и гений лично. Вот тут-то все крупно и обломались. Голос и манера петь у гения оказались под стать ориентации, а тексты... Н-да. Вроде каждое отдельное слово понятно. А все вместе – пустышка. Оценка «проспектовцев» была единодушной: понты и отстой. Хотя часть местного народа торчала по полной программе. Но многие именно сейчас впервые поползли наружу – покурить и развеяться.

Вышли и «проспектовцы». Снаружи сгущались летние сумерки, и цветные огоньки на сцене «Десны» казались случайно попавшими в этот тусклый мир осколками праздника.

Минут через двадцать объявили перерыв: гений утомился и пообещал продолжить позже.

– Начнем, а? – сразу оживился Костик. – Обломаем ему малину!

– Начнем... – не стал возражать Андрюха. – Командуй, Димыч!

Перед каждым концертом Андрюха традиционно передавал бразды правления Василевскому, как бы подчеркивая, что административная часть акции плавно перетекает в музыкальную. Димыч кивнул:



– Пошли. И скажи Кузьмичу, чтоб фургон откупорил. Но больше упаковки на рыло не давать – пусть еще раз подходят.

Федяшин уже поджидал в глубине сцены с традиционной бутылкой водки на всех. Перед самым выходом, для куражу – незаменимое средство! Сразу хочется всех завести, взорвать тишину и дотянуться музыкой до самых звезд.

– Ну, что? – справился Димыч, утерев губы и поправляя гитару. – Дадим джазу? «Смерть в ми-миноре»!

Пашка кивнул и переключил свои доски. Игорь для разгона пару раз бухнул по бочкам. А потом дал палочками отсчет.

И тишину разорвала мистическая гитара Димыча.

Он был прирожденным ритмарем. Не мог играть так быстро, как Малый, – да и вообще, если уходил в соляки, то только в медленных вещах. И соляки у него были медленные, густые и тягучие, как добрая малага. Но если он начинал риффовый ритм – то держись. Его размеренные рычащие повторения завораживали, заволакивали сознание наркотической пеленой, и хотелось идти на эти звуки, как идут на дудочку крысолова осторожные крысы. Казалось, Димыч играет не в одиночку – две, а то и три гитары звучат иногда в унисон, иногда в терцию, создавая то неповторимое чудо, что зовется рок-музыкой. Техасские бородачи во главе с Билли Гиббонсом* приняли бы Димыча за своего.

Композиция разворачивалась, после агрессивного вступления пошло развитие. Зрители-слушатели валом валили из зала на звуки, и тут Шура взялся за свои лазеры.

Толпа застыла.

Лазеры чертили с вязком августовском воздухе причудливые мерцающие фигуры, осветители синхронно поворачивали жерла, клубами валил из раструбов сценический туман...

Не давая народу передохнуть, вслед за инструменталом гости из будущего грянули «Ты – это я», совершенно убойный хит девяносто пятого года от «Системы плюс». По сравнению с уже слышанными командами «Проспект Мира» звучал тяжелее, забористее и жестче, но вместе с тем отточеннее. И толпа начала заводиться.

12. Burn

Следующей выплеснули на слушателей «Обмен ненавистью», потом – «Штиль».

---

* Имеется в виду группа «ZZ Top» (прим. ред.).

Кажущаяся неторопливость вступления и размеренно спокойное начало «Штиля» позволили зрителям хлебнуть пивка и придти в еще более хорошее расположение духа.

Я жду заблудившийся ветер,
Прижавшись к грот-мачте спиной.
На нашем пиратском корвете
Нежданно настал выходной,

– пел Костик под атональный перебор Димыча и Малого. Ритмично грохотали бочки под такой же ритмичный бас. Вкрадчиво фонили клавишные. А потом разом, словно с обрыва – в пропасть, обрушили на толпу мощнейший и не раз проверенный драйв второй части куплета:

И море, как зеркало чистое, в полдень застыло,
Ушла к горизонту бескрайняя синяя гладь,
И солнце нещадное палубу нам опалило,
И нам остается лишь тщетно к Нептуну взывать.

А после тревожного и несколько щемящего куплета в четыре голоса вышли в торжествующий и столь же ритмичный припев:

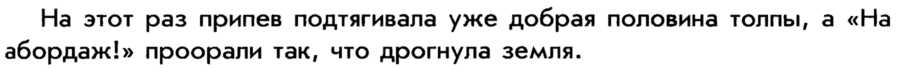
Я жду, когда снова порадует море ветрами,
И полным бакштагом пойдет гордый парусник наш.
Над мачтой взовьется, как птица, черное знамя,
И вновь прозвучит команда: «На абордаж!»

«На абордаж!» приехавшие с «Проспектом Мира» болельщики проорали так дружно и слаженно, что глаза загорелись даже у тех, кто начал слушать заезжих южан с откровенным скепсисом.

Второй куплет Костик и Данил пели вместе, умело чередуя голоса:

Я помню лихие походы,
Набеги, сраженья, бои,
И снова в плохую погоду
Заноют раненья мои.

Я с берега каждое утро с тоскою безумной
Смотрю на соленые брызги и пенный прибой,
Мне снятся фрегаты и шлюпы, корветы и шхуны,
И вкрадчивый шепот кильватерных струй за кормой.



На этот раз припев подтягивала уже добрая половина толпы, а «На абордаж!» проорали так, что дрогнула земля.

Федяшин как раз смастерил над сценой призрачного «Веселого Роджера»: череп щерился, флаг слабо трепетал на несуществующем лазерном ветру.

А «Проспект Мира» продолжил первой, короткой перебивкой, разбавляющей размеренное течение длинной композиции:

Эй, капитан!
Эй, капитан!
Эй, капитан!

Короткая, напрашивающаяся каждой клеточкой души пауза и – ликующее, подхваченное сотнями глоток:

На абордa-а-а-аж!!!!

Настало время Малого, и он с радостью показал, на что способен. Гитара стонала и выла, шумели на заднем плане волны, кричали чайки, звенела сталь.

Третий куплет снова пустили поспокойнее:

Мне холодно что-то порою,
И руки немного дрожат,
Ведь годы над головою
Как белые чайки кружат.

А потом снова пошел драйв:

Но мне не забыть гром орудий и стон парусины,
Наполненной ветром, как кубок наполнен вином,
Оружия блеск и изгибы бортов бригантины,
Что, встретив пиратов, встречается с каменным дном.

Припев пели хором. А вторая перебивка вообще ввела толпу в экстаз:

Эй, капитан! Наша жизнь — это только дорога.
Эй, капитан! Этот бой — остановка в пути.
Эй, капитан! Остановок не так уж и много.
Эй, капитан! И все меньше их впереди.

На фоне перебивки припев уже казался достаточно спокойным. Но всеобщее «На абордаж!» снова всколыхнуло округу.

А следом, без остановки, Димыч свалился в короткий ритмический клинч: это означало, что прицепом пойдет и «Шторм». Обе песни игрались в одном ритме и тональности, но как одно целое их пускали не всегда из-за длины: каждая по шесть с лишним минут. Но тут сам Бог велел: слушатели встречали на ура.

Ветер гремит в парусах,
И скрипят от усталости реи,
Море, огромное море нам песню поет.
Мы, победившие страх,
Мы в бою никого не жалеем.
Роджер Веселый диктует команду «Вперед!».

Лазеры сверкали и метались над подиумом. Клубился туман. Разноцветные световые лучи шевелились, как живые, бродили по сцене, ложились яркими пятнами под ноги музыкантам.

Пираты не помнят родства,
Стало домом соленое море,
А берег — лишь узкая пристань да шумный кабак.
Краткий момент торжества,
Крепким ромом залитое горе, -
И опять поднимаем над мачтой свой выцветший флаг.

Димыч кивнул Малому, и они сошлись посреди сцены в лучах осветителей. Это означало, что Костик и Данил могут перевести дух и промочить горло: вместо припева пойдет концертный соляк, которого в студийном варианте нет.

Перед сценой творилось черт знает что. Многие размахивали над головами снятыми майками, лес рук тянулся к сцене, хотя никто не решался пока на нее взобраться. В общем, все шло именно так, как надо.

Снова лихой абордаж.
И поется кровавая песня.
Может ли быть у пирата завтрашний день?
Воспоминаний багаж,
И от них не уйти, хоть ты тресни,
И Веселого Роджера черная-черная тень.



От этой песни всегда оставалось такое чувство, будто чего-то не доделал, не успел в жизни. Ведь есть же где-то моря и острова и кто-то смотрит на них, а над головой у него трепещут паруса.

Припев поставил в песне жирную точку.

13. Slaves and Masters

Позже выяснилось, что именно во время «Шторма» мэтр из Питера, вкусив портвейна, решил оттопырить пальцы и направился продолжать свое выступление в зал. Надеялся, небось, что народ потянется за ним.

Увы! За мэтром последовали только несколько съехавших девиц. А петь для пустого зала любой бы обломался.

В общем, обиделся мэтр. Крепко обиделся. Но «Проспект Мира» этого не знал. А и знал бы – плюнул да растер.

Решили дать народу расслабиться на медлячке, затянули «Осень стучит в окно». Эту песню начинал Малый, под перебор. Продолжал Костик, а завершали все вместе. Зажигалок под медляки тут еще не жгли, но руками качали славно. Следом выдали «Замок на песке». Творение Костика Ляшенко.

Шурик устроил над зрителями лазерный дождь; по толпе скользило почти неразличимое пятно ультрафиолетового прожектора, заставляя белые – только белые! – одежды зрителей светиться на манер рекламных стоек над казино.

Зрители стонали в сотни голосов. Казалось, вели сейчас Костик всем умереть – послушались бы, не раздумывая.

Неповторимое ощущение – понять его может только тот, кто сам хотя бы раз стоял в полутьме сцены перед залом или стадионом и видел сотни горящих глаз, обращенных к тебе.

Сыграли еще «Законы толпы», «Терминатора (Границу света и тьмы)», «Ветер защиты», «Перегрузку», «Держись, Москва», «Двенадцать», «Законы подъездов»... А потом и светать начало. Зрители обессилели, музыканты тоже. И был объявлен перерыв.

Димыч, сняв гитару с ноющего плеча и залпом заглотив банку «Янтаря», почувствовал, что зверски хочет спать. Андрюха и Костик выглядели не лучше. Бедняга Игорь, чья работа была наиболее тяжкой в физическом плане, весь лоснился от пота, а майка его давно улетела в зал.

Последовала массированная атака местных музыкантов. Вопросов было не счесть: что за аппарат? Где брали? Почем? Не продается ли?



«Проспектовцы» вяло отмахивались: потом, потом, пива охота, лежать охота... Все потом...

Как-то отбились.

Димыч еле добрел до закутка с топчаном, рухнул и отключился.

14. Abandon

Разбудил его Шурик, потеребив за плечо. В узкие вертикальные щели между стойками и драпировкой ломилось яростное летнее солнце.

– Эй! Вставай-ка!

– А? – вскинулся Димыч.

Проспал он немного, всего несколько часов, но, как всегда после концерта, это здорово восстановило силы.

За плечом Федяшина стоял озабоченный Андрюха. Выражение андрюхиного лица Димычу сразу не понравилось: по всей вероятности, предвиделись какие-то административные трудности.

– Что такое? – спросил Димыч, щурясь на свет.

– Облом, братец. Мне тут добрые люди нашептали, что гений из Питера в припадке ревности куда-то сдул. И посоветовали сниматься отсюда подобру-поздорову, пока худого не стряслось. Я почему-то склонен к этому прислушаться.

– Так что, второй части не будет? – огорчился Димыч. Вчерашний слушатель ему понравился: оттягивалась толпа на славу.

– Не будет, братуха. Мы уже половину аппарата свернули. Пошли заканчивать.

Не подчиниться Андрюхе Василевский не мог. Его епархией оставалась исключительно музыкально-теоретическая часть.

Снаружи было на удивление пустынно, хотя из Дома культуры доносилось ритмичное тренькание: то ли кто-то выступал, то ли настраивался. И народу было совсем мало: небось, дрыхли все по кустам. Группа поддержки «проспектовцев» в полном составе находилась перед сценой «Десны». Что-что, а построить болельщиков Андрюха мог без лишнего напряга. Поэтому свернулись достаточно быстро и выехали почти по-английски. Почти – потому что попрощаться пришли кучерявый Андрей со своей группой да несколько парней из других команд. И Димыч сразу понял, кто были те самые «добрые люди», предупредившие Шевцова о грядущих кознях питерского гения.

– Знаете, ребята, – задумчиво сказал напоследок Андрей. – Такое впечатление, что вы приехали к нам из завтрашнего дня. И что ваш завтрашний день куда светлее нашего сегодняшнего.



– Ну, – вздохнул Димыч. – Если начистоту, то так оно и есть. Только не рассказывай никому, ладно?

Димыч умолк, переглянулся с Шевцовым и Федяшиным, а потом добавил:

– А впрочем, можешь рассказывать. Все равно никто не поверит. Да и ты, скорее всего, не веришь.

– Я – верю, – ответил Андрей серьезно.

Пива в трейлере оставили всего ничего – чтобы только на дорогу хватило. Остальное сгрузили на радость группе Андрея и немногим примкнувшим хорошим людям.

Пожали на прощание руки. Расселись.

– Ну, что? Прощай, русский Вудсток? – спросил Андрюха, жужжа стартером. – Ничего, кроме банальщины, на ум не приходит.

– Погоди, – спохватился Димыч. – Я сейчас.

Он метнулся в кубрик, схватил чехол с гитарой и приблизился к Андрею.

– Возьми, – сказал Димыч, протягивая инструмент. – Тебе она нужнее. «Тверь-поток», восьмая модель. Примочка и шнуры там, внутри. Шнуры хорошие, с золочеными джеками. Да и примочка не фуфло, реальный «Шторм».

И, не дожидаясь ответных слов, вернулся в кабину.

– Вот теперь прощай, русский Вудсток! – вздохнул он, хлопая дверцей. – Пусть банальщина, зато правда.

«Десна» и пивной трейлер заурчали двигателями и медленно тронулись.

15. The House of Blue Light

Обратная дорога запомнилась смутно. Рулил опять Андрюха, поскольку остальные умельцы после выступления хорошо поддали. Да и встреча с местными дорожниками все еще оставалась вероятной, а административные проблемы Андрюха привык решать сам. Димыч периодически задремывал, потом просыпался, вскидывал голову. Навстречу тянулась паршивая дорога в непривычной пустоте обочин. Шурик возился с ноутбуком, вычислял точку возвращения, которая, как он сказал, перемещалась, не стояла на месте.

Пару раз останавливались на окраинах городов и городков, дабы пополнить запасы того, что местные называли продуктами. Благо, за пивом в обычных для этого мира очередях убиваться не приходилось, а отсутствие воды при наличии пива переносилось удивительно легко.



Концертная эйфория постепенно сменялась желанием поскорее попасть домой.

Домой.

Слово, которое начинаешь ценить только когда поскитаешься какое-то время, поживешь в стороне от любимой койки, любимой кухни, любимой комнаты, любимого компьютера... Почты, небось, навалило...

Дорожники однажды все-таки остановили их. Почему-то не спросили права, только путевой лист. Вопрос решился при помощи нескольких красноватых купюр с профилем бородатенького индивида – Андрюха обладал завидным даром убеждения, да и инспектор не слишком сопротивлялся. Похоже, он также предпочел свалить бремя разбирательства на кого-нибудь из коллег дальше по трассе.

А вскоре Шурик Федяшин велел сворачивать на пыльную колею меж полей и минуты через три притормозить у жиденькой и столь же пыльной полоски деревьев. До перехода, по словам Шурика, оставалось часов семь. Кто не отоспался – немедленно завалился в кубрике, а те, кто успел, – расселись на брезенте на краю поля за бутылочкой-другой. Разговоров было... И о выступлении, и о странном семьдесят девятом годе неведомой реальности. И о звездах, точно таких же, как и в родном и привычном мире.

В предрассветных сумерках Федяшин указал направление; два грузовика медленно двинулись по полю, быстро влипнув в уже знакомый лиловый туман, очень похожий на подсвеченный сценический дым. А потом сразу настал вечер.

У Андрюхи в кармане запиликал мобильник, извещая о пришедших сообщениях. Чуть впереди, между заправкой «Тюменьтопливо» и дорожной лавкой «Елисеевъ и сыновья», виднелась привычного облика трасса, по которой проносились привычного облика машины, а несколько в стороне возвышалась ажурная вышка «Российских систем дальней связи», увенчанная полутораметровой чашей спутниковой антенны. Пестик с шаровидным набалдашником, напоминающим трость, целился в ущербный полудиск Луны, которая зависла в темно-голубом небе.

– Хм! – сказал Андрюха и неторопливо переложил остатки нездешних денег в нагрудный карман.

– Дома, – не замедлил расплыться в улыбке Димыч. – Как я рад, чтоб я был здоров!

– Готово! – удовлетворенно провозгласил Федяшин и звонко щелкнул клавишей «Ввод». – Мы отсутствовали в своем времени... и пространстве, как оказалось, сорок семь часов и двенадцать минут с секундами. Все по расчетам.

Народ в кубрике воодушевленно отплясывал «Сударыню».



«Черт возьми! – только сейчас позволил себе сформулировать Димыч. – Я боялся об этом думать. Боялся, что мы потеряемся в чужом и неприятном мире. Наверное, не только я этого боялся».

А вслух сказал:

– Спасибо, Шурик, за то, что ты не ошибся. Трогай, Андрюха. Пора домой.

– Так ведь мы уже дома, – отозвался басист, улыбаясь от уха до уха. – И это главное.

16. The Battle Rages On

В ближайшие три года «Проспект Мира» выпустил и благополучно продал одиннадцать альбомов, мгновенно ставших платиновыми. Второй, четвертый, восьмой и одиннадцатый были чисто их альбомами. Остальные – переосмысленным материалом с русского Вудстока в какой-то из параллельных реальностей. Конечно, причиной мгновенного успеха послужил дебютный альбом-бомба под названием «Рок из-за барьера», а песни «Поворот», «Все очень просто», «Скачки» и «Кого ты хотел удивить?» держались на вершине хит-парадов около семидесяти недель. Музыкальные критики долго пытались выяснить, кто же скрывается под никому не известным псевдонимом Андрей Макаревич, какой талантливый поэт, маститый композитор и модный аранжировщик?

Тщетно.

Успешными оказались и многие другие песни – «Воскресенье», «По дороге разочарований», «Ночная птица», «Забытую песню несет ветерок», «Лилипуты-1» и «Лилипуты-2».

Но спустя три года «Проспект Мира» распался. Возможно, потому, что собственные их песни хотя и пользовались успехом, но не таким оглушительным. Возможно, потому, что «проспектовцы» немного повзрослели. Возможно, потому, что Димыч Василевский все меньше стал уделять внимания музыке и все больше – любимой фантастике. Песни «Проспекта Мира» крутят по радио и сейчас, диски продаются и поныне, а клипов они никогда не снимали.

Прошли годы. Много. Пятнадцать. Или даже двадцать. По-разному сложилась судьба бывших «проспектовцев». Как ни странно, миллионером ни один из них не стал – вероятнее всего, из-за того, что каждый отчетливо осознавал истинную причину успеха «Проспекта Мира».

Андрей Шевцов, басист и администратор, успел отсидеть в тюрьме пять лет за экономическое преступление, которого не совершал. Жена дождалась его, и теперь он счастливый муж и не менее счастливый

отец, удачливый предприниматель, хозяин собственного дела. Живет в родном городе.

Константин Ляшенко, вокалист, уверовал в Бога, выгнал шалаву-жену, воспитал двоих сыновей, которых не отдал матери. И сегодня поет в хоре одной из небольших церквей. К сожалению, с ним стало попросту не о чем разговаривать помимо веры, и потому бывшие коллеги видятся с ним очень редко.

Данил Сергеев, вокалист, женился и переехал в соседний город, где также занялся предпринимательством. Не столь успешно, как Шевцов, но на жизнь не жалуется. Когда ему бывает совсем тоскливо, он берет телефон, набирает номер... и Шевцов сотоварищи хватают такси и приезжают к нему, чтобы вытащить куда-нибудь в бильярдную или питейное заведение.

Вадим Орликов, он же Малый, гитарист, не устоял перед алкоголем и наркотиками, которые сгубили его на шестой год после «рус-Вудстока».

Игорь Коваленко, барабанщик, – единственный, кто продолжает жить музыкой. Последнее время он сотрудничает с посредственной группой «Хаос», отвергая предложения куда более именитых коллективов. Вероятно, ему нравится. Выглядит он счастливым.

Павел Садов, клавишник, одно время был связан с кришнаитами, а потом просто пропал. Говорят, он устроился столяром в крохотную мастерскую где-то на окраине родного города. Говорят, в какой-то момент он почувствовал непреодолимую тягу создавать вещи своими руками. Говорят... Но это ведь тоже своего рода счастье и творчество.

Александр Федяшин, инженер, стал большим и важным человеком. После возвращения из чужого прошлого его быстро подгребли под себя какие-то секретные военные ведомства, связанные с научными разработками. Теперь увидеть его нельзя, можно только переписываться через Сеть. Впрочем, отвечает Федяшин редко, из чего ясно: без работы он не сидит.

Ну, а Дмитрий Василевский окончательно ушел в фантастику. Пишет книги. Много уже написал – не то двадцать с чем-то, не то тридцать с чем-то. Но иногда решается тряхнуть стариной и берет в руки гитару – по крайней мере, два сольных альбома он выпустил. Переехал в Москву, хотя в родном городе бывает довольно часто. Однажды встретил в салоне мобильной связи Андрея Шевцова и с тех пор видится с ним чаще остальных. Участвовал в выездах в соседний город к Данилу. Как-то во время дружеской посиделки пообещал коллегам описать все, что произошло пятнадцать или даже двадцать лет назад, честно и без прикрас. Ему можно: он ведь фантаст.



Евгений Лукин

НОВЫЕ СТИХИ

Большинство любителей фантастики знают Евгения Лукина как автора блистательных, остроумных романов и рассказов. «Катали мы ваше солнце», «Зона справедливости», «Алая аура протопарторга» — список его произведений, которые пользуются заслуженной популярностью у читателей, можно продолжать и продолжать. В гораздо меньшей степени Лукин известен как поэт, тяготеющий к философской лирике. Будем надеяться, что после нынешней публикации (в эту подборку вошли стихи, написанные весной и летом 2002 года) количество поклонников его поэтического дара увеличится, как минимум, на полторы тысячи человек (соответственно тиражу).

ПРАЗДНИКИ

Вроде бы и пить уже невмочь,
но попробуй график поломай:
кончилась Вальпургиева ночь —
а за нею сразу Первомай!

* * *

История, достойная Рабле:
бросались крысы в водяную муть.
И столько было их на корабле,
что он внезапно перестал тонуть.
Вокруг меня мильён крысиных морд,
и в зеркале такой же мизерабль.
Вот хлынем мы однажды через борт —
тогда, глядишь, и выплывет корабль.



РУССКАЯ ИДЕЯ

Рынок? Вера? Ни хрена!
Только грозная година
соберет нас воедино,
как в былые времена.
И, бедою сплочены,
от Европы до Китаю...
Я тебе попричитаю
«Лишь бы не было войны»!

* * *

Брожу и озираюсь допоздна:
куда ни плюнь – такие все крутые,
что лучше уж нашествие Батыя,
чем собственная наша крутизна.

* * *

А.П.

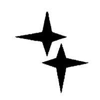
Зачем, скажи, крамольну оду
слагал ты, дерзостный юнец?
Ну получили мы свободу –
и осознали наконец,
что только будучи рабами
творили славные дела...
И ловим праздными губами
утраченные удила.

* * *

Социализм, возвращайся немедленно
в наши места –
лучше травить анекдоты про Ленина,
чем про Христа!

АРИСТОКРАТ

(декламируется надменно)
Когда среди родных равнин
парткомы рушились,
во мне проснулся дворянин –
во всеоружии-с!
Теперь, не в силах пренебречь
дворянской честию,



за непочтительную речь –
по морде съездию!

* * *

Ничего мы не обрящем –
только темечко расплющим,
пребывая в настоящем
и мечтая о грядущем.
Не дури, едрена вошь!
Рок тебя не проворонит.
Здесь ты все-таки живешь,
а в грядущем – похоронят.

* * *

Тот писатель,
кто полезен.
Владимир Маяковский

В нашем нынешнем дерьме,
громоздящемся бугристо,
тот писатель, кто в тюрьме.
Остальные – беллетристы.

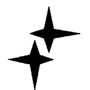
* * *

И нет штукатурного неба...
Владислав Ходасевич

Когда возвратишься в пустую
бетонную гулкую клеть,
где лампа горит вхолостую
и где предстоит околеть,
ты лепет воды в туалете
прими за журчанье ручья –
и нет уже каменной клети,
и вновь боевая ничья!

ФАНТАСТАМ

Помню: книжки рубили –
аж плахи трещали.
Это кем же мы были,
если нас запрещали?
Уличали. Свистали.
Политику шили.



Это кем же мы стали,
если нас разрешили?

* * *

Пущай себе киногерои
спасают киночеловечество,
а у тебя свое Отечество –
большое, грязное, сырое...

* * *

Ни прозаик, ни поэт.
Ни бунтарь, ни обыватель.
Ни пощечин, ни объятий.
Ни конфузий, ни побед.
И сидишь – незнамо кто,
биографию итожа,
ну а там одно и то же,
то есть то же, но не то.

В ЗАЩИТУ КОРРУПЦИИ

Если к власти приходит идея
и стремится, о людях радея,
добродея отсечь от злодея,
до небес огород городя, –
как на ярмарке ревностный пристав,
я тогда озираюсь, неистов,
и глазами ищу карьеристов,
в изобилии их находя.
Лизоблюды! Родные! Вылазьте!
Перестройте себя, перекрасьте –
и галопом туда, где у власти
обладатели чистых сердец!
Огородами, путаясь в жите,
добегите! А как добежите –
подсидите их там, разложите!
А иначе нам полный абзац!

Лора Андронова



ВОДА ОКАЯННАЯ

Лора Андронова родилась в Риге, окончила Латвийский университет по специальности «компьютерные науки». Сейчас работает в фирме, разрабатывающей программное обеспечение для банков. Писать фантастику стала не очень давно, однако три ее рассказа уже увидели свет. «Звездная дорога» публикует четвертый, который привлек нас предельно острой постановкой вопроса о «цене успеха». Если на одной чаше весов — почти безграничное могущество, а на другой — жизнь любимого человека, какая из них перетянет?

Извержение началось в тот момент, когда Кельман-плотник покрасил последнюю доску нового забора. Забор получился хороший – высокий, ладный, теплого яично-желтого цвета. Аккуратно завернув кисть в промасленную тряпицу, Кельман направился к дому, но остановился на полпути, в который раз зачарованный пробуждением вулкана.

Сперва над срезанной макушкой самой высокой в округе горы появился клубящийся белый столб. Сила ветра клонила его к западу, заставляя стелиться почти параллельно земле. Затем клубы дыма потемнели, стали грязно-серыми. В воздухе запахло пеплом – тяжелым дыханием Дор-Сура.

– Запоздал он в этом году, – сказала подошедшая Арина.

На ее худых плечах лежало коромысло, пустые ведра раскачивались и тихонько бренчали. Кельман рассеяно улыбнулся жене.

– Сказывают, что возле источника какой-то сумасшедший поселился, – поделилась она. Ее густые черные брови, выделявшиеся на скуластом невыразительном лице, сошлись на переносице. – Милостыню просит.

– Подай, коли просит. Благое дело.

– Может, и подам. Ежели выглядит жалостливо.



Обувшись в стоявшие возле ступенек башмаки, она направилась прочь. Кельман снова погрузился в наблюдения за вулканом.

Дор-Сур истекал огнем. Жаркий поток устремился вниз по склону горы, сжигая все на своем пути. Только здесь, на Да-Шил – «невредимом в пламени», – было безопасно. Лава ударится о его подножие и потечет по проторенному пути, огибая величественный утес с востока.

Кельман вздохнул. Когда вулкан успокоится и жидкий огонь окаменеет, для жителей поселка наступит тяжелое время. Все, от мала до велика, пойдут к Дор-Суру собирать выброшенные им искриты. Еще несколько месяцев спустя приедут купцы, предлагая свой товар в обмен на темные сияющие самоцветы.

– Вы только посмотрите на него! Стоит и пялится! Извержения он никогда не видел! – Вернувшаяся от источника Арина пребывала, судя по всему, не в самом хорошем расположении духа.

– Душенька, не гуди.

– Я тебе покажу «не гуди»! – Она брякнула ведра на землю и ухватила Кельмана за окладистую седоватую бороду. – Ишь! Отдыхает тут, пока жена в поте лица трудится.

– Тоже мне труд – сто шагов пройти, с соседушками калякая.

– А вот и труд! – Костлявые ладошки Арины забарабанили по широкой груди мужа. – Там хрыч расселся.

– Нищий?

– Да какой он нищий! Сапожки кожаные, курточка справная. При оружии!

Кельман запустил пятерню в спутанные русые волосы.

– И чего он хочет?

– Денег хочет! И никого из мужиков рядом – урезонить...

– За что денег-то?

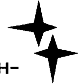
– За воду! Целый грошик за два ведра воды! На него Мила с кулаками, а он меч как достал из ножен – и махать.

– С мечом? На вас? – Кельман не верил своим ушам. – Воду хочет продавать нашу? Нам же?!

Он задохнулся от возмущения. Единственный источник на Да-Шил был делом рук искусного мага, немало запросившего за свои услуги. Сказывают, что первые поселенцы долго не могли найти мастера, который бы взялся пробить скважину в двухмильной гранитной толще.

– Вот я бы на вашем месте... – веско начала Арина, но ее прервал стук калитки.

Во двор, шумя и переругиваясь, вошла целая группа мужчин. Крепкие мозолистые руки привычно сжимали лопаты и кирки, глаза горели угрюмым бешенством.



– Келыч, ты с нами? – крикнул раскрасневшийся Перш. Он был единственным кузнецом и самым состоятельным человеком на Да-Шил.

– Торгаша уму-разуму учить?

– А то! – Перш потряс в воздухе тесаком. – Так научим, что забудет, с какой стороны у бутылки горлышко.

Кельман расправил плечи, кинул быстрый взгляд на Арину и, подхватив оставшуюся от постройки забора доску, пошел за всеми.

– Во тип! – бормотал себе под нос Перш. – Во хам! На мою Милу руку вздумал поднимать!

– Батогом бы его по хребту. Не для того деды магу в пояс кланялись и искритов целый мешок отсыпали, чтобы какой-то лапоть тут свои правила устанавливал, – сказал хозяин постоялого двора Амс.

– Может, утопим голубчика? Чтобы уж сразу?

– Вот еще. Воду поганить.

– А не отдать ли его Дор-Суру? – предложил Кельман.

– Точно! Туда ему, змею, и дорога!

– Только куртку сперва снимем. Говорят, справная у него куртка.

– И сапоги.

– И сапоги снимем. Нечего добру пропадать.

Возле источника было шумно. Ругались бабы, визжали ребятишки. Казалось, здесь собрались все жители Да-Шил. На приступочке, ведущей к вырубленной в скале раковине, сидел молодой длинноносый человек и задумчиво рассматривал толпу.

– Ну? – спросил он, встретившись глазами с Першем.

– Что – ну? Я не понял! Мотай отсюда, пока мы добрые.

– Зачем мотать-то? Мне тут нравится. Природные явления красивые. Где еще такое увидишь? Да вы не волнуйтесь, я тут ненадолго. Брата хочу дождаться только.

– А черта лысого ты тогда доступ к воде перегородил? Сними комнатку – у Амса, например. И жди да любуйся хоть цельную декаду.

– Так вы за водой пришли? – удивился длинноносый.

Перш оскалился.

– Ты, мужик, не юродствуй. Убери задницу со ступенек.

Незнакомец пожал плечами и поднялся.

– То-то же! – торжествующе сказал Амс. – Это тебе не с девками воевать. Сразу понял диспозицию.

Увидев, что проход свободен, к источнику устремилась гурьба женщин с коромыслами. Первой бежала Мила. Лицо ее сияло лукавым торжеством. Откинув на спину толстую темную косу, она забросила ведро в воду. Но вместо ожидаемого всплеска раздался сухой стук, и ведро покатилось, как по льду.



– Она твердая, – произнесла Мила, беспомощно глядя на мужа.

На мгновение сельчане замерли, а потом к каменной чаше потянулись десятки рук: каждый хотел убедиться в справедливости слов девушки. Поверхность источника – такая живая на вид – на ощупь была гладкой и жесткой.

– Как мрамор, – сказала Арина.

Кельман недоверчиво ощупывал свою ладонь.

– Это колдовство!

Толпа шевельнулась. Все смотрели на стоящего в сторонке чужака. Тот с легким смущением пожал плечами.

– Да. Колдовство.

– Ты что нам тут учинил, а? Заморыш низинный? – Перш дунул на лезвие тесака. – Ну-ка назад все возверни!

– Зачем это?

– А пить мы что будем?! Лаву?!

– Почему же лаву? – Длинноносый подошел к раковине и зачерпнул пригоршню воды. Чистые капельки просачивались между его пальцами и падали на землю. – Пожалуй, я смогу вам помочь. За плату.

Черная борода Перша топорщилась, грудь вздымалась.

– За плату, стало быть? – спросил он.

Чужак кивнул.

– Ну, так вот тебе наша плата! – взревел Перш и замахнулся на него тесаком. Но оружие отскочило от груди незнакомца, не причинив ему никакого вреда. На кожаной куртке не осталось даже царапины. Словно не замечая этого, кузнец продолжал наносить удары. – Подсобите, подсобите, мужики!

Недоуменно переглядываясь, сельчане бросились на помощь. Кто-то размахивал лопатой, кто-то – самодельным копьем. Кельман несколько раз ткнул чужака в живот доской от забора. Некоторе время царила сумятица. Потом шум разом стих. Целый и невредимый, длинносый снова сидел на ступеньке.

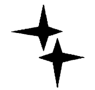
– И очень глупо, – сказал он. – Думаете, после моей смерти вода расколдуется сама? Напрасно, напрасно.

– Комок навозный, – с бессильной ненавистью прошептал Перш.

Незнакомец улыбнулся и, подобрав с земли пористый камешек, кинул его в кузнеца. Тот схватился за ногу и упал, как подрубленный.

– Перелом бедра. Помогите ему, – приказал длинноносый. – И запомните, мое имя – Сирил. А обращение «достойный господин» приводит меня в хорошее расположение духа. Есть ли какие вопросы?

– Мы можем купить воду, достойный господин? – спросила Мила, кланяясь. Ее голосок дрожал.



Сирил покровительственно потрепал ее по волосам.

– Умничка. Можете. Грошик за ведро.

По домам расходились в молчании. Кельман угрюмо тащил ведра и думал о том, что у него пересохло во рту. На полпути он не выдержал, остановился и выпил несколько пригоршней. Вода была прохладной и пьянящей, как вино.

На следующий день Кельман услышал шепот. Казалось, он доносился отовсюду – из углов, с потолка, с пола. Что-то неразличимое шептали кровать, шкаф и лавки. Вздыхал росший за окном клен.

– Нет, ты правда ничего не слышишь? – спрашивал он Арину.

Та качала головой, укладывая в узелок вяленое мясо и хлеб.

– Опять вчера с Першем пил? Иди проветрись, полегчает. Походил бы по соседям, вдруг кому что подправить надо?

– А ты-то куда собралась?

Арина зло сощурила глаза.

– Может, вы и собираетесь прислуживать этому сучку, а я – нет. Схожу на западный склон, посмотрю, не проклюнулась ли юлица. Ягода сочная, с ней никакой воды не надо.

– Жаль, ни у кого коровы нет, молоком бы обошлись.

– А кормить ее чем прикажешь? Туфом?

– То-то и оно...

Проводив жену, Кельман заглянул на постоялый двор. Его встретили с радостью. Всем не терпелось обсудить вчерашнее происшествие.

– Ясно, как день, что это демон. Самый настоящий демон. Оружием его не взять, только если каким-то особым, – говорила розовощекая Бика, дочь Амса.

– Как же, сказал бы тебе демон, как его зовут, – возразил Кельман.

Он устроился на полу в просторной кухне и принялся осматривать вечно ломающиеся табуретки. Шепотки немного стихли, заглушаемые более громкими звуками.

– В имени вся их магическая сила и заключена.

Бика возмущенно взмахнула полотенцем.

– А он соврал, соврал он!

– Может, это просто какой-то безработный чародей?

– Который решил собирать по несколько грошей в день в нашей глуши? Да еще таким странным способом? Смешно!

– Допустим, есть какие-то причины, – сказал Кельман.

– Какие тут могут быть причины?! – оборвала его Бика. – Не тот маги народ, чтобы довольствоваться крохами.



– Ты что, много магов знаешь?

– Да тут и знать-то не надо – и так понятно, – ответила Бика. – Пап, ведь я права?

Амс стоял у плиты и укладывал в нее дрова.

– Нет, – сказал он. – Не права. Сирил – тень того человека, который пробил скважину для нашего источника.

Глаза девушки округлились. Бросив мокрое полотенце на кухонный стол, она подошла к отцу.

– Но почему ты так думаешь? – спросила она шепотом.

– Потому, что наши предки обманули его. Обещали пять дюжин самых ценных искритов, но год тогда выдался неурожайный и пришлось подмешать с десяток плохоньких камешков. – Амс вытер руки о передник и пожал плечами. – Он же не ювелир. Не разобрался.

– Считаешь, он теперь мстит? Вернулся с того света, чтобы покарать за обман?

– Другого объяснения у меня нет.

Кельман вышел на улицу и направился к дому Перша. Против обыкновения, ставни на его окнах были плотно закрыты. На наличниках появились хитрые знаки, начертанные мелом, – сложные сплетения линий, напоминающие скрюченные цветы.

Перш лежал на кровати, до подбородка укутанный в пуховое одеяло и вещал:

– Дух Дор-Сура! Кто это еще может быть? Все мы жаловались на то, что извержение в этом году запоздало, что мы можем не успеть собрать урожай искритов до прибытия купцов. Ох, и не по нраву ему пришлись наши слова. – Кузнец жалобно поморщился и потер забинтованное бедро.

– Болит? – спросил Кельман, устраиваясь рядом.

– Болит. Хорошо, хоть жар спал, а то уже целую кадку воды вылакал. И все равно пить хочется. – Он провел рукой по груди и неожиданно добавил: – Мне бы сейчас листьев вурицы к перелому приложить. И из вешенной настойки примочки сделать.

Сидевшая возле огня Мила подняла глаза от вышивания и удивленно посмотрела на мужа.

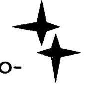
– С чего ты это взял? – спросила она.

Перш заморгал.

– Не знаю. От лекаря, наверное, слышал.

По улице с грохотом проехала телега, стоящая в шкафу посуда задребезжала и запрыгала.

– Я вот все думаю, – сказал Кельман. – Почему он берет всего лишь грошик за ведро? Ведь он мог назначить любую цену.



– Если цена была бы слишком велика, мы отправили бы отряд к Хохочущему водопаду. А так проще платить и надеяться на то, что одним прекрасным утром Сирила возле источника не окажется.

– Пожалуй. Путь неблизкий, и с Да-Шил спускаться неохота.

Они замолчали. Кузнец закрыл глаза и принялся что-то насвистывать, а Кельман подошел к Миле и стал наблюдать за ее работой. На тонком беленом полотне, натянутом на пяльцы, карандашом была нарисована пышная роза. Стебелек уже зеленел шелковыми нитками, и игла порхала над тканью, обозначая шипы.

– Не знал, что ты так умеешь.

– Как – так?

– Так красиво.

Мила погладила вышитые листья.

– И я не знала. А сегодня утром встала – и вот. Само получилось.

Кельман поежился. Глаза ее излучали нестерпимый, пугающий свет.

Утром Кельмана разбудили голоса.

– Зерно, зерно, зерно, – монотонно твердил кто-то писклявый.

– Скорее, скорее... – вторил ему другой, звонкий тенор.

– Опять блоха!

– Уйди, уйди... Догоняет!

– Дети! Вернитесь!

Шум стоял, как на ратушной площади Караста в базарный день. Кельман поспешно отдернул полог кровати и огляделся. В комнате никого не было.

– Еще зернышко, еще, кушать, кушать, – не унимался голосок.

– Хлебушек с молочком. Вкусный хлебушек с молочком.

– Ты куда? Ты куда? Вернись!

– Арина! – закричал Кельман. – Арина!! Что происходит?!

Но жена не отзывалась, и он вспомнил, что сам проводил ее на западный склон. Накинув на плечи рубаху, он выскочил во двор. Первой ему попалась на глаза копавшаяся в корыте свинья Хрюха.

– Помои, – урчала она, – свежие, теплые помои. Много, много помоев.

– Пшено, – послышалось от пробегавшей мимо курицы. – Там пшено.

– Размякшая булка...

Замерев на месте, Кельман смотрел на свинью, рыло которой было полностью погружено в исходившее паром месиво. Он мог поклясться, что других звуков, кроме пофыркивания и чавканья, Хрюха не издавала.



– Вкусно. Очень вкусно.

Голос звучал как-то необычно, слишком ясно и отчетливо, слишком близко. Кельман провел рукой по лбу.

– Пресвятые мученики! Наверное, я читаю ее мысли! – осенило его.

Чтобы проверить свою догадку, он сбегал в дом, принес оттуда миску холодной гречневой каши и вывалил ее в корыто.

– Каша, – отчетливо услышал он.

Последующие два часа Кельман провел, слоняясь по двору. Он то присаживался возле куриного насеста, то возвращался к хлеву, то стоял возле забора, пытаясь уловить, о чем думают прохожие. Как и у Хрюхи, на уме у куриц была только еда. Их мысли были коротенькими и несвязными, беспорядочно перепрыгивающими с одного предмета на другой.

– Чудеса, – шептал Кельман. – Ну и ну. Надо всем рассказать. Хотя наверняка на смех поднимут.

Он отряхнул штаны от соломы и выскочил за калитку, едва не врезавшись в стоявшего за ней Перша. Лицо у кузнеца было счастливым, но немного озадаченным.

– Посмотри! – сказал он. – Я сам себя вылечил!

Кельман издал нечленораздельное кудахтанье.

– Сегодня ночью проснулся, жажда мучит. Встать сам не могу, а Милочку будить жалко: и так за день со мной намаялась. Лежу, только зубами от бессилия скрежещу. И тут словно воспоминание приходит... – Кузнец неуверенно потер руки. – О том, как ладони над больным местом держать и силу Ки излучать.

– И что?

– И исцелился. Ты знаешь, я теперь столько болезней одолеть могу. И сыпь зеленую лечить, и чесотку. – Его голос чуть понизился. – А моя первая жена, Криста, от лихорадки умерла. Почему же я тогда всего этого не вспомнил? Не помог, не спас?

– Это вода, – сказал Кельман.

– Вода?

– Да. Зачарованная.

Перш озадаченно нахмурился.

– Я стал слышать мысли животных, – пояснил Кельман. – Утром. Будто чужие голоса в голове звучат. Сперва мешало очень, а теперь привык.

– О чем же думают животные?

– Да о жратве по большей части. Куры еще о цыплятах беспокоятся. А вот у людей пока ничего разобрать не могу, только шум какой-то невнятный. – Он помялся. – Ты мне не веришь?



– Верю. Неладно что-то с нами. – Кузнец достал из нагрудного кармана бережно сложенный листок. – Гляди. Мила нарисовала.

Кельман обомлел. На небольшом куске бумаги плескалось море. Пенные гребешки бежали по его поверхности, падали на пологий песчаный берег, разбрасывая мириады капелек. Над водой, в темном чистом небе, кружили две чайки.

– Солью пахнет, – сказал он, не отрывая взгляда от картины.

– И спокойствием, – кивнул Перш. – Завораживает.

– Да. Как в окно смотришь.

Казалось, что от рисунка веет холодным ветром и пряным духом водорослей.

– Но что же нам теперь делать? – первым очнулся кузнец.

– Надо бы к источнику наведаться, – предложил Кельман. – С Сирилом побеседовать. Тем более что у меня дома вода закончилась.

– Ох, не нравится мне это...

– Мы будем спокойны и вежливы. Он нас не тронет.

Сирил сидел на ступенях и рассматривал вершину Дор-Сура, расчерченную алыми лентами лавы. Чуть поодаль – на другой стороне площадки – толпились ребятишки, восторженно гомоня и толкая друг друга в бока.

– Вот я была в Карасте на ярмарке, там у стражников такие же мечи были! – верещала румяная пухлая девчушка.

– Врешь ты все! У стражников не мечи, а луки!

– Луки – у тех, кто на стенах стоит! А у остальных – мечи!

– Ну-ка, разойдитесь! – прикрикнул на детей Кельман. – Нечего тут под ногами путаться.

Те дружно захихикали и бросились врассыпную. Сирил вздохнул и перевел взгляд на новоприбывших.

– Итак? – спросил он.

– Да за водой вот пришли, – сказал Кельман, робко протягивая ведра.

– Понравилась водица?

– Поразительно чудотворная, – подал голос Перш. Он старался держаться на почтительном расстоянии.

– Именно, любезный, именно.

– Вкус необычайный, – добавил Кельман, приятно улыбаясь.

Сирил пошевелил носом.

– Нет, в самом деле?

– Отменный!

– И способности прорезаются доселе неведомые.

– Вы меня несказанно радуете. Что ж, давайте ведра. Пять серебряных за одно.

Кельман решил, что он ослышался.

– Господин Сирил, вы, должно быть, ошиблись. Вчера вы просили полгрошика.

– Я – просил?

Кузнец пихнул приятеля в бок локтем.

– Вы требовали, – поправился Кельман.

– Хотите сказать, что вчера цена была ниже?

– Да, достойный господин.

– Как неловко получилось. Но все дорожает...

Возле источника собирались другие жители поселка. Перш мельком заметил вытянувшееся лицо Амса, теребящую передник Бику, волнующуюся Милу.

– Пять серебряных – это очень много, – тихо сказала она.

– Мы не можем столько тратить на обыкновенную воду!

– И на необыкновенную тоже.

– Поймите, я вовсе не настаиваю на том, чтобы вы покупали у меня воду.

– А где же нам ее брать?!

Длинный нос Сирила снова пришел в движение.

– Мне кажется, это уже ваши проблемы. Попробуйте пить что-нибудь другое, например, пиво или квас.

– Да сколько этого пива?! Запасы к концу подходят, каравана купеческого ждем.

– Выходит, вы сами загнали себя в ловушку своей небережливостью и непредусмотрительностью.

– Сжальтесь же над нами, – со слезами в голосе выкрикнула Бика.

– Небрежность должна быть наказана, – сказал Сирил и повернулся ко всем спиной.

В полной тишине было отчетливо слышно, как звенит в каменной чаше источник.

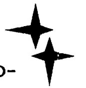
– Спокойно, – заговорил Перш, косясь на затылок Сирила. – Нам надо все тщательно обсудить и решить, что делать дальше.

– Задавить бы как червя, – мечтательно сказал кто-то.

– Насилие – это не выход, – заметил Кельман, делая страшные глаза.

– Тем более что никакого вреда вы мне причинить не сможете, а вот я вам – сколько угодно, – не оборачиваясь, бросил Сирил.

Из толпы к ступеням протолкался Амс. Его испачканное мукой и сажей лицо горело негодованием.



– Надо отправить гонцов в Караст и нанять там мага, который поможет нам справиться с этим... – Он поморщился, подбирая нужное слово. – С этим несговорчивым человеком.

– Мысль здравая.

– Только что мы будем пить, пока гонцы доберутся до города? Путь ведь не близкий. Да и Кар-река сейчас бурная.

– Терпеть будем, – предложил Амс.

– Это ты будешь терпеть, чурбан безмозглый, – набросились на него женщины, – а детям как объяснить, что воды нет?

– И не выдержишь долго все равно, – сказал кузнец. – Если только...

– Если только ягод набрать, – закончил за него Кельман. – Юлицы. Моя Арина как раз пошла западный склон разведать.

Сельчане оживились.

– Толковая баба!

– Молодец, додумалась!

Покатые плечи Сирила содрогнулись. Он отошел на несколько шагов и прилег на землю, заложив руки за голову.

– Кого назначим в гонцы? – спросил Перш. – Думаю, мне точно стоит пойти, у меня кредит есть в Карастском торговом доме, ценные бумаги. Да и знакомые влиятельные имеются.

– Предводителем будешь!

– Нурана возьми! Он у нас самый крепкий.

– Панру!

– Меня, меня! – заголосила Бика. – Хочу в город!

– Цыц, девка! – шикнул Амс. – Тут дело серьезное.

– Целой толпой идти не стоит, – сказал Перш. – Человека два-три будет достаточно. Как считаешь, Келыч?

Кузнец дернул его за рукав, но Кельман лишь отмахнулся. Привстав на цыпочки, он высматривал что-то вдалеке.

– Это она. Жена возвращается.

По направлению к деревне двигалась крошечная фигурка. Лишь несколько минут спустя стали видны черные косы, переброшенные на грудь, и яркий синий фартук с крупным пестрым узором.

– Ну, у тебя и зрение, – присвистнул Амс. – С такого расстояния разглядел.

– Да я услышал скорее, – пробормотал Кельман.

В руках у Арины были две огромные, тяжелые даже на вид корзины, доверху наполненные чем-то розовым. Сельчане скопом бросились к ней на помощь.

– Юлица, – обрадовалась Мила.



– Мы спасены!

– Я и не надеялась...

– Сегодня же вечером отряд выступит к Карасту, – заявил Перш.

– Погодите! – Арина перевела дух. Кельман с тревогой заметил, что лицо ее было бледным и расстроенным.

– И с раннего утра – собирать ягоды!

– Детей отправим!

– Амс, пирогов нам в дорогу напеки, да побольше. В городе все так дорого, надо запастись едой.

– Да послушайте же вы меня! – выкрикнула Арина, громко хлопнув в ладоши.

Все замолчали и повернулись к ней.

– Сперва я спустилась к полянке и убедилась, что юлица уже начала проклевываться. Пока ее не очень много, но скоро будет предостаточно. Хватит и на питье, и на варенья, и на сушенья. – Эти слова были встречены радостным гулом. – Я набрала две полные корзины и хотела идти домой, но что-то остановило меня. Я спрятала ягоду в укромном местечке, а сама пошла вниз, к обрыву.

– И что ты там увидела? – не выдержала Бика.

Арина закусила губу.

– Не знаю, в чем там дело – валун какой прикатился или трещина случилась, но лава на этот раз пошла двумя путями – и с восточной стороны, и с западной. Мы в ловушке.

По площадке пронесся вздох. Кельман всем своим существом почувствовал, как черная безысходность придавила окружающих его людей. Кто-то тихонько всхлипнул, кто-то ругнулся.

– Деточки мои, – послышался женский плач. – Погибнете.

– А я знаю, чьи это шутки!

– Да все мы знаем, а толку?

Перш постучал кулаком о ведро, призывая всех к вниманию.

– Попрошу не впадать в панику. Юлица у нас есть, так что от жажды никто не умрет. Наберем с запасом, хранить в погребе будем, не беда.

– А как сойдет она, завянет?

– Не вечно же лава будет стоять! Остынет, окаменеет – пойдем в Караст. – Голос у кузнеца был спокойный и уверенный.

Лежавший на земле Сирил приподнялся на локте и зааплодировал.

– Браво, браво. Весьма недурственно. Особенно для такой дремучей деревенщины.

– Смеется...

– Пусть смеется. Ни гроша ему платить не будем.



– Не будем! Точно! – загудела толпа.

– Пусть подавится! Найдем управу!

– Не нужна нам вода!

– Выстоим!

– Выкрепимся!

– Чай, не городские неженки!

– Ох, как вы будете пахнуть через месяцок. – Сирил зажмурился. – Убийственно.

– Будем пахнуть. А ты нас будешь нюхать, – отрезал Перш.

По домам разошлись нескоро. Обсуждали, кто пойдет на склон и как делить добытую ягоду. Толпа стала редеть только после заката, когда Сирил демонстративно накрылся курткой и захрапел.

– Пойдем отсюда, – шепотом сказала Мила. – Кто знает, вдруг он шеи сворачивает тем, кто ему спать мешает?

Проверять никому не захотелось.

Вечером Кельман бродил по двору, прислушиваясь к нехитрым мыслям домашней живности. Но еще недавно восхищавшая его способность стала казаться глупой и ненужной.

– Тоже мне, царь зверей, повелитель кур и бог свиней, – говорил он себе под нос. – Вот людские бы думы читать!

Он ужинал картошкой с подсолнечным маслом и думал: «А вот если еще воды выпить? Что тогда? Вдруг талант мой еще больше разовьется? Очень даже запросто! Я бы смог узнать, что на уме у этого поганца Сирила! Ведь надо проверить?»

Этот вопрос не давал Кельману покоя всю ночь. Он ерзал на кровати, ворочался, пытался считать до ста. Ничего не помогало. Страстное желание выпить хотя бы кружку чудесной воды становилось все сильнее. Оно жгло, давило, оно мучительно зудело, как затягивающаяся рана. Под утро терпеть стало невозможно.

Осторожно, стараясь не разбудить жену, Кельман встал и оделся. На цыпочках прошел по комнате к буфету и запустил руку в тайник, где лежали бережно хранимые монеты. Через несколько минут он выскользнул из дома и, таясь в предрассветной мгле, устремился к источнику.

Сирил уже не спал. Позвякивая ножнами, он разгуливал по площадке и отчаянно жестикулировал, словно доказывая что-то невидимому собеседнику.

– Два ведра, – сказал Кельман, протягивая горстку серебра.

– Одно, – ответил Сирил. Казалось, он не был удивлен ночному визитеру. – За десять – одно.



– Только одно?

– Не хочешь – не бери.

Кельман хотел повернуться и уйти, но ноги его не слушались.

– Беру, – сказал он. – Наливай.

Вода застучала по жестяному дну. Едва дождавшись, пока ведро наполнится, Кельман выхватил его из рук Сирила и стал жадно пить. Потом, дико оглянувшись по сторонам, он пробормотал невнятные благодарности и побежал к дому. Несколько раз, завидев на дороге смутные тени, он прятался в зарослях колючек.

– И кто это тут ходит? – спрашивал он себя, снова и снова отхлебывая из ведра.

Стена сарая была плотной, без зазоров и щелей. Лишь в некоторых местах гладкая поверхность дерева ершилась коротенькими заусенцами. Прижавшись ухом к стене, Кельман вслушивался в мысли находящейся внутри Бики.

«Проклятое сено, вечно к юбке пристает. Раз, два, три, четыре. Где же еще? – думала она. – Пять. Повезло-таки этой Миле малахольной. Такого муженька урвала. Богатыря! А, вот шестое. Все равно мало, папа будет злиться. Чем я хуже ее? Лицом пригожа, да у грудь у меня повыше будет».

В курятнике что-то гулко бухнуло и запрыгало по полу. Возмущенно закудахтали наседки.

«А как я теперь пою! Соловушка! Жаль, раньше так не могла – небось, не засиделась бы в девках...»

Кельман покраснел и, косясь по сторонам, отошел от сарая. Ему было неловко, но эту неловкость быстро вытеснило желание снова испытать свой дар. Уже не первый час он ходил от дома к дому, напряженно впитывая в себя мысли и чувства других людей. Сперва он стыдился, пытался урезонить себя, убедить, что поступает подло и низко по отношению к соседям, но все было напрасно. Жгучая жажда узнать еще чуть-чуть, еще саму малость толкала его к следующему забору, к следующей двери, калитке. Ему открылось многое: и то, что у горластой Бики прорезался нежный, изумительной красоты голос, и то, что старый чревоугодник Труки уже третий день пишет какие-то непонятные, пугающие стихи, и то, что маленькая дочка Крубсов может с закрытыми глазами определить цвет положенного перед ней предмета. Почти у каждого жителя поселка появился какой-то талант – явный и полезный, вроде прихлопывания мух усилием воли, либо странный, вроде рисования пальцем в воздухе светящихся линий.

Кое-кто видимых способностей не проявлял. Арина лишь скептичес-



ки пожимала плечами, слушая рассказы о творящихся в поселке чудесах.

– Обалдели вы все от этой воды, – говорила она своим подругам. – Все невидаль какая-то мерещится.

– Да ты пойди, посмотри сама!

– Некогда мне по селу шастать! Дел невпроворот. И вы бы лучше огороды перекопали, чем о всякой ерунде сплетничать.

– Да на кой ляд нам врать?! Сама можешь убедиться!

– Это все безделье, – упорствовала Арина. – Леность. Праздность. От нее всегда в голову ахинея лезет. Вы руками-то побольше работайте, ногам отдыха не давайте. И времени не будет фантазиями предаваться.

– Пойдем хоть в гости сходим, – предложил вернувшийся под вечер домой Кельман.

– Не пойду, – ответила она. – Завтра вставать рано, да и вообще. Устала я от ваших баек.

– Да какие байки!

– Не пойду. Иди один, ежели так приспичило.

В избе Перша было многолюдно и душно. Все говорили – увлеченно, хором, перебивая друг друга.

– Глянь, как я могу, – хвастался Амс, рисуя в воздухе тонкие переливающиеся полосы.

– Э! Зато я вещи двигать на расстоянии умею!

– Вещи? Ты хотел сказать – мелочевку всякую, вроде катушки ниток?

– Так это пока. Научусь и котлами со смолой ворочать!

– Ну и какой с того толк?

– А с твоих закорюк витающих какой толк? – возмутился Крубс.

– Как какой? Это же эскуство самое натуральное!

– Дак растает вся твоя красота через пять минут.

– И пусть! Новую наведу! Лучше прежнего!

– Натуральное – это у моего зятька. Он еду всякую сквозь стены видит. Очень полезное эскуство.

– Во здорово! А выпивку видит?

– Не видит. Но очень хочет.

Самого кузнеца окружало плотное кольцо любопытствующих. На глазах у всех он залечивал ушибы выпавшего из окна мальчонки. Бледнели и затягивались ссадины на чумазых кулачках, исчезали порезы.

– Чудо, – шептали зрители.

– Теперь точно не пропадем!

– А то! Перш завсегда поможет!



– Такой у нас теперь лекарь – получше иных университетских будет!

По лицу кузнеца пробежала горделивая улыбка. Кельман подмигнул ему и отошел к камину, к склонившейся над блокнотом Миле.

– Что у тебя? – спросил он, присаживаясь на подлокотник ее кресла.

– Да так... – Она смутилась и прикрыла рисунок ладонью. – Ничего особенного.

«Засмеет», – услышал Кельман.

– Я видел твое море. Оно прекрасно.

Щеки Милы покрылись бордовыми пятнами.

– Спасибо, – пробормотала она.

«Я же просила его никому не показывать! Зачем он это сделал?!»

– Прятать ото всех такое диво – преступление. Мы же друзья, Мила.

– Ладно, – ответила она после минутного молчания. – Смотри.

На картине был изображен туман. Клубящиеся космы казались объемными, липкими, они притягивали взгляд и в то же время вызывали ощущение, что нечто ужасное сокрыто в серой бесформенной мгле. У Кельмана по спине побежали мурашки.

– Кто там? – почему-то шепотом спросил он.

– Не знаю, – тоже шепотом ответила Мила и отвернулась.

Некоторое время Кельман рассматривал ее нервно дрожащие плечи, потом поднялся, подошел к столу и налил себе самогона. Вчерашнее желание выпить воды вернулось с новой силой.

– У меня нет денег, – напомнил он сам себе. – Платить больше нечем.

«Все продать! Дом, мебель, утварь. Только бы узнать, что со мной станет. Хоть глоточек. Хоть каплю. Я же должен научиться. Стать сильнее. Я уверен, что способен на большее».

– Крутит? – спросил чей-то сочувственный голос.

Кельман поднял голову и увидел стоящего рядом Перша. Криво улыбаясь, кузнец вынул из его руки осколки стакана.

– Прости, я не хотел... Сам не знаю, как это получилось.

– Я понимаю.

– Надо надраться.

– Точно.

Они обменялись понимающими взглядами.

– Берем бутыль – и на чердак.

– И никакой закуски.

Поднимаясь по лестнице, Кельман заметил, что гостей сильно поубавилось. И уютное кресло возле камина стояло пустым.



Он проснулся от крика. На улице едва рассвело, слабые солнечные лучики робко пробирались сквозь крошечное чердачное окошко.

– Господи! Господи! Господи! – повторял дикий, совершенно нечеловеческий голос.

Послышался равномерный стук. Отшвырнув пропахшие пылью одеяла, Кельман рывком поднялся и бросился к двери.

Происходящее внизу выходило за пределы его понимания. Перш стоял на коленях и ритмично, безостановочно бился головой о стенку.

– Мила! Мила! Мила! Моя Мила! – Заслышав шаги, он повернул к лестнице слепое от слез лицо и сказал: – Она повесилась. Она повесилась в нашей спальне.

Он протянул Кельману слегка влажный листок бумаги. Тот самый рисунок. Туман. В левом верхнем углу четко была выведена одна-единственная строчка: «Столько я заплатить не могу».

– Она ходила к источнику.

– Я тоже туда пойду! – закричал кузнец. – Я отдам ему все, пусть только даст мне еще воды.

– Перш...

– Я стану искуснее и смогу вылечить Милу!

– Перш, Мила умерла. Ты не сможешь ее вылечить.

– У меня получится.

– Она умерла, понимаешь?

Тяжело опираясь о стену, кузнец встал и оглушенно глянул на него.

– Откуда ты знаешь, что я не сумею?

– Я не слышу ее мыслей. Совсем. Ничего. Ей никто уже не сможет помочь. Ее больше нет.

Перш обхватил голову руками и осел на пол. Он не плакал. Он сидел и смотрел на занавешенный тканью дверной проем, ведущий в спальню.

Возле источника стояла очередь. Длинная колонна подавленных, отчаявшихся людей.

– Ну, что тут у нас, – говорил Сирил, рассматривая очередное подношение. – Отрез лульского шелка?

– Да, достойный господин. Лучший в мире шелк, да и расцветочка какая – загляденье, – Амс искательно потирал пухлые ручки.

– Ладно, полведра, пожалуй.

– Ах, спасибо, спасибо.

– Посмотрите на эту вазу, господин, настоящее чудо!

– Неплохая ваза, очень неплохая. Даже странно видеть ее в такой глуши.

По мере того, как Кельман продвигался вперед, гора даров возле ног Сирила росла. Чего там только не было – золотые и серебряные монеты, искриты всех размеров и цветов, какие-то древние рукописи.

– Показывай.

– У меня ничего нет, – сказал Кельман, тщетно пытаясь уловить мысли Сирила.

– Зачем тогда пришел?

– За водой.

– Ты должен мне чем-то заплатить.

Кельман напряженно всматривался в узор прожилок на каменной раковине. Близость источника сводила с ума.

– Я готов.

Сморщив длинный нос, Сирил изучал просителя.

– Хорошо. Вижу, твой талант – не в мастерской ловле мух и не в шевелении ушами.

– Я читаю мысли.

– Знаю.

– Смогу ли я со временем слышать духов?

Сирил приподнял бровь.

– Возможно. Я не провидец.

– Что ты хочешь получить?

– Твою жену, – быстро ответил Сирил. – Отдай мне свою жену.

– Арина не продается! Она живой человек!

– Мне она не нужна живой.

– Что? – Кельман попятился.

– Убей ее. Здесь. И я тебе дам сколько угодно воды. – Глаза у Сирила были стеклянные, не выражающие ничего, кроме нетерпения.

– Ты ненормальный!

– А ты сам? А все остальные?

– Ты ненормальный, – снова сказал Кельман и побрел прочь.

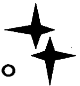
Дома было тихо и спокойно. Пахло свежеиспеченной ковригой, на столе дымилась тарелка с жареной картошкой.

– А, вернулся? – Арина вышла из кухни, вытирая руки о передник. – Садись, наворачивай.

– Да я...

– Ешь, ешь. После возлияний надо обязательно горяченького покушать. Супца бы хорошо, да сам понимаешь – какие теперь супцы, когда за воду по пять серебряных просят.

Кельман отвел глаза и принялся орудовать ложкой. Пить хотелось невыносимо.



«Зачем я пришел? – думал он. – Надо отсюда бежать как можно дальше. Или не бежать, а прыгнуть в лаву – и дело с концом. Никаких искусов, никаких желаний непотребных...»

– Хлеб бери, – сказала Арина. – И ягоды.

«Что с ним? Он сам не свой».

– Тут вот какое дело, – начал Кельман, старательно подбирая кусочком горбушки янтарно блестящее масло. – Надо пойти к источнику и поговорить с Сирилом. Серьезно поговорить. Объяснить, что мы можем хорошо его вознаградить, но только после того, как соберем Дор-Суровы камни. Он ведь неглупый человек, должен понять.

– А если он вообще не человек?

– Пусть объяснит, в чем наша вина, за что мы наказаны.

– Может, это и не наказание вовсе?

– Ты идешь со мной?

«Откажись, – молил Кельман. – Откажись, я не потяну тебя силой. Скажи, что у тебя много дел и некогда по поселку шляться».

Арина взяла у него опустевшую тарелку и недовольно пробурчала:

– И не вымыть теперь. Опять придется песком оттирать. – Она зябко повела плечами. – Конечно, иду. Должен же там быть хоть кто-то, не одурманенный этой дрянной жижей.

В пути они молчали. Арина размышляла о том, как можно вытурить из поселка обнаглевшего иноземца, а Кельман украдкой поглядывал на ее потрескавшиеся губы, на тонкую шею, на шрамик на щеке.

«Я никогда этого не сделаю. Никогда. – Он нащупал припрятанный за пазухой нож и крепко сжал рукоять. – Я убью Сирила. Пусть это невозможно, все равно убью. Уничтожу, как слизняка, как мокрицу».

– Итак, вы пришли.

Площадка возле источника была совершенно безлюдна, если не считать одинокой фигуры, возлежащей на ступенях.

Кельман втянул ноздрями воздух, и голова его закружилась. Здесь было влажно. Казалось, крошечные, невидимые капельки воды рассеяны повсюду, и стоит лишь сложить ладони ковшиком – и волшебная жидкость дождем прольется в руки.

– Господи, помоги мне.

Сухой, непослушный язык с трудом ворочался во рту, каждое движение причиняло страдания. Только глоток, только самый маленький глоточек. Силуэт стоящей рядом жены расплылся, распался на отдельные фрагменты. В нем больше не было ничего человеческого – просто набор линий, изгибов, выпуклостей и впадин.

– Я жду. – Голос Сирила подстегнул, взбодрил, в нем чувствовался звон ручья, а значит – спасение.



– Что с тобой? Тебе плохо? – спросила Арина, но Кельман услышал лишь какое-то невнятное скрежетание.

Он вскинул руку с ножом и несколько раз ударил жену – в грудь, в живот, в горло. Она закричала, и в этом крике было больше недоумения и обиды, чем боли.

Вокруг Кельмана пылала пустота. Он был один среди языков пламени, среди дышащих жаром печей и труб. Искрящаяся, волшебная влага была здесь, рядом, надо было лишь пробиться к ней сквозь что-то чужое, ненужное, мешающее. Когда Арина упала на землю, перед ним открылся светящийся коридор, в конце которого его ждал источник. Опустившись на колени, Кельман благоговейно коснулся синей холодной поверхности. Он пил и чувствовал, как меняется вкус воды, как она становится все более пресной, как уходит из нее особая, колдовская свежесть.

– Ну, хватит уже, – недовольно сказал Сирил, хлопнув его по плечу. – А то лопнешь.

Кельман поднялся, сделал несколько шагов и замер. Перед ним, на мокрой от крови каменной плитке, лежала Арина. Она была еще жива, и легкие, почти неощутимые мысли кружились в ее голове. Но Кельман увидел другое – прозрачную жемчужную пленку-кокон, охватывающую все ее худое, нескладное тело. Кокон покрывали хитрые письмена и рисунки.

– Наставница, – прошептал Кельман непослушными губами. – Ее дар был – учить детей.

Он беспомощно огляделся и заметил, что такое же перламутровое сияние окружает и его самого, и пробегавшего невдалеке мальчишку.

– Читающий по звездам...

Кельман не мог как следует рассмотреть знаки у себя на груди, но знал, что они один в один совпадают со сложной вязью зигзагов и дуг на коконе Сирила.

– А ты... А мы... – Кельман вдруг заметил, что длинноносый смотрит на него с дружеским, почти родственным пониманием и сочувствием.

Его глаза больше не казались стеклянными, они были живыми, ясными, излучали тепло и свет.

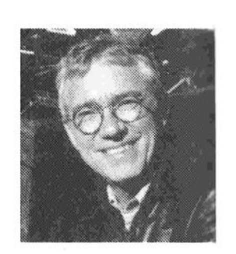
– Пойдем, брат. Пора. Дор-Сур успокоился, и нам здесь больше нечего делать, – сказал он, указывая на притихший вулкан.

– Но куда?

Сирил пожал плечами.

– К Хохочущему водопаду. Или к устью Кар-реки. Вдвоем нам под силу многое.

Руди Рюкер



БАЙКИ ПРО ГУДИНИ

Американца Руди Рюкера (род. 1946) у нас традиционно числят по ведомству киберпанка. С одной стороны, это справедливо, поскольку его перу принадлежит киберпанковская тетралогия «...ware» (первые два романа — «Software» и «Wetware» — должны вот-вот выйти в издательстве «АСТ» под устрашающими названиями «Софтуха.exe» и «Мокруха.exe»). С другой стороны, сам Рюкер всегда рассматривал свое творчество как некую альтернативу киберпанку и даже придумал для него специальный термин — «трансреализм». Суть новоявленного метода состояла в том, чтобы писать о реальной жизни с помощью фантастических приемов. Забавно, что несколько лет спустя в российской фантастике появилось понятие «турбореализм», которое расшифровывалось примерно так же... Рассказ «Байки про Гудини», пожалуй, можно считать ярким примером «трансреалистической» прозы. А если у кого-то из уважаемых читателей возникнет вопрос о доле собственно фантастического в рассказе, тому можно напомнить, что в нашей с вами реальности великий иллюзионист, мастер побегов из замкнутых помещений Гарри Гудини скончался в 1926 году.

Гудини был на грани разорения. Его цирк-водевиль закрылся, его городской театр близок к смерти. Предложение от Мэла Рабштейна из «Патэ Ньюс» поступило как раз вовремя.

– Аванс два куска – за три выступления.

– Я ваш.

Идея сводилась к следующему: католический священник, раввин и мировой судья должны все время присутствовать в кадре вместе с Гу-

---

«Tales of Houdini» by Rudy Rucker



дини. Каждый трюк – от начала до конца – снимается на пленку, при этом используется последовательный метод Лоэ. Особым условием была спонтанность побега, отсутствие предварительной подготовки – Гудини ничего не должен знать о готовящихся трюках.

Операция началась в четыре часа утра 8 июля 1948 года. Участники врываются в дом Гудини в Левингстоне. Гудини живет там со своей матерью-калекой. Католический священник и раввин плечом к плечу вышибают дверь. Следует наезд на их бегущие черные ботинки на толстых подошвах. Освещение сначала очень неважное, но после вспыхивает переносной софит. Картинка движется рывками, дергается, ясно, что оператор бежит следом за основными участниками. Ни у кого не возникает сомнений в достоверности и неподдельности съемки.

Судья держит в руках жестяную банку с расплавленным воском, которым – при помощи раввина и священника – запечатываются глаза, уши и ноздри Гудини. Смуглое лицо мистериозо обработано прежде, чем тот успевает проснуться, – тем самым предотвращены попытки к сопротивлению, и вот он уже лежит – расслабленный и полностью покорившийся похитителям. Гудини готов. Участники оборачивают его бандажами Айса и стягивают полосами медицинского пластыря, превратив в мумию, в сигару «Белый орел».

Эдди Мачотка, штатный оператор «Патэ», с целью сокращения просмотрового времени по пути к взлетному полю использует стробоскопическую съемку. Камера делает один кадр в десять секунд, в результате получасовой переезд занимает всего две с половиной минуты на экране. В кабине темно, камера расположена под плохим углом, но все по-прежнему выглядит очень убедительно. Ясно, что это не монтаж. На коленях священника, раввина и судьи, расположившихся на заднем сиденье «паккарда», лежит похожий на батон белого хлеба Гудини, изображение которого время от времени чуть дергается из-за смещения камеры.

Машина выруливает прямо на взлетную полосу и останавливается под открытым бомболюком Б-15. Эдди выбирается на бетон полосы первым и тщательно фиксирует на пленку трех неподкупных свидетелей, извлекающих Гудини из кабины «паккарда». Затем план смещается так, что вместе с ними в кадре появляется самолет. На носу аэроплана намалевано его имя – «Грязная Леди».

«Грязная Леди»! Это вам не какой-то там кукурузник, ненадолго отвлекшийся от опрыскивания посевов, с резервистом Первой мировой за штурвалом; это сам папаша Джонни Галлио на своей Небесной Голубке, а с ним его Летучая Команда экстра-класса! О пощаде не мечтайте! Джонни Галлио, прославленный ас тихоокеанских фронтов Второй



мировой, с ним его верный штурман Джонс Лысая Покрышка и второй пилот Нытик Макс Московиц – ни больше, ни меньше!

Джонни Г. сдвигает кокпит и спрыгивает на бетон, не слишком торопливо, но и не слишком медленно, а просто вальяжно – он крутой парень, этот Джонни Летная Куртка. Нытик Макс и Лысая Покрышка свешивают головы из открытого бомболюка – они скалят зубы и готовы начать потеху.

Мировой судья достает из жилетки карманный хронометр с репетиром. Камера делает наезд: 4:30, – и снова берет крупный план: на западе небо уже розовеет.

А что Гудини? Его подвешивают к бомбодержателю в утробе «Грязной Леди», но он не может ничего об этом знать. Он ничего не видит, ничего не слышит и ничего не чует. Однако он тих и спокоен, он доволен тем, что съемкой документирован каждый шаг, что любой желающий увидит, насколько все *правдиво*.

Все забираются в бомбардировщик. Когда доходит очередь до Эдди, картинка начинает ужасно скакать и переворачиваться. Потом оператор показывает нам Гудини, длинного и белого червяка, личинку неизвестного науке насекомого, которая наконец начинает проявлять первые признаки беспокойства. Она извивается, но крепление бомбодержателя цепко ее держит. Нытик Макс, похожий на огромного рабочего муравья, с усмешкой склоняется над Гудини.

Джонни Г. запускает двигатели, которые, прокашлявшись, начинают гудеть ровно и мощно. Католический священник и раввин сидят на низкой скамье и о чем-то толкуют: черные одежды, бледные лица, серые зубы.

– У вас найдется что-нибудь перекусить? – спрашивает священник.

Католик – плечистый молодой блондин. Кажется, что под его сутаной скрывается одна из горгулий Нотр-Дама.

Раввин невысокого роста, в черной ермолке и с тощей бородкой. У него рот Франца Кафки, губы дрожат и кривятся, словно от тика, он часто показывает зубы.

– Насколько я понял, после возвращения нам в терминале накроют завтрак.

Священнику за все про все заплатили две сотни, раввин получил триста. У него более известное имя. Если побег пройдет благополучно, то они примут участие и в следующих представлениях в качестве свидетелей. Это им обещано.

«Грязная Леди» не слишком велика, и куда бы ни смотрела камера Эдди, белый кокон Гудини или хотя бы его часть всегда находится в кадре. Впереди, над креслом пилота, виден профиль Джонни Г., симпа-



тяги Джонни, который сейчас выглядит не лучшим образом. Его верхняя губа усеяна каплями пота – результат похмелья. Переход к мирному времени дается Джонни тяжело.

– Поднимай малютку вверх по спирали, – негромко напутствует Джонни Лысая Покрышка. – Знаешь диванную пружину, Джонни? Вот так.

В квадратном иллюминаторе видно, как горизонт наклоняется и начинает медленно скользить по кругу. Так продолжается до тех пор, пока бомбардировщик не достигает белого облачного одеяла и мир не скрывается в тумане. Макс следит за альтиметром, время от времени оглядываясь на камеру и весело скаля зубы. Они вырываются из молочного марева, и яркий солнечный свет заливает раскинувшуюся во все стороны бескрайнюю облачную страну – Джонни правит прямо на солнце... если его не остановить, он будет поднимать свою железную птицу все выше и выше... но они набрали уже достаточную высоту.

– Приготовиться к бомбометанию! – кричит Лысая Покрышка. Католический священник осеняет себя крестным знамением. – Огонь!

Нытик Макс дергает рычаг бомбосброса. Крупный план: белая гусеница Гудини в похожем на гроб бомбодержателе. Распахивается люк, и чуть согнутый белый огурец начинает медленно падать вниз, в облака. Но вот поток воздуха подхватывает один его конец, и белый червяк начинает крутиться, вся быстрее и быстрее, – на фоне яркобелых в солнечном свете клубов небесного пара он кажется почти серым.

Эдди удерживает Гудини в кадре, пока это возможно. Мастер побегов несется навстречу плотным округлым облакам, похожим на сваленные кучей куриные яйца. Внезапно Гудини начинает освобождаться от пут. Можно видеть, как полоса бандажа трепещет в потоке воздуха и тянется за ним длинным вымпелом, но вот – хлоп! – Гудини исчезает в облаке.

Бомболюк закрывается, и камера возвращается к тем, кто находится внутри бомбардировщика. Эдди и звукооператор обходят присутствующих, интересуясь их мнением по поводу того, удастся ли Гудини выбраться на этот раз.

– Уверен, что да, – первым отвечает раввин.

– Понятия не имею, – отзывается католик, уже мечтающий о завтраке.

– Не представляю, как он сможет теперь спастись, – это Нытик Макс. – По идее, ему предстоит врезаться в землю на скорости две сотни миль в час.



– Всем нам когда-то приходится умирать, – таково мнение Джонни Г.

– На его месте я попытался бы устроить из бандажей ленточный парашют и тормозить им, – Лысая Покрышка.

– Это невероятно, – мировой судья.

К тому времени, когда «Грязная Леди» возвращается на аэродром, из облаков начинает сеять мелкий дождь и широкие покрышки шасси уже разбрызгивают лужи. Первым выбирается Эдди и снимает высадку участников и их шествие к небольшому терминалу, где нет совершенно никого, кроме...

В дальнем углу зала ожидания спиной к вошедшим стоит человек в пижаме и увлеченно гоняет шарик в автомате с пинболом. Он курит сигару. Кто-то окликает его, и он поворачивается. Гудини.

Где бы Гудини ни устраивал свои трюки, его везде сопровождает престарелая мать. Злые языки утверждают, что она любит наблюдать за ловкими проделками сына. Однако на этот раз на пожилой леди лица нет, из ее глаз текут слезы, седые волосы всклокочены. Очень много их рассыпано по полу вокруг инвалидного кресла-каталки.

По возвращении домой Гудини немедленно падает на колени и молит мать до тех пор, пока не получает от нее разрешения продолжить съемку фильма. Рабштейн из «Патэ» уверяет, что для полноты картины не хватает еще пары трюков.

– А уж затем – никакой магии! – торжественно клянется Гудини. – Я присмотрел магазинчик музыкальных товаров – денег хватит.

– Мой мальчик...

Следующий побег должен состояться в окрестностях Сиэтла, куда Гудини и его мать доставляют самолетом. Рабштейн особенно настаивает на том, чтобы в съемки самого Гудини вставлять кадры с реакцией его матери. Они селятся в уединенном домике на окраине города, детали предстоящего трюка им неизвестны.

Пока идет подготовка, Эдди Мачотка документирует долгие прогулки сына и матери возле бесконечных доков Сиэтла. Гудини ест в ресторанчике крабов. Его мать покупает шляпку с вуалью. Гудини помогает матери надеть парик.

Четыре молчаливые фигуры в черных прорезиненных плащах выбираются из причалившего близ домика Гудини рыбацкого бота. Гудини не может не слышать их тихих шагов, но не удостаивает их даже поворотом головы, он само спокойствие и уверенность. И вот четверка уже рядом с ним: это католический священник, раввин, мировой судья, а



кроме того, на сей раз с ними еще и врач – похоже, это доктор Рэкс Морган собственной персоной.

Когда доктор Морган достает шприц, пожилая леди начинает пронзительно кричать и не умолкает все время, пока врач погружает Гудини в сон уколом пентотала натрия. Великий мастер побегов не оказывает ни малейшего сопротивления, он покорно следит за происходящим, и улыбка не сходит с его губ даже тогда, когда он наконец теряет сознание. Пожилая леди бьет врача сумочкой, потом раввин и священник поднимают ее на руки и переносят в рыбацкий бот. Возвратившись, они помогают доктору и судье отнести в бот Гудини.

В боте за штурвалом мы видим Джонни Г., его Летучая Команда снова в сборе. Ас Джонни может летать на чем угодно, даже на рыбацких ботах. Глаза его налиты кровью, ему определенно не по себе, но с помощью верного штурмана Лысой Покрышки ему удается выйти из гавани и войти в реку, по которой производится лесосплав. Все это занимает целых два часа, которые стараниями Эдди ужимаются в десяток минут... Гудини спокойно лежит внутри половинки распиленного вдоль и выдолбленного бревна и спит сном праведника – время от времени врач вкалывает ему очередную дозу.

Рыбацкий бот направляется к запруде перед лесопилкой, где плавает с дюжину сосновых стволов. У Нытика Макса и судьи уже готово ведерко с гипсом, которым они принимаются сначала запечатывать все лицевые отверстия Гудини, предварительно вставив ему в рот дыхательную трубку, а потом и полностью заливать его внутри выдолбленного бревна. Рядом лежит вторая половинка бревна, которой они накрывают Гудини, – торчащая наружу дыхательная трубка замаскирована под сучок. До самого конца операции Гудини так и не приходит в сознание, он накрепко залит быстросхватывающимся гипсом и напоминает мертвого червя. Поднатужившись, раввин, католический священник, мировой судья и доктор Морган вываливают начиненный чурбан за борт.

Слышен плеск, чурбан с Гудини погружается в воду и через несколько секунд всплывает где-то среди своих ожидающих распилки братьев-близнецов. Всего в запруде теперь десять одинаковых бревен, и внутри какого из них находится Гудини, сказать невозможно. Лесопилка запускается, пила гудит, и зубцы конвейера подхватывают первое бревно.

Камера показывает крутящиеся перед входным раструбом бревна, на заднем плане видна мать Гудини, рвущая волосы на своем парике. Раздается душераздирающее ВВЖЖЖААААЗЗЗЗСС! – первое бревно проходит через пилу. Камера поворачивается, и все видят, как две



половинки только что распиленного поперек бревна утягиваются по направляющим куда-то за бешено вращающийся диск пилы.

ВВЖЖЖАААА33333СС! ВВЖЖЖАААА33333СС! ВВЖЖЖАААА33333СС! От конвейера летят струи опилок. Один за другим бревна цепляются зубцами и затягиваются под пилу. Хочется отвести глаза и не смотреть, но нет сил... вот-вот брызнет кровь и во все стороны полетит полупереваренная пища. ВВЖЖЖАААА33333СС!

Джонни Г. отпивает глоток чего-то укрепляющего из своей плоской серебряной фляжки. Его губы неслышно шевелятся. Что он шепчет? Шлет проклятия? Молится? ВВЖЖЖАААА33333СС! Лошадиное лицо Нытика Макса покрыто бисеринами пота, он на пределе, его улыбка застыла как приклеенная. На затылке парика матери Гудини уже видна волосяная сетка. У Лысой Покрышки глаза лезут из орбит – они огромные и белые, как вареные яйца. Он подкрепляет свой дух из фляжки Джонни. ВВЖЖЖАААА33333СС! Католический священник утирает платком лоб, раввин... ВВЖЖХХАКККЧУХХФЕЕ!

Из-под циркулярной пилы, занимающейся девятым бревном, летит белая гипсовая пыль. Бревно распадается на две половинки, но внутри никакого Гудини нет. Выдолбленное бревно пусто! Присутствующие торопливо выбираются из бота, лезут на причал лесопилки, камера мечется во все стороны, ищет великого мага. Где же Гудини?

Среди возбужденных выкриков и призывов вдруг становится слышна песенка, доносящаяся из музыкального автомата в кафетерии лесопилки. «Сестры Эндрю». В кафетерии, весь перепачканный гипсом, за столиком сидит Гудини. Он в такт музыке пристукивает носком туфли и жует чизбургер.

– Последний побег, – обещает Гудини. – Последний раз, и мы покупаем музыкальный магазинчик.

– Я так боюсь за тебя, Гарри, – отвечает ему снова полысевшая мать. – Что они устроят теперь, ты ведь даже не представляешь. Хотя бы малейший намек.

– На этот раз они намекнули мне – послали вот этот кусок пирога с начинкой. Мы завтра летим в Неваду.

– Надеюсь, ты будешь держаться подальше от этих девиц из варьете...

Снова мы видим католического священника, раввина, доктора Моргана и мирового судью, но теперь к ним присоединился мужчина средних лет в очках – судя по всему, типичный ученый. Они находятся в мрачном помещении с бетонными стенами, низким бетонным по-



толком и щелями вместо окон. Гудини в черном резиновом аквалангистском костюме сидит на стуле и развлекает всех карточными фокусами.

Ученый, определенно почитатель безвременно усопшего Альберта Эйнштейна, снимает телефонную трубку и после коротких переговоров кивает врачу. Доктор Морган мило улыбается в камеру, после чего надевает на Гудини наручники и помогает ему опуститься в вертикальный цилиндрический бак с водой. Включается холодильная установка, и довольно скоро Гудини оказывается замороженным внутри монолитного куска льда – вот вам и пирог с начинкой.

Священник и раввин открывают замки на стенках бака и разводят стенки в стороны – Гудини-взрыватель скован внутри огромной ледяной ручной гранатой, из которой торчит только его голова – спусковое кольцо. Снаружи их ожидает грузовик с гидравлическим подъемником, а также Джонни Г. и его Летучая Команда – общими усилиями они грузят Гудини в кузов. Лед, которому не следует таять под жарким солнцем пустыни, предусмотрительно оборачивается слоями утеплителя.

Две мили через пустыню, и наконец впереди появляется испытательная башня-шпиль со специальным отсеком на самой вершине. Две мили – положенное расстояние при испытании атомной бомбы, которое должно состояться сегодня в Богом забытом уголке пустыни Невада. Вместе с Летучей Командой в грузовике также Эдди Мачотка.

Панорама со стройной испытательной вышкой, у которой непристойное вздутие на самой вершине – там скрыта готовая к взрыву бомба. Одному Господу известно, за какие тайные нити пришлось потянуть Рабштейну, чтобы устроить для «Патэ» такое испытание.

Прямо под треножником башни в земле, на отметке «ноль», вырыта цилиндрическая яма с ровными краями, куда с великой осторожностью опускают кусок льда, в который вморожен Гудини. Над землей остается видна только его голова, напоминающая сейчас улыбающийся кактус-пейотль. Участники усаживаются в грузовик и на всех парах мчатся обратно к бункеру.

Эдди снимает все от начала до конца, без каких-либо сокращений. В бункере, разумеется, находится и мать Гудини, руки которой опять в волосах, выдранных из парика. Ученый протягивает старухе игральную кость.

– Мы решили дать ему шанс, миссис: команда на взрыв будет отдана только тогда, когда вы выкинете «змеиные глаза». Два очка – понимаете?

Камера показывает крупным планом лицо пожилой леди, в глазах



которой застыло отчаяние. Она медленно-медленно трясет кость в кулаке и бросает ее на пол.

Змеиные глаза!

Прежде чем кто-то успевает что-нибудь сказать, ученый нажимает на кнопку – на его лице безмятежное и отстраненное выражение. И тут же в бункер врывается поток режущего света – все черное в этом свете превращается в серое. Вслед за адской вспышкой приходит ударная волна, и мировой судья валится на пол – с ним что-то случилось, возможно, сердечный приступ. Ужасающий рев раздирает воздух. Изрезанные четкими тенями лица участников видны под разными ракурсами.

Грохот взрыва стихает, и все слышат, как снаружи кто-то весело насвистывает мотивчик из варьете!

Все бросаются к двери, побледневший ученый бежит первым. Он отпирает дверь, распахивает ее настежь и выбирается наружу, за ним толпятся остальные – Эдди снимает поверх голов.

Это *Гудини*! Да, это он! Он в белом комбинезоне, он обнимает за талии двух полногрудых девиц из пип-шоу!

– Давайте мои деньги! – кричит он. – Я ухожу на пенсию!

Перевод Бориса Кадникова и Олега Колесникова

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ



Андрей Плеханов:

«Заставляю читателя поработать головой»



Нижегородский фантаст, врач по профессии Андрей Плеханов начал свою литературную карьеру с получения премии «Старт» за роман «Бессмертный». Этот роман оказался первым в пенталогии о Демиде Коробове — нашем современнике, который неожиданно для себя оказался обладателем сверхъестественных способностей, а потому обязан спасать человечество. Любители фантастики уже отчаялись ждать от Плеханова чего-то иного, как вдруг, словно гром среди ясного неба, появляется роман «Сверхдержава» — утопическое (и антиутопическое!) повествование о грядущем процветании России. А за ним выходит «Слепое пятно», которое сам автор считает «психиатрической новеллой», хотя и допускает, что другие назовут эту книгу «сплавом геймерского романа, альтернативной истории и криминального экшна». Кажется, самое время побеседовать с Андреем Плехановым о жизни и о литературе...

— Что заставляет преуспевающего врача тратить время на сочинение фантастических книг?

— Когда я начал писать свой первый роман, я не подозревал, что это фантастика. Писал я и раньше, с младых, так сказать, ногтей — преимущественно стихи или короткие скетчи для нижегородских кавээновских команд. О фантастике имел очень приблизительное представление, предпочитал откровенный мэйнстрим (придется признаться: и сейчас его предпочитаю). Году этак в 1993-м меня почему-то основательно за-

цепила зарубежная мистика, тогда она только начала у нас издаваться — Мерридит, Херберт, коряво переведенный Лавкрафт, немножко Маккаммона и Кунца. И тогда же у меня на работе появился первый компьютер — допотопный «Роботрон». Все это способствовало тому, чтобы попытаться создать некий мистико-приключенческий текст собственноручно. Чем я и занялся. Помню, когда я в первый раз читал собственный рассказ, распечатанный на принтере, едва не плакал от умиления: неужели я это сделал? Рассказ прочла моя жена — сказала, что дрянь. Потом прочел мой друг — сказал, что дерьмо. После этого я остыл и понял, что писать нужно не только хотеть, но и уметь.

Почему в течение следующих двух лет я так упорно пытался вникнуть в науку словописания? Сам не знаю. Как врач я становился все более успешным — появились деньги, машина, квартира... следующая машина... съездил за границу... Но все это было лишь внешней атрибутикой. Мне органически не хватало чего-то иного. Я искал свою личную кислородную отдушину. Я писал, писал... Марал бумагу. Полтонны бумаги, исписанной корявым докторским почерком или распечатанной на матричном принтере.

Я начал читать — так много, как не читал никогда раньше. И вдруг обнаружил, что могу отличать хороший текст от плохого, более того — литературу от нелитературы, не важно, к какому жанру это относится. У меня обнаружился слух, но по-прежнему отсутствовал голос. Над голосом я продолжал работать. Я мечтал, что когда-нибудь научусь не фальшивить.

В то время у меня не было ни малейших амбиций. Я даже не писал — я учился. Поворачивал слова так и сяк, составлял из них предложения, строчки, абзацы. Экспериментировал. Чуть ли не каждую главу пытался написать в новом стиле — смотрелось эклектично, как одеяло, сшитое из разноцветных лоскутков, но это было интересно. Я учился. У меня не было обязательств ни перед издателями, ни даже перед читателями. Потому что не было их тогда — читателей. И не предполагалось, что они когда-нибудь появятся.

Книжки мои в самиздатовском варианте ходили по Нижнему Новгороду. И когда я уже заканчивал третий роман, кто-то сказал, что это можно напечатать. Началась морока с издательствами — годика этак на полтора. Издали. И тут-то ко мне приходит письмо от Игоря Георгиевича Халымбаджи, а там написано, что я получил приз «Старт» и должен приехать получить его в Екатеринбург.

Я приехал на «Аэлиту». Игоря Георгиевича, увы, в живых не застал: он умер днем раньше... И вот только там, на «Аэлите», я впервые узнал, что я — писатель-фантаст. И еще я узнал, как, ока-



зывается, это хорошо – быть писателем-фантастом. Правда, была тут одна неувязка: все люди, с которыми я на «Аэлите» встречался, знали о фантастике в миллион раз больше, чем я. Мне постоянно приходилось то отмалчиваться, то честно признаваться, что я в этом вопросе – полный тупица. Я даже не знал, что такое киберпанк. Василий Владимирский и Владислав Гончаров пытались мне это объяснить, но я все равно не понял.

Когда я вернулся в Нижний, немедленно принялся за самообразование. Теперь, через три года, пожалуй, могу сказать, что разбираюсь в вопросах фантастической литературы более или менее прилично. Это абсолютно необходимо, если ты работаешь в жанре. Да и признаюсь честно, НФ я полюбил – не только писать, но и читать. И что такое киберпанк, я теперь знаю.

— Как вам удается находить время для медицины (вы ведь в 2000 году кандидатскую диссертацию защитили, статьи научные пишете о пластической хирургии молочной железы) и для литературы?

– Очень просто. Писать я могу только с утра и потому сочиняю книги только по выходным и иногда в отпуске. Остальные пять дней в неделю работаю врачом. Работа интенсивная, начисто вышибает мысли о книгах, но это даже хорошо: за неделю голова проветривается и пишется неплохо. Общий результат – по одному роману в год плюс несколько рассказов или повесть. Хотелось бы писать еще медленнее, но издательство не позволит. Главное, сами понимаете, не количество...

А научную работу я послал подальше сразу же, как только защитил кандидатскую, – ни одной статьи больше не написал, как ни просили. Тут уж пришлось выбирать всерьез – две такие ноши я точно бы не потянул, за полгода спекся бы. Выбрал фантастику...

— На своем сайте (http://www.svenlib.sandy.ru/plekhanov) вы пишете о том, что почти закончили второй том романа «Слепое пятно», который называется «Перезагрузка». А что еще в ближайших планах?

– Думаю, полгодика нужно отдохнуть от романов. Когда закончу «Перезагрузку», буду писать рассказы. Обещал их разным журналам – даже «Игромании». Идей полно, а до реализации руки не доходят. Еще хочется написать роман о любви – душевный, но в то же время не слезливый, не «мыльный», настоящий мужской. Опять же тянет к хулиганскому юмору – хотя, боюсь, целый юмористический роман не потяну. Хочется поработать с кем-нибудь в соавторстве – в качестве вероятной кандидатуры назову Юрия Бурносова, отличного писателя из Брянска (он же Джабба, он же половинка Бурцева). Может быть, Олега Дивова уломаю написать



что-нибудь вместе. Ну и, конечно, продолжу свои психотерапевтические изыскания — не знаю пока, в какой форме.

— Кстати, насчет психотерапии. Вам не кажется, что написание книг оказывает психотерапевтическое действие на самих авторов, излечивающихся таким образом от различных комплексов? Гипотетический читатель выступает как бы в роли психоаналитика...

— Вряд ли он может выступать в качестве психоаналитика — разве что обладает специальным образованием. Его роль другая: он реципиент (если воспринимает автора книги как донора) либо участник сеанса групповой психотерапии (если книга имеет основательно прописанную психологическую структуру). Причем члены этой группы — читатель, автор, а также все персонажи его книги, особенно главные. То, что при этом автор пытается решить свои внутренние проблемы за счет читателей, — вещь несомненная. Но то, что ему удастся их решить, — не факт, потому что обратная связь с читателем либо отсутствует, либо неадекватна. Насчет излечения от комплексов: думаю, что положительный клинический эффект для самого автора может проявиться только в том случае, когда его герои в конце концов расставляют точки над «i» и решают свои мудреные житейские проблемы. А книги с открытыми финалами часто свидетельствуют, что авторы их так и не могут преодолеть собственный душевный раздрай. По себе знаю, сам такой.

— Должна ли перед писателем-фантастом стоять какая-то сверхзадача? Вот вы, например, творите для собственного удовольствия или что-то хотите втолковать читателю, чему-то его научить, что-то до него донести?

— Донести хочу. Выкладываю перед ним плоды своей мозговой деятельности — бери, читай, разбирайся. Втолковать тоже пытаюсь — чего бы я стоил, если бы не мог внятно разъяснить то, что считаю необходимым сказать? А вот научить? Нет, пожалуй, такая задача передо мной не стоит. Человека нельзя научить ничему, если он сам не захочет. Если же у него появилось желание покопаться в моих слоистых залежах — может, он что-нибудь там и выкопает. Интересно, что выкапывают обычно совсем не то, что я имел в виду. Забавно, ей-богу, — услышать что-нибудь о сакральном подтексте какого-нибудь фрагмента. Но в любом случае это означает, что я заставил своего читателя поработать головой. Пожалуй, это и есть главная моя задача.

— А как обстоят дела на ниве фантастики в Нижнем Новгороде? Работает ли клуб «Параллакс»? Есть ли у вас в городе другие писатели-фантасты, кроме Андрея Плеханова?

— Писателей-фантастов немало. Самая известная — Наталья Ре-

занова, она получила приз «Старт» в 2000 году. Супружеская пара – Инна Кублицкая и Сергей Лифанов. В 1997-м они выпустили роман «Карми». С тех пор создано еще несколько романов, вполне вероятно, что скоро они будут напечатаны. Если увидите – рекомендую купить, произведения интересные и неординарные. Журналист и писатель Дмитрий Померанцев – один из трех китов всероссийского творческого объединения «Гиббоны», склонен к фантастическому постмодернизму. Дмитрий Гришанин пишет фэнтези, по стилю близкую к Максу Фраю. Писатели Дмитрий Казаков и Вадим Арчер – тоже нижегородцы. В Нижнем выходит два фэнзина – «Славная подруга» и «Арчет». Здесь же находится один из самых крупных сетевых фантастических ресурсов – «Библиотека Свенельда», на нем, кстати, расположен и мой сайт. В общем, нива фантастики в нашем городе плодоносит весьма обильно.

«Параллакс» – один из самых первых КЛФ в России, он был создан еще в 60-х годах. Сейчас временно закрыт на летний сезон, но входящие в него люди постоянно встречаются друг с другом. Нынешний президент «Параллакса» – Сергей Лифанов.

– Я знаю, что нижегородское издательство «Флокс» в свое время выпустило достаточно много фантастики (в том числе собрания сочинений Головачева, Михайлова, Савченко, целый ряд переводных сборников и авторских книг). Этого издательства сейчас нет в природе? Или оно теперь по-другому называется?

– Увы, такого издательства больше нет. Но люди, которые там работали, остались и продолжают работать в области фантастики. В частности, заместитель главного редактора «Флокса» Сергей Барсов открыл свое издательство – «Стеллариум». Кстати, он сделал предварительную редактуру моей последней книги, за что я ему очень благодарен.

– Провокационный вопрос: нет ли сожалений по поводу того, что вы живете не в столице, и не появляется ли желания перебраться, например, в Москву?

– Нижний – моя естественная среда обитания, здесь я чувствую себя, как рыба в воде. Не вижу необходимости менять свою воду на чужую, тем более на московскую. Нижний Новгород – большой город, третий в России после Москвы и Питера, и в нем есть все, что нужно для цивилизованной жизни. Мне кажется, Нижний уютнее Москвы. Москва пугает меня своим гигантизмом и чрезмерным количеством людей.

– Вы побывали на нескольких фантастических фестивалях («Аэлите», «Росконе», «Интерпрессконе»). Несколько слов в связи с этим.

– Конвенты – это среда, концентрированно состоящая из лю

дей, которые занимаются творческой деятельностью. Довольно специфическая среда, прямо скажем. Когда я в первый раз попал на конвент, то уже через несколько часов ошизел от разговоров о фантастике, обилия непонятных терминов, узконаправленной эрудиции. За несколько дней устал настолько, что потом не ездил на коны два года. А потом съездил на один конвент, на другой... Втянулся. Перезнакомился с большинством завсегдатаев, появилась своя хорошая компания. И через некоторое время обнаружил, что основательно подсел «на иглу» конов. Для писателя конвенты – один из способов реализации обратной связи, когда можно встретиться с людьми, которые прочли твои книги. Для многих начинающих – способ «засветиться», решить свои издательские проблемы. Но для меня это прежде всего общение с замечательными людьми.

— Отражают ли результаты конвентов (премии) действительное лицо современной фантастики (зачастую фамилии лауреатов премий одни, а фамилии авторов, чьи книги хорошо продаются, совсем другие)? Существует ли, по-вашему, это лицо?

– Лиц фантастики немало, но многие, очень даже неординарные, почти не имеют шансов отразиться в каком-либо из зеркал-конов. В номинациях они, конечно, засветятся, но дальше процесс не пойдет. Я совсем не хочу сказать, что премии получают писатели бездарные, варящие дешевую попсу. Наоборот. Те, кто «гонит» сотни мегабайтов псевдофантастической жвачки, как правило, даже в номинации не попадают. Я хочу сказать о другом. Конвент – это все же тусовка. Результат голосования определяется людьми, присутствующими на конвенте. И личные симпатии к конкретному человеку могут перевесить все литературные плюсы даже самого талантливого произведения автора, не адаптированного в фэндоме. Ничего ужасного, кстати, в этом факте нет – функционирует обычная иерархическая структура. Хочешь чего-то добиться – работай. Регулярно бывай на конвентах, пей водку (или апельсиновый сок – кому что нравится) с нужными людьми, поражай всех личным обаянием. Дари свои книги – постарайся, чтобы ко времени конвента их прочитали. И, конечно, не забывай писать более-менее прилично. Тогда, глядишь, со временем что-то и обломится...

— Что, совсем все плохо с фантастическими премиями?

– Да вовсе не плохо! Например, в этом году приз «Интерпресскона» получил Хольм ван Зайчик – это замечательно. Просто я хочу сказать, что нельзя относиться к результатам конвентов слишком серьезно.

Вопросы задавал
Владимир Ларионов



Рецензии

Подснежник, лилия и ноготки

Дяченко М., Дяченко С. Эмма и Сфинкс: Избранные произведения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 480 с. – (Нить времен). 8000 экз. (п)
ISBN 5-04-010006-X

Писать о книгах этого дуэта чрезвычайно тяжело. Тяжело потому, что уже вроде бы ничего не сможешь добавить ко всему сказанному о творчестве Дяченко до тебя. Все и без того знают, что супруги-соавторы из Киева – это мастера слова, мастера жанра, создатели настроения и миров. Оттого и ответственность большая лежит на человеке, берущемся рецензировать новую книгу Марины и Сергея. Поневоле вступаешь с ними как бы в соперничество или в сотворчество, разъясняя кому-то (едва ли не в первую очередь самому себе), о чем и о ком это сочинение.

С налету, с кондачка разъяснить в данном случае не получится. Это более-менее легко сделать, если речь идет о цельном по своей структуре произведении. Например, о романе. «Эмма и Сфинкс» – не роман, а сборник повестей и рассказов. Разноплановых, неоднородных по жанру и исполнению. Можно сравнить эту книгу с букетом цветов. Не оранжерейных, не тепличных, а остро пахнущих полевых, где каждый цветок имеет свой неповторимый аромат, а все вместе они создают яркую и пеструю гамму цветовых, обонятельных и нервных раздражителей, будоражащих душу и воображение.



Зимняя сказка «Эмма и Сфинкс» напоминает подснежник. Рос, рос себе под белым покрывалом, а припекло солнышко, и он порывисто устремился навстречу теплу, свету, обновлению. Так и главная героиня повести, казалось бы, навечно закостеневшая в своем маленьком театральном мирке, вдруг понимает что-то важное, сокровенное и делает решительный шаг к новой жизни. Повесть «Кон» схожа с печально звучащим лиловым колокольчиком. Не потому ли, что тот ассоциируется все с тем же театром? Пока не прозвучит третий звонок, можно еще отступить, сдаться. Поединок Человека и Искусства, Нового и Традиции...

Вообще же, проблема компромисса занимает центральное место в новой книге Дяченко. Не о том ли «Хозяин Колодцев», похожий на белую лилию – символ королевской власти и чистоты? Ну, что стоило Юстину пойти на сделку с Осом, приняв в душу маленький красный флажок? Ведь это всего лишь условность, игра. И тогда он стал бы князем, а не разбойником, соединился бы с любимой. Но утратил бы при этом цельность собственной натуры... Или герой «Демографии» Леша. Согласись он с разумными доводами Анюты, был бы у него дом, достаток, престижная работа. Но *«детей нельзя ставить на конвейер, дети – не промышленный товар»*. А принцесса Аллисандра из рассказа-ромашки (любит – не любит, вспомнит – не вспомнит) «Я женюсь на лучшей девушке королевства»? Смири гордыню, откройся королю Темрану. Все пойдет не так, возможно, возвратится на круги своя. *«Но расписан распорядок действий»*, а игра есть игра. *«Дойди до финиша хоть пешком»*.

Цикл-венок из одуванчиков (самые веселые, ярко-желтые, как солнышко, и в то же время самые печальные, седые, как старец, цветы) «Год черной лошади». Исполнение желаний и несбывшиеся надежды, уход и возвращение... И в самом конце – веселые и беззаботные малыши-ноготки «Сказки для Стаски». Как символ завтрашнего дня, грядущего, которое должно быть светлым и радостным, а не печальным.

Игорь Черный

«Магический реализм», русская версия

Крусанов П. Бом-бом: Роман. – СПб.: Амфора, 2002. – 270 с. 3000 экз. (п) ISBN 5-94278-278-4

Знак времени: в нежанровых сериях выходит все больше книг с отчетливо фантастическим сюжетообразующим элементом. Полки книжных магазинов уставлены произведениями авторов, работающих в пограничной области, – от Жозе Сарамаго до Милорада Павича, от Михаила Веллера до Евгения Витковского. Издательство «Амфора», несколько лет назад открывшее широкой аудитории Павла Крусанова, одним из первых сделало сознательный выбор в пользу «магического реализма». Роман «Укус ангела» имел успех стремительный и неожиданно шумный. Крусанов угодил сразу в несколько болевых точек, заставив говорить о себе представителей самых разных литературных кругов. Подобный успех непросто повторить: следующие книги питерского писателя (в основном – переработанные версии ранних произведений) были встречены публикой довольно вяло. И только роман «Бом-бом» – первая по-настоящему новая



вещь Крусанова за последние два года – вновь сумела поколебать равновесие.

За прошедшее время ситуация в литературе кардинальным образом изменилась, но автор «Укуса ангела» и «Бом-бома» не спешит *«задрав штаны, бежать за комсомолом»*. Между этими произведениями немало общего. Если «Укус ангела» можно с полным правом отнести к жанру «альтернативной истории», то в новом романе Крусанов тяготеет к смежному направлению – «криптоистории». Перед читателем проходит цепь поколений князей Норушкиных, предающих из рук в руки имение в деревне Сторожиха, населенной нелюдимыми крестьянами с фамилиями Карауловы и Обережные. Именно здесь, в прекрасном захолустье, среди одуванчиков и иван-чая, а не в московских теремах или в холодных петербургских дворцах, куется подлинная история России. Из *«чертовой башни»*, утопленной глубоко в недра земли, льется над родиной в тяжелую годину колокольный звон, пробуждая дремавший до поры народный гнев. Только представитель древнего рода Норушкиных вправе стронуть *«мистические рычаги истории»* и разбудить колокол, зовущий Русь к топору. Если же в башню сумеет пробраться враг, неисчислимые беды обрушатся на наши головы...



Ткань романа сплетается из разрозненных биографий нескольких князей Норушкиных, несущих свой крест с большей или меньшей долей ответственности. Разбить Золотую Орду, остановить польскую интервенцию, повернуть вспять войска Наполеона... В общий ритм укладываются и отступления с подробным описанием вечеров, проведенных Андреем Норушкиным, нашим современником, в «Либерии» в компании Секацкого и Коровина, Григорьева и Левкина. Реальные представители петербургской литературно-художественной богемы легко уживаются с оборотнями и демонами, вьющими сложный клубок интриг вокруг нового хозяина Сторожихи.

Одна из фирменных крусановских «фишек», позволяющих безошибочно опознать любой вышедший из-под его пера текст, – гибкий, наполненный парадоксальными метафорами язык. Но этим писатель не ограничивается. Походя, между делом он демонстрирует эрудицию в самых неожиданных областях – от переплетного ремесла до древнеегипетской истории. «Бом-бом» легче расчленить на составные элементы, чем «Укус ангела», благо автор сам охотно трактует сложную символику, таящуюся в подтексте. Но, честно говоря, размашистость и кажущаяся простодушность этой книги

милее мне отточенной «сделанности» предыдущего романа Крусанова. В новом произведении гораздо меньше эпатажа, той скандальной сенсационности, которая многих неприятно задела в «Укусе...» (хотя многих других, наоборот, привлекла). Патриотизм без кликушества, романтика без подвоха. Русская версия «магического реализма» – именно то, что доктор прописал.

Василий Владимирский

Из Междуречья – в царство машин

Фантастика-2002: Вып. 2 / Сост. Н.Науменко. – М.: АСТ, 2002. – 534 с. – (Звездный лабиринт). 15 000 экз. (п) ISBN 5-17-014022-3

Видимо, нынешний год более урожаен на фантастические произведения короткой формы, нежели два предшествующих. А может быть, повлияла юбилейная дата. Ведь именно в 1962-м в издательстве «Молодая гвардия» вышел первый сборник, получивший название «Фантастика, 1962 год». Во всяком случае, после того, как издательство «АСТ» воскресило традицию издания таких сборников, в 2000-м и 2001-м напечатано по одному тому. А вот в этом году сначала появился выпуск первый, теперь вот издали второй, а осенью должен выйти третий.

Из повестей, включенных во второй выпуск, выделяется «Мятежное семя» Д.Володихина. Это произведение, находящееся на стыке жанров – исторической прозы и фэнтези, подкупает прежде всего детальной проработкой воссозданного автором мира, о котором мы, несмотря на все усилия археологов, по-прежнему знаем немного. Однако Володихин настолько умело изображает психологию жителей Древнего Междуречья, что забываешь о простом факте: перед нами реконструкция, подобная воссозданию тираннозавра по двум сохранившимся косточкам из его хвоста. Удивительно органичен оказывается и фэнтезийный элемент: появление шумерских богов не выглядит нарочитым, искусственным.

Две другие повести более традиционны, хотя и небезынтересны. «Курьер» И.Борисенко – это фантастический мини-боевик, главный герой которого пойман в ловушку виртуальной реальности. В.Мидянин в повести «Ястреб и Скорпион» рассказывает о судьбе *«космического охотника»* Лафаржа. Увы, иногда автору изменяет чувство языка. Его герои сбиваются на высокопарный штиль, который был хорош для книжек Карла Мая, но никак не подходит для современной повести об отдаленном будущем.

Среди напечатанных в сборнике рассказов внимание читателей, конечно же, привлекут юмористические новеллы признанных мастеров –



С.Лукьяненко, Е.Лукина и Ю.Буркина. Тех, кого измучила назойливая телевизионная реклама никому не нужных вещей, думаю, особенно развеселит рассказ Лукьяненко «Если сегодня». Саркастические тексты Л.Кудрявцева и Д.Скирюка заставляют вспомнить о старой теме советской фантастики (психология потребительства), которая решена уже на новом материале. А.Калугин в рассказе «Больше хороших новостей», используя минимальное НФ-допущение, показывает невеселую жизнь российских стариков.

Наиболее мрачными новеллами в сборнике оказались «Власть цифры» С.Герасимова и «Быть проще» А.Громова. Но если Громов остался верен традиционному для него пессимистическому взгляду на сущность человека и человечества, то внешне жутковатый рассказ Герасимова, наоборот, оказывается вполне оптимистичным. Изображенному автором жестокому царству машин так и не удается прикончить самое важное, что есть у человека, – его бессмертную душу.

Особо хотелось бы выделить изящный рассказ Л.Каганова «Эпос хищника». Автор поставил перед собой одну из сложнейших (и порядком подзабытых) в современной НФ задач – показать особенности психологии нескольких разумных рас. А вариативная концовка заставляет читателя задуматься над вопросом: «А как бы я поступил на месте героя?»



В разделе, иронически названном «Романы», опубликованы «псевдорецензии» на книги несуществующего издательства «Новая космогония», появлявшиеся на страницах журнала «Если» в течение 2001 года. Я, может быть, необъективен по отношению к жанру «псевдорецензий», но считаю его очень плодотворным. Во всяком случае, своими шедеврами в этом жанре отметились такие классики литературы, как Х.Л.Борхес и С.Лем. Подозреваю, что идеи, выдвинутые некоторыми авторами «Если», показались бы любопытными и великому аргентинцу, и прославленному поляку.

В разделе критики обращают на себя внимание статьи писателей – «Клеветникам Ордуси» В.Рыбакова и «Фэндом, фэны, фэнье» А.Шмалько (Валентинова). Яростные и бескомпромиссные, они, возможно, покажутся даже слишком острыми читателям, привыкшим к сдержанности отечественных критиков-фантастиковедов. Статьи последних более традиционны. Читатели получили возможность ознакомиться с расширенным вариантом исследования Е.Харитонова «Русское поле утопий», где дана умная и поразительно достоверная панорама развития

этого жанра в России на протяжении аж 400 столетий. Харьковский критик И.Черный в статье «Ex ungue leonem» стремится выявить основные тенденции в развитии НФ-романов в прошлом году, а Д.Байкалов и А.Синицын рисуют обобщающую картину наиболее значимых событий на отечественных берегах «Континента Фантастики».

Что сказать о сборнике в целом? Интересно, разнообразно, насыщенно. Рекомендуется всем любителям отечественной НФ.

Глеб Елисеев

Как нас загонят в зиму...

Прошкин Е. Зима 0001: Романы. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 480 с. – (Абсолютное оружие). 10 000 экз. (п) ISBN 5-04-009680-1

«Зима 0001» – четвертая книга Евгения Прошкина, она демонстрирует очевидный скачок уровня по сравнению с предыдущими тремя. Полагаю, она может поставить московского фантаста на один уровень с мэтрами.

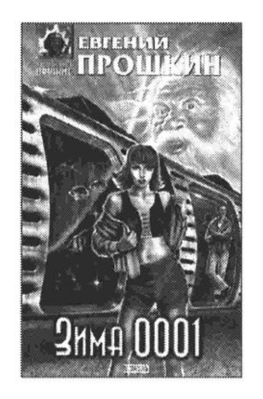
В том вошли два романа – собственно «Зима 0001» и «Загон». Первый из них плоть от плоти фильмов «Матрица» и «Тридцать первый этаж». Очередной виртуальный мир «сделан» с тщательной детализацией, сдвинь одну вещь – и сразу становится очевидным нарушение общей логики. При контакте с реальностью-1 виртуальная реальность буквально ползет клочьями. Хорош в романе неожиданный финал, придающий тексту о виртуальности парадоксальное звучание. В глубине души каждый человек – богоборец. Потому и остается в дураках...

«Загон» – яркая и в то же время жуткая антиутопия. Герои говорят по-русски и носят русские имена, однако автор ушел от вопроса, вся ли планета оказалась в плену нового орднунга или только «отдельно взятая страна». Время действия – совсем недалеко от нас. На дне общества, четко стратифицированного по уровню интеллекта, странным образом оказываются весьма умные и способные люди... Впрочем, сам критерий стратификации ближе к концу действия оказывается полной фикцией.

Творцы лучших антиутопий Замятин и Оруэлл не оставляли своему читателю надежд на счастливый исход. Основная суть их произведений укладывается в одну фразу: «Вы станете стадом баранов, и вас будут нещадно резать». Читатель должен был откликаться на это глубоким внутренним протестом: «Какие-то гады будут мне указывать, во что верить, с кем спать и как жить? Не допущу!» Прошкин представил вариант, страшный своей приземленностью, бытовой простотой. У его героев с самого начала внутренней «отрицаловки» хоть отбавляй. И расчет сделан



четко на того читателя, который где-то внутри – анархист (то есть на добрую половину взрослого населения России). Но! Читатель заранее знает: да, будет бунт, да, раззудится рука, да, поборемся и... да, обязательно наши проиграют. Потому что «система» рассчитана с необыкновенной точностью. Она давит на худшие точки в человеческой натуре. Худшие – и в то же время вечные. В итоге она неизменно побеждает: либо давит, либо, если раздавить не может, превращает врага в своего.



Поэтому роман оставляет впечатление черной честности: жизнь человеческая обречена мотаться между бунтом и подчинением. Никогда не будет последнего, навсегда победившего восстания. Но полной покорности тоже никогда не будет, и «система» к этому обязана приспосабливаться, выпускать понемногу из-под своего ига кусочки уюта, освобождать кое-что, где человек останется самому себе хозяином. Мотив – очень антиглобалистский. Глобализм в сердцевинной своей сути стремится к тотальному контролю, и Прошкина это совсем не устраивает. Ему ближе вариант тотального компромисса.

В мирах Евгения Прошкина невозможно отыскать какой-нибудь высокий смысл, ради которого стоило бы жить. Тем более хочется по прочтении отыскать его здесь, в реальности-1...

Дмитрий Володихин

Психоделические матрешки

Дик Ф. Сохраняющая машина: Рассказы / Пер с англ. М.Пчелинцева. – СПб.: Амфора, 2002. – 431 с. 4000 экз. (п) ISBN 5-94278-231-8

Филип К. Дик – едва ли не самый популярный в нашей стране представитель англо-американской «новой волны». И то сказать: мало кто из писателей второй половины XX века сделал для развития фантастики настолько много, как этот странный, иногда – по воспоминаниям коллег и современников – совершенно невыносимый в общении человек. Именно благодаря ему прописку в «НФ-гетто» получила «психоделическая» проза, именно в его произведениях впервые мощно зазвучала тема наркотиков как средства изменения внешнего и внутреннего космоса. Его примером вдохновлялись такие мастера, как Урсула Ле Гуин и Станислав Лем, среди его учеников – Тим Пауэрс, Грег Иган, Джонатан Летем.

Сегодня Дик в первую очередь известен в России как романист, но знакомство с его творчеством у отечественных фэнов началось именно с рассказов. Некоторые произведения из «Сохраняющей машины» были опубликованы у нас еще в 80-х – в альманахе «НФ», журнале «Вокруг света», антологии издательства «Мир»... Сегодня настало время вернуться к истокам. *«В книгу, составленную самим автором, вошли его лучшие рассказы 60-х годов»*, – гласит аннотация к сборнику. Ну, сколь велико было участие Дика в составлении сборника, издателям виднее. Однако то, что книга эта по-своему итоговая, несомненно. «The Preserving Machine and Other Stories» вышла в свет в 1969 году. К тому времени уже были опубликованы «Человек в высоком замке», «Три стигмата Палмера Элдрича» и «Снятся ли андроидам электроовцы?», закончен «Убик». И, как в зеркале, темы и сюжеты романов Дика отражаются в его новеллах.

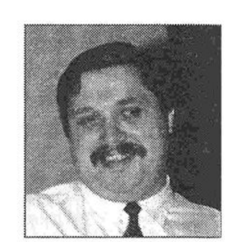
Самое четкое представление о творческом методе писателя можно получить, пожалуй, на примере рассказа «Мы вам все припомним» (хорошо знакомого нашим читателям под названием «Возвращение воспоминаний»). На его страницах фантазия и реальность раз за разом меняются местами, смешная мечта оказывается сильнее обывательского здравого смысла, а в основе привычного мира лежит совершенно абсурдная на первый взгляд предпосылка. На таких ситуациях-перевертышах построено большинство рассказов Филипа Дика. Исключительно мирный, философски настроенный инопланетянин, съеденный командой земного корабля, захватывает тело капитана; ветераны космической войны принимают облик бывших противников; настольная игра, сделанная по образцу «Монополии», учит детей радостно расставаться с накоплениями... Чем объемистее произведение Дика, тем больше этих перевертышей – в результате лучшие романы писателя напоминают семейку матрешек, вложенных одна в другую.



При всем разнообразии сюжетов вошедшие в «Сохраняющую машину» рассказы объединены общим антуражем: это мир гомеостатических газет и механических психоаналитиков, мир, где иногда конкурируют, а иногда и воюют Внешние Спутники и Внутренние Планеты, мир непрестанного страха перед термоядерной войной. Переводивший книгу Михаил Пчелинцев сумел с ходу взять верный тон и сохранить единство реалий – наверное, ради этого действительно стоило пожертвовать узнаваемостью нескольких названий.

Анатолий Гусев

Дмитрий Володихин





ПЕСТРЫЙ РЫЦАРЬ

Кодекс чести Олега Дивова

И сколько вас таких по всему свету,
несмышленых и остро нуждающихся в защите?
Что с вами будет, когда меня пристрелят?
«Выбраковка»

В средневековых шахматах фигура «конь» именовалась (по латыни) тем же словом, что и рыцарь. На шахматной доске современной фантастики есть писатели, сочетающие резвые и неровные «конские» прыжки с рыцарской принципиальностью в некоторых базисных вещах. Вечно ускользающий от критиков московский писатель Олег Дивов ужасно любит маскироваться словами «пародия», «самопародия», «перевернутый смысл», «провокационный ход»... А поглядеть внимательно, так и выяснится, что иные «кони» ходят буквой «г»... но по прямой. Путают, путают следы, а читатель получает от них все тот же почти графически вычерченный рисунок, все то же послание все в том же конверте. Разве что марочки пестрые, марочки – да, меняются. Но в них ли суть?

Сам Олег Дивов выразился по этому поводу четко и однозначно: *«По большому счету у меня месседж один. Я с самого начала и по сегодняшний день продвигаю образ мужчины, готового смотреть вперед и видеть возможные последствия своих поступков... не обязательно сразу и отвечать еще, но с возрастом и отвечать научится. Как сказал Рашен: "Прежде чем совершить ошибку, подумай, не окажется ли она для тебя роковой". То есть имеешь право, но лучше не надо. Это образ мужчины, внутренне готового "защищать и служить". Это его*



*естественное внутреннее состояние, даже если он не военный, не полицейский... Я пытаюсь сказать, что так жить можно, мало того, так жить естественно»**. Но при этом невозможно отыскать идеальную модель для жизни современного мужчины, своего рода панацею. Дивов комментирует это следующим образом: «*Будет все, ребята, не так, как вам хочется, и не так, как вам не хочется, а будет так, как будет, и вас не спросят. А если вы будете этому помогать, то все равно медаль вам не дадут*». Иными словами, предугадывать обстоятельства судьбы и пытаться обмануть их неким хитроумным жизненным планом – дело никчемное. Но можно научиться жить **достойно**. Иными словами, пропускать течение жизни через себя, не давая задержаться в «фильтрах» частицам грязи. И это – важнее всего прочего. Существует ее величество правящая Система, и вот она-то, с точки зрения Дивова, как раз «не спрашивает» и не дает медалей за верность и усердие. Главные герои дивовских романов – все до единого – стремятся ни за что не вляпаться в Систему. Они принципиально **внесистемны**. И когда их пытаются, не осведомившись о согласии, извне встроить в нечто большое и хорошо дисциплинированное, они ухитряются построить вокруг себя собственную маленькую системку, с помощью которой лукаво общаются с внешним миром...

«Месседж» Дивова можно представить в форме двух реестров: а) что достойно для мужчины; б) что для него недостойно. Рассмотрим «дебет» и «кредит» дивовского кодекса чести по отдельности.

Итак, поле «разрешенного».

Прежде всего, разрешено и даже рекомендовано служить (разумеется, сохраняя при этом значительную независимость по отношению к системе). Собственно, слова самого Дивова – «*служить и защищать*». Дивовский центральный персонаж, действительно, всегда кого-то защищает. Причем в большинстве случаев он бьется за «дальних», а не за «ближних». Последним-то как раз достается либо очень нервная жизнь, либо просто – на орехи. Во всех романах московского писателя (помимо «Толкования сновидений») дамы сердца главного героя служат прекрасной, романтичной, любящей... обузой. Родители появляются крайне редко (например, в «Стальном сердце»), и от них можно ждать только неприятностей. Классический пример – «Толкование сновидений». Отца главного героя не видно и не слышно, однако он ухитряется втравить сына в аварийную ситуацию, даже не появившись на

---

* Здесь и далее цитаты, не относящиеся к произведениям Олега Дивова, берутся из интервью, взятого у него в марте 2002 года.



страницах романа. Друзья иногда попадаются очень толковые и порядочные, но слишком редко они бывают достаточно надежными. Кроме того, центральный персонаж Дивова – всегда король текста, все прочие подчинены ему в той или иной степени как вершине незримой иерархии. Если не прямо его силе и власти, то хотя бы его духовному авторитету. Исключение составляет один только роман «Лучший экипаж Солнечной». Но не надо обольщаться: в этом тексте один человек просто-напросто рассеян между тремя – Вернером, Успенским и Файном. Герой Дивова – либо очень независимый человек, либо вожак, адмирал, старшой. Собственно, позиция вожака – единственный оправданный для такого персонажа способ коммуникации с социумом. Будучи одиночкой, но не вожаком («Братья по разуму», «Толкование сновидений», «Предатель»), он ставит между собой и обществом прочные барьеры: вот, мол, моя территория, и никто не смеет вступать на нее, уважительные причины разрешается положить рядом со стеклышками перед битьем морды... Если настырный «оккупант» не понимает иронического отношения, прямого предупреждения, свинга слева... ему могут и голову оттяпать.

Основной фигурант первых шести романов Олега Дивова (до «Выбраковки» включительно) двадцать три с половиной часа в сутки находится в состоянии «за-полсекунды-до-дам-в-репу». Каково ближним? Либо сразу начинают восхищаться, либо воют. Воющих – за борт. Они здесь совершенно ни к чему. Так что служить кому-то из непосредственного своего окружения подобная персона органически неспособна. В трилогии «След зомби» все понятно: к нам лезут монстры, и от них надо защитить всех вокруг. В «Лучшем экипаже Солнечной» на втором плане – те же монстры, только инопланетные, а на первом – своя, родная человеческая сволочь. В «Выбраковке» под защиту попадают слабые и обиженные, а под удар – все та же сволочь, но российского разлива. В «Предателе» монстрами становятся эльфы... В «Саботажнике» главный герой сражается со сволочью человеческой, но исключительно высокопоставленной. В роли защищаемых потенциально оказывается все человечество. Итак, центральный персонаж способен служить населению России («Выбраковка»), боевому флоту («Лучший экипаж Солнечной»), но оптимальный вариант – всему миру (см. прочее перечисленное).

Существует, конечно, сильно урезанная модель служения. В этом случае дивовский герой служит исключительно себе и защищает главным образом себя. В двух самых задушевных и самых «проговаривающихся» романах – «Законе Фронтира» и «Толковании сновидений» – так оно и есть. Но если в первом из них еще попадается группа друзей-



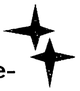
подчиненных, строится некая община, которая вроде бы нуждается в вожде и оборонителе (эх, да отговорки все это!), то в «Толковании сновидений» все поставлено на свои места. Герой не вождит. Он честно работает на себя-одиночку и для разнообразия на папашу, который влип; но папаша, в конечном итоге, часть души главного героя, и тот рискует головой ради того, чтобы потом не было мучительно больно за собственное недеяние... то есть опять отговорочка... Более того, если приглядеться к лихому парню из Агентства Социальной Безопасности в «Выбраковке», то и он не из одних альтруистических соображений взялся за ствол. Отчасти его вывел «на маршрут» страх: *«Стрелять в нехороших парней — неужели я всю жизнь к этому стремился? Разве больше я ни на что не годен?* – задается вопросом роскошный выбраковщик. – *Да, но кто тогда будет стрелять, если я такой возвышенно брезгливый? Кто-то другой, кого я не смогу контролировать. И не факт, что этот "кто-то" однажды не постучится в мою дверь. Если ты взял на себя право решать, кто хороший, а кто плохой, — будь готов, что тебя могут забраковать тоже. А значит, нужно становиться выбраковщиком самому. И это самый разумный выбор»*. Или, в другом месте: *«И за каким дьяволом ты поперся в выбраковку, парень?.. Неужели, как и я, чтобы не испытывать страха перед жизнью? Чтобы самому изображать ходячий ужас?»* Но ведь служить самому себе, своим страхам и своим надеждам – не зазорно. У мужчины есть масса обязанностей перед обществом, семьей, противоположным полом, цивилизацией и т.п. Но, помимо колоды карт, у которых на «рубашке» написано слово «долг», есть еще одна, в рукаве, и она-то и есть джокер, поскольку обозначает право иметь кое-что для себя.

Если очистить героя-одиночку от налипшей на него шелухи – лидерской функции, то станет ясно: Дивов разрешил ему делать карьеру, добиваться денег, защищенности, славы (например, спортивной, как в «Толковании сновидений») – иными словами, разрешил мечтать о возвышении и стремиться к нему. Это для мужчины не стыдно, это правильно, черт побери. Это – достойно. Но идеальный вариант, когда у него есть возможность служить все-таки не одному себе, а чему-то бесконечно большему, поскольку подобное положение дел, наверное, достойнее, красивее. Всяческие военизированные конторы, где мужчина имеет шанс сложить голову за чистое небо и «обеззомбленные» подвалы, отлично подходят. Спасать мир – ужасно романтичное занятие, но в конечном итоге исключительно полезное и правильное. Собственно, автор этих строк не иронизирует; он просто выражает свое согласие с позицией Олега Дивова.

И кстати, поскольку сильный нервный мужик представляет собой существо в равной степени способное и на великое добро, и на ужасное злодейство, а с пьяных глаз и от неудавшейся личной жизни вполне может стать бандитом, кровопийцей или еще каким-нибудь уродом, то подобная работа спасает его от самого себя. Не хочешь превратиться в монстра – защищай от монстров других. Отличная профилактика. Главный герой «Выбраковки» однажды сказал: *«Я по жизни не палач, я шериф»*. По жизни такой человек, не найдя вакансии шерифа, очень рискует соблазниться палачеством. Но такой поворот биографии – за пределами «разрешенной» территории.

Что такое мужчина, добивающийся возвышения честным путем? Наверное, можно назвать присущий ему modus vivendi «моделью скалолаза». Что они собой представляют, эти самые «скалолазы»? Они норовят превратить партии, группы, подразделения и т.д. в инструменты для достижения собственных целей. Они карабкаются наверх, обдирая пальцы, растрачивая нервы и годы, обучаясь всему необходимому, выбирая не самые безопасные варианты поведения (в том числе и для окружающих), а оптимальные, не щадя себя, расталкивая слабаков, ликуя и скорбя попеременно... Лучшее, наиболее точное выражение сути «скалолазов» – главный герой романа «Толкование сновидений». Вообще, Дивов как будто тренировался в прежних своих текстах, понемногу выявляя основные психологические конструкты «скалолаза». В трилогии «След зомби» ушибленные жестоким экспериментом мужчины-уникумы, проходя через хорошую драку, переламывали собственные судьбы. Но они были слишком молоды, им слишком хотелось выглядеть, чтобы по-настоящему быть. Нервные и слегка лукавые «примы» в «Законе Фронтира», «Лучшем экипаже Солнечной», а потом и в «Выбраковке» выросли в мастеров, господ, хозяев... Но лишь «Толкование сновидений» поставило закономерную точку: «скалолаза» в конечном итоге интересует не власть и не обладание, хотя у него отлично развиты и инстинкт власти, и инстинкт обладания. Ему прежде всего нужна высота. Причем не палеолитическая высота «авторитета» в племени, а вполне цивилизованная и оттого еще более искусительная высота награжденной доблести. «Скалолаз» должен точно знать, что он по всем статьям – первый.

Понемногу герои Дивова взрослеют, ведь взрослеет и автор. Его собственные слова: *«Я расту... Имеется в виду не творческий рост, а чисто человеческий. Творческий рост идет параллельно, только медленнее, потому что я многому уже научился»*. И по мере этого взросления слово «одиночка», бескомпромиссное и сильное, понемногу начинает напоминать гораздо более дряблое слово



«бобыль». Вот одиночке 25 (не по реальному возрасту, а по ощущению, которое получает от него читатель). Все нормально. Вот одиночке 28. Не совсем хорошо. Вот одиночке 30. Надо что-то менять. И тогда одиночка вспоминает о понятиях «семья» и «ответственность».

Собственно, началось с «Выбраковки». Хэппи-энд «Выбраковки», написанный, видимо, в значительной степени Ольгой Дивовой, «женщиной редкой красоты и продвинутого интеллекта», уже достаточно четко обозначил этот поворот. Выбраковщик номер один выразился как нельзя более ясно: *«Почему я всегда боялся иметь детей? Трусливый дурак. Может, еще не поздно? Конечно, не поздно. Уехать к чертовой матери отсюда, жениться, завести ребенка... Нужно просто решиться. Хоть раз в жизни что-то твердо решить. Поступить, наконец, по-мужски»*. Ну, а в «Толковании сновидений» лыжник-победитель, немножко преступник и чуть-чуть герой берет самую главную высоту в своей жизни — заводит семью. Не очень пока правдоподобную и слегка театральную, но с большим энтузиазмом по поводу перспектив. Исполняется завет выбраковщика...

Таким образом, «ответственность» и «семья» в поле «разрешенного» не только присутствуют, но еще и котируются достаточно высоко.

Кроме всего прочего, мужчинам позволено пижонить, пить, курить и сквернословить, если это не мешает делу.

А теперь — поле «табуированного».

Прежде всего, недостойным считается «влипание» в Систему. Об этом уже говорилось выше. Позволительно быть бунтарем, вожаком, мастером, скалолазом, но становиться холуем непозволительно ни при каких обстоятельствах. А быть холуем — значит поступаться своими принципами ради места под солнцем. Особенно позорно выглядит в подобных обстоятельствах прежний мятежник и анархист. Дивов комментирует это следующим образом: *«Видимо, такова моя внутренняя установка — нет ничего противнее, чем бунтарь, встроившийся в Систему»*. Особенно жестко этот принцип соблюдается в ранних романах Дивова — до «Закона Фронтира» включительно. В «Законе Фронтира» героя искушали обыкновенными благами, какие даруются людям у власти. Он отрекся в тоне, не требующем комментариев. Зато почувствовал себя необыкновенно «своим» в Свободной зоне московских анархистов, *«приветливых и веселых людей»**.

Свободная зона — духовная родина Олега Дивова, однажды сформулированная им вполне материально; так формулируют Швамбранию,

---

* Любопытно, что похожий рокерский бедламчик изображен в романе А.Плеханова «Сверхдержава».



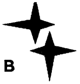
но только на пару десятилетий позже мальчишеского возраста... Человек из Свободной зоны в принципе не желает договариваться с Системой. А если все-таки придется, ни за что не уступит ничего по-настоящему важного. Сдохнет, а не уступит. Табуировано трижды, и самыми страшными заклятиями.

Недопустима человеческая грязь. В первую очередь – трусость и предательство. Хитрить – можно, а врага или дурака, которому только дай опасную правду в лапы, и он живо ею сам себе пустит кровь, не грех и обмануть. Но от обмана лучше бы воздержаться. Потому что ложь и даже какая-нибудь военная хитрость (а не победа силой и прямым превосходством) все-таки отдают запашком «пограничья»: еще шажок, и ты уже на территории недостойного, «запрещенного». А где он был сделан, этот шажок? Идеальный способ борьбы по Дивову – вестерновский: кто быстрее вытащит ствол и точнее всадит пулю. Надуть позволительно, например, спасая жизнь... но все-таки от лукавого.

К понятию «человеческая грязь» отнесена и продажная любовь. В «Выбраковке» Дивов, со вкусом выдавая картинки «караемых» деяний, без особого милосердия обошелся со шлюхой, хотя бы и со шлюхой по призванию, а не по профессии. В «Предателе» и «Саботажнике» главные герои прямо шарахаются от проституток. Особенно в последнем романе: здесь центральный персонаж с необыкновенной настойчивостью отговаривается от предлагаемого «сервиса». Его священнический сан не должен вводить в заблуждение: конфессия-то у «святого отца» призрачная и позволяет грешить от пуза. Нет, не в этом дело. Просто Дивов не позволяет срывать с любви романтический ореол. Чернуха и порнуха пускай убираются за дверь.

Рядом с прочей «грязью» поселено корыстолюбие. Зарабатывать – позволительно, но недостойно грести деньги бесстыдно, всю жизнь полагая на это дело, или, скажем, обогащаться за чужой счет. Половину «Саботажника» составляет сага о грязных деньгах и мерзавцах, которые о них вконец запачкались.

На периферии «запрещенного» – инфантилизм, несамостоятельность. Причем не только клинические случаи, а и варианты на вид вполне состоявшихся людей. Например, тот же неодиссидент Иван из «Выбраковки». Атлет, бескомпромиссный человек, умник, но при всем при том – инфантил. Характерная черта, по которой у Дивова «отбраковываются» инфантилы, отлично заметна по Ивану: он не желает видеть в жизни то, что реально существует, но не согласуется с его понятиями о «правильном». Смотрит, но не замечает. Пропускает мимо мозга, как иногда пропускают мимо ушей. А значит, не способен адекватно воспринимать реальность, живет сказками внутреннего пользования.



Дивовский мужчина обязан трезво смотреть на вещи, ни от кого ни в чем не зависеть и не быть квашней, слабаком. В текстах этого московского писателя человек, не способный за себя постоять, либо просто лох, либо проходит курс «молодого бойца», порой достаточно болезненный (история ведомого Алексея Валюшка в «Выбраковке») и начинает «справляться».

Наконец, последнее. Не худо бы держать нервы в порядке. Тех, кто не способен удержаться от взрыва эмоций, ждут неприятности. Съехавшую на почве неудовлетворенности и всеобщего бардака Маргарет фон Фальцфейн, офицера космического флота («Лучший экипаж Солнечной»), живо отправляют в отставку. Ведомых главного выбраковщика самих «бракуют» по той же причине: нервишки зашалили... Иными словами, позволять себе бытовую психопатию – недостойно.

В дельной, информативной статье об Олеге Дивове (см. «Если», № 2 за 2001 год) московский критик Евгений Харитонов представил его как мастера, выразившего смутные идеалы пограничного поколения. Это, думается, совершенно правильно. Да и сам писатель считает такое высказывание правдоподобным. Только, возможно, не для всего поколения, а для людей, родившихся примерно в 1967–1969-м.

Но им, а точнее сказать, нам сейчас не более тридцати пяти лет. А хотя бы и несколько сверх того! Мы еще молоды и вышли на сцену в ту пору, когда идеалы не успевают застыть, размываясь под напором реальности, норовящей пофорсистее вывернуться, отрицая саму себя. Время перемен... В сознании многих из нас самые прочные убеждения писаны не маслом, а акварелью. Дивов не только формулирует нас, он нас еще и дорисовывает. Воздействует на то, что мягко, что еще не окостенело. Старается отсечь лишнее: вы, мол, много мусора набрали, ребята, кое-что не грех бы и ампутировать. Вычерчивает то, что бледно. Мол, на некоторые вопросы взрослому человеку пора бы иметь четкие ответы... «Кодекс Дивова» – жесткая вещь. Намного жестче основной массы психологических и культурных конструктов, принятых поколением как «родные». Будь Дивов «слоном», который скоро перемещается по доске и лупит напрямую, вряд ли он поднялся бы до высот нынешнего своего положения, поскольку выдвигает целую этическую программу, а слово «программа» у любого из нас вызывает четкую реакцию: «заранее надоело»! Вот и приходится ему хитро одеваться, самую малость лукавить и делать вид, будто в его текстах царит ее величество провокация.

Что получается? Рыцарь в пестром маскхалате, под которым спрятана сверкающая шерифская звезда...

Арбитмания



КРАСИВО УЙТИ

Программное заявление писателя Стивена Кинга (Бангор, штат Мэн, США), опубликованное в СМИ некоторое время назад, уже давно перестало быть сенсацией, но продолжает тихо обсуждаться в кулуарах. И, вероятнее всего, обсуждаться будет еще долго – читателями, с одной стороны, и коллегами-писателями, с другой. Общая реакция тех и других негативна и, в целом, схожа: «Зачем ты это делаешь, сволочь?» Однако мотивы у пишущих и читающих принципиально различны. В том и фокус.

Для тех, кто подзабыл перипетии, кратко напомню суть дела. 55-летний автор «Мертвой зоны», «Темной башни» и еще десятков полновесных бестселлеров сообщил urbi et orbi, что, исполнив ряд обязательств по уже начатым романам и сценариям, новых писать не будет, а уйдет из фантастики. И не «куда-то» (например, на телевидение или в кино), а вообще. На покой. Свое экстравагантное решение Кинг объяснил в том духе, что не хочет портить себе некролог. Мол, фантаст обязан непрерывно фантазировать, а с годами ни у кого таланта не прибавляется: всяк автор впадает в возрастную шизу, сбивается на самоповторы, генерирует вздор, гонит пургу, пускает пузыри, – так что он, Стивен Кинг, не хочет остаться в памяти читателя маразмирующим мэтром, чье сенильное убожество будут печатать из уважения к сединам и заработанному брэнду. Лучше он, Стивен Кинг, уйдет сейчас с высоко поднятой головой и с незапятнанной репутацией живого классика жанра... Такие дела.

Положим, в заявлении писателя из города Бангор можно было усмотреть элемент кокетства коронованной особы, которая нарочно пугает приближенных возможностью отречения от престола и провоцирует подданных периодически бросаться королю в ноги с приятными его уху воплями:

«Не покинь нас, батюшка!» (Заметим в скобках, что такого рода кокетство – с ощутимой финансовой подкладкой – свойственно многим из Кингов. Телеведущий Ларри, к примеру, пугал руководство своего канала добровольной отставкой – но передумывал за очень отдельные деньги. Кинорежиссер Залман долго отнекивался от съемок «Дикой орхидеи-2» – но в конце концов дал себя уговорить. И так далее.) Однако какими бы тайными мотивами ни руководствовался писатель Стивен, он создал прецедент, прискорбный для фантастов всего мира и убийственный для фантастов российских.

В этой связи вспоминается рассказанная Сергеем Довлатовым байка о литературной конференции советских еще времен, на которой пожилому писателю-докладчику, клеймившему Байрона за пессимизм, возразили: «Байрон был молодой, талантливый, красивый – и пессимист. А ты старый, бездарный, уродливый – и оптимист!» Смешно? Грустно. Потому что похоже. Увы, в России мало что меняется. Забугорный фантаст, с возрастом ни чуточки не потерявший формы (недавние «Сердца в Атлантиде» – сильная, глубокая вещь, ничуть не уступающая шедеврам 80-х), изъявляет готовность уйти из жанра. А отечественные авторы, с каждой новоизданной книгой подтверждающие степень своего творческого бессилия, зубами цепляются за жанр-кормилец. Этим гражданам демарш американского коллеги – что нож вострый.

Не трогаю Булычева. Не трогаю Крапивина. Автора этих строк с таким воодушевлением раз и навсегда записали в ненавистники творчеств Игоря Всеволодовича и Владислава Петровича, что метать на потеху публике новые стрелы в пожилых мэтров (далеко не худших, между прочим, российских фантастов!) – очевидная пошлость. К тому же речь идет не о конфликте «отцов и детей» – не в возрасте тут дело. Большинство наших авторов, которым следовало бы побыстрее уйти из фантастики, еще и близко не подошли к стивен-кинговской возрастной отметке. В «отцы» ли записывать, например, Владимира Николаевича Васильева, которому относительная молодость не помешала раз и навсегда похоронить российский киберпанк? Перспективное ответвление жанра было им сведено к гибриду новеллизаций импортных компьютерных «стрелялок» с пустопорожней болтовней в чате. А два петербургских столпа – Вячеслав Рыбаков и Святослав Логинов? Первого жалко, за второго – совестно. «Очаг на башне» давно погас на чужом пиру, былой лиризм отвердел до триумфа воли, а сам Вячеслав Михайлович превратился в питающегося газетами сердитого ворона, сменившего «Неверморррр!» на «Форе-



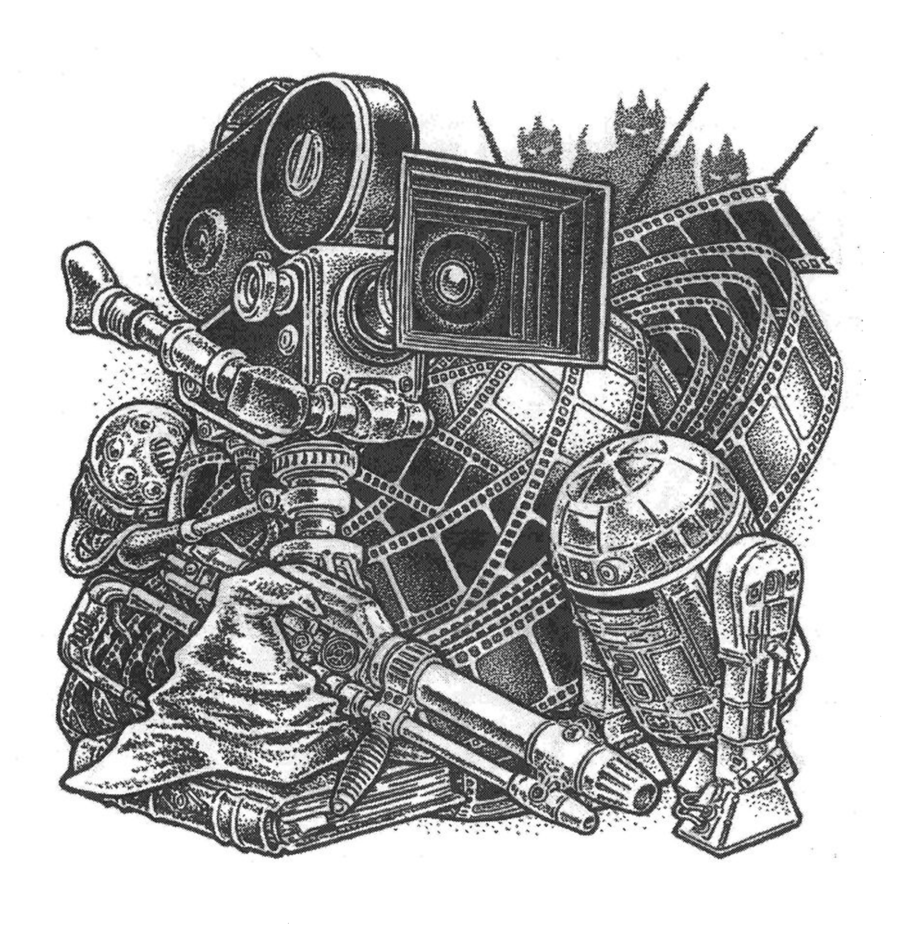
веррр!» и «Имперррия!». Что же до покровителя сверхмалой формы графомании Святослава Владимировича, то его недавний «Картежник» – зримый аргумент в пользу немедленной пенсии и тихого разгадывания кроссвордов на печи: даже в гнилые брежневские времена сюжеты типа «Сантехник дядя Вася и пришелец» годились лишь для одноразовых «крокодильских» фельетончиков... А есть еще Василий Дмитриевич Звягинцев, из года в год аккуратно шинкующий острым казацким бластером палача Галактики Генриха Ягоду (от палача уже остался один огрызок, но фантаст неутомим). А есть еще Сергей Николаевич Синякин, жертва территориальной снисходительности (отсвет волгоградца Евгения Лукина немножко падает на соседа, славного лишь совковым морализаторством да незамысловатым юмором; от такого ядовитого соседства подувял, потерял блеск и сам Евгений Юрьевич). А есть еще Василий Васильевич Головачев, изготавливающий свои новые кирпичи с помощью своих же предыдущих кирпичей, ножниц, клея и изрезанной до лохмотьев «Розы Мира»... В общем, список фантастов, которым сам Бог велел уйти на покой, велик и простирается в дурную бесконечность...

...Слышу сердитый хор голосов: «Неча на Кинга пенять! Ему можно эффектно уходить: он за одну дебютную «Кэрри» получил столько, сколько нашему братуфантасту, пашущему на дядю (даже на доброго дядю Колю Науменко), за всю жизнь не заработать! Не уйдем! Нам надо деток кормить...» С последним грех спорить. Детки – святое. Но ведь не фантастикой единой можно зарабатывать малым на пропитание. Можно торговать мандаринами. Можно заниматься частным извозом. Можно писать хорошие экономические статьи для «Новой газеты». Можно устроиться подмастерьем к американскому детективщику – дело прибыльное, если прикуп знать. Главное – помнить: фантаст, начисто потерявший квалификацию (либо вовсе не имевший оной), так же опасен для общества, как и пьяный водитель автофургона. Один из этих горе-водителей, между прочим, три года назад попался на пути Стивена Кинга. Да так, что великий фантаст чуть было не ушел совсем. Некрасиво и навсегда.

Роман Арбитман

ОТ РЕДАКЦИИ: Напоминаем, что автор колонки «Арбитмания» получил полный карт-бланш на выбор темы и необходимых для ее раскрытия слов. Редакция взглядов г-на Арбитмана, как правило, не разделяет. В частности, нам кажется, что предлагать кому-то уйти из литературы в принципе бессмысленно и уж никак не подобает хладнокровному критику-профессионалу.

ПЛАНЕТА КИНО



Фабриканты грез

На дворе лето, а на киностудиях мира кипит работа. Заключаются контракты, идут съемки, монтируются новые ленты... Приятный сюрприз поклонникам кинокомикса хочет сделать компания «Уорнер бразерс» – один из гигантов Голливуда. Они пригласили режиссера Вольфганга Петерсена («Бесконечная история») и сценариста Эндрю Кевина Уокера («Семь») работать над фильмом «Бэтмен против Супермена». Этот проект, похоже, станет своего рода апофеозом нынешней суеты вокруг названных персонажей: сейчас одновременно снимаются новые картины о Супермене и Женщине-Кошке, а также лента «Бэтмен: Год первый».

Фильм Петерсена / Уокера доберется до съемочной площадки в начале 2003 года. Режиссер говорит о его героях так: «Это две стороны одной монеты, но они не могут не вступить в конфликт, потому что решают проблемы совершенно по-разному... Наконец они готовы вцепиться друг другу в глотку... Но они же оба борцы с преступностью, так что должны объединиться и победить зло». Еще Петерсен обещает, что в новой картине о Бэтмене персонажа по имени Робин не будет.

Похоже, что начало нового тысячелетия историки кино назовут временем сиквелов. Вышли или готовятся к выходу продолжения «Людей в черном», «Матрицы», «Звездных войн»... Одним из самых громких сиквелов обещает стать четвертая лента об Индиане Джонсе. Стивен Спилберг, Джордж Лукас и Харрисон Форд твердо намерены выпустить ее на экраны в 2005 году и уже наняли в качестве сценариста Фрэнка Дарабонта («Зеленая Миля»). Тот сообщил прессе некоторые детали будущего сюжета. Действие будет происходить в 1950-е годы (это позволит сыграть в картине Харрисону Форду, которому уже исполнилось 60). С нацистами Инди сражаться не придется – ему подыщут других злодеев. Прокомментировать слухи о том, что у главного героя в новом фильме будет сын, Дарабонт категорически отказался: «Если я вам расскажу – меня убьют». А Спилберг, в свою очередь, пообещал, что кардинальных нововведений не допустит: «Я не хочу изобретать колесо. Я просто хочу продолжить сагу».

Премии «Сатурн», которые вручает американская Академия научно-фантастического, фэнтезийного и «ужасного» кино и журнал «Cinescape», весьма авторитетны среди профессионалов. Только что подведены итоги очередного киносезона. Результаты таковы: «Лучший научно-фантастический фильм» – «Искусственный разум», «Луч-

ший фэнтезийный фильм» – «Властелин Колец: Братство Кольца», «Лучший фильм в жанре ужасов» – «Другие», «Лучший приключенческий фильм» – «Memento», «Лучший актер» – Том Круз («Ванильное небо»), «Лучшая актриса» – Николь Кидман («Другие»), «Лучший режиссер» – Питер Джексон («Властелин Колец: Братство Кольца»), «Лучший сценарист» – Стивен Спилберг («Искусственный разум»), «Лучший композитор» – Джон Уильямс («Искусственный разум»), «Лучший художник по костюмам» – Джудианна Маковски («Гарри Поттер и философский камень»), «Лучшие спецэффекты» – «Искусственный разум», «Лучший телесериал (эфирное ТВ)» – «Баффи – истребительница вампиров», «Лучший телесериал (кабельное ТВ)» – «Далекие горизонты». Приятно, что российские зрители лично могут убедиться в обоснованности присуждения всех этих премий...

Кинокомпания «Уорнер бразерс» перенесла на один день дату выхода второй «Матрицы»: теперь картина «The Matrix Reloaded» должна попасть на экраны не 16 мая 2003 года, а 15 мая, не в пятницу, а в четверг. Эта, казалось бы, незначительная перестановка позволит большему числу зрителей посмотреть сиквел уже на первой неделе проката и, как надеются в компании, существенно увеличит кассовые сборы (в нынешнем году таким же образом прокатчики поступили со «Звездными войнами-2»). А на конец 2003 года намечен выход третьей серии «Матрицы» – фильма «The Matrix Revolutions». В настоящее время оба сиквела снимаются в Австралии.



«Лихорадка продолжений», охватившая Голливуд, все-таки поддается излечению. Так, студия «20th Century Fox» отказалась от предложения немедленно приступить к съемкам сиквела «Планеты обезьян». Как с грустью поведал прессе продюсер Ричард Занук, руководство студии полагает, что фильм-оригинал и его продолжение должны разделять минимум три года: «Уж не знаю, правы они или нет, но такая у них теория». А ведь Занук уже все придумал – и что сиквел должен начинаться с того самого места, где завершилась предыдущая картина, и что астронавта Лео Дэвидсона опять сыграет Марк Уолберг. Увы, с этими планами придется обождать...

По материалам «ЗД-информ».

Своими глазами

Их секрет – «Head and Shoulders»

Люди в черном-2 (Men in black-2). Производство «Amblin Entertainment» (США), 2002. Режиссер Барри Зонненфельд, сценарий Роберта Гордона, Барри Фанаро. В ролях: Томми Ли Джонс, Уилл Смит, Лара Флинн Бойл. Слоган картины: «Та же планета. Новые отбросы». 88 мин. В российском прокате – с 5 июля.

И этот фильм мы ждали пять лет?! Пять долгих лет после того, как впервые увидели очаровательный и остроумный кинокомикс Барри Зонненфельда об агентах секретной спецслужбы, которая следит за тем, чтобы обосновавшиеся на Земле пришельцы хорошо себя вели. С героями той картины действительно не хотелось расставаться... Но разлука затянулась, и когда мы встретились с ними снова, это оказались совсем другие люди. Агент Джей (Смит) заматерел и посерьезнел, агент Кей (Джонс) вообще половину фильма не понимает, кто он такой и чего от него хотят (в конце первой части его отправили на пенсию, «выключив» память, а теперь приходится повозиться, чтобы ее «включить»). Новые сценаристы решили, что для сиквела фантастической комедии вполне сгодятся сценарные штампы, достойные незабвенного Эда Вуда: Джей и Кей противостоят в этом фильме злобному монстру растительного происхождения Серлине, которая при желании принимает обольстительные формы Лары Флинн Бойл. Упомянутый монстр прилетел на Землю, потому что уже 25 лет разыскивает некий артефакт под названием «Свет Зарты». Зачем этот артефакт существу, которое, как показано в начале картины, без труда разрушает целые планеты, остается неясным. Видимо, для коллекции...

Казалось бы, при столь непритязательном сюжете создателям ленты нужно позаботиться о диалогах, эпизодических персонажах, реквизите наконец. Ну, хоть что-то должно быть в кадре «вкусное»! Увы, все вкусное мы прожевали пять лет назад – и сверкающую экипировку «людей в черном», и веселую компанию двуногих инопланетных червяков... Только один эпизод напоминает о прежнем блеске – посещение героями колонии мохнатых коротышек, живущих в камере хранения на вокзале. Но если вспомнить фантастическую комедию Юлиуша Махульского «Кингсайз», очарование этого эпизода станет заметно слабее... Короче говоря, фильм обманул ожидания. Никто не спорит с тем, что продолжения снимаются ради гарантированного дохода. Но смотрят их для того, чтобы получить

гарантированное удовольствие. И если удовольствие не получено, это как-то обидно.



Борис Аникин

Рейтинг «ЗД» по пятизвездной шкале: 

Хочу принцессу!

Звездные войны-2: Атака клонов (Star Wars-2: Attack of the Clones). Производство «20th Century Fox» (США), 2002. Режиссер Джордж Лукас, сценарий Джорджа Лукаса и Джонатана Хэйлса. В ролях: Эван Макгрегор, Натали Портман, Хайден Кристенсен, Сэмюэль Л. Джексон. Слоган картины: «Джедай не должен бояться. Не должен ненавидеть. Не должен любить». 142 мин. В российском прокате – с 16 мая.

Есть у знаменитой киносаги – у всех пяти существующих на сегодняшний день ее серий – одна беда. Начиная говорить о них, критики редко заходят дальше обсуждения спецэффектов. Так было с тремя «старыми» эпизодами, снятыми в 70-е годы, это происходит и теперь – с «новыми». А ведь секрет успеха киносаги не в этом, точнее, не только в этом. У Джорджа Лукаса есть два несомненных таланта: один, конечно же, заключается в умении придумывать и воплощать в жизнь те самые потрясающие визуальные эффекты, а другой – в умении придумывать невероятные истории, происходящие с удивительными существами. Секрет успеха «старых» «Звездных войн» в очень точной и при этом очень неожиданной драматургии. Необычность ее – в близости к мифологическим структурам. Джордж Лукас знает лично, более того – называет своим учителем и старшим другом культуролога Джозефа Кэмпбелла, автора исследования «Герой с тысячью лиц». В этой работе анализируются героические мифы разных стран и народов и выявляются их общие архетипические основы. Дружба с Кэмпбеллом не прошла для Лукаса бесследно: его герои столь же





архетипичны, как и персонажи героического фольклора... Люк Скайуокер – принц-подкидыш. Капитан Соло – бродячий рыцарь. Принцесса Лея – она принцесса и есть...

Первый «новый» эпизод практически полностью построен на внезапных открытиях, на противопоставлениях со «старой» трилогией. Вот этот симпатичный мальчик на самом деле будущий злобный вояка Дарт Вейдер... Вот этот милый, умудренный жизнью мужчина – будущий тиран, инфернальный злодей... Потому-то, вероятно, первый эпизод самый скучный: кроме сцены гонок, и вспомнить нечего.

Вторая серия потребовала от Лукаса – режиссера и сценариста в одном лице – новых идей. В основе эпизода – любовь между бывшей принцессой Амидалой, ставшей сенатором Падме (Портман), и повзрослевшим Анакином Скайуокером (Кристенсен). Оба стараются подавить в себе это чувство, поскольку ставят его ниже собственного долга. Сюжет также вполне мифологический – достаточно вспомнить хотя бы Тристана и Изольду. К тому же невольно напрашивается сравнение с пятой серией, в которой не последнее место занимала зарождающаяся любовь между принцессой Леей и Хэном Соло. Вот только очень разные эти любови...

Рок, фатум, обстоятельства встают между Падме и Анакином, и они ведут себя как настоящие герои. В то время как Лея и Хэн вели себя как люди – серьезные, ответственные, но люди. Беззаветное геройство они оставили Люку Скайуокеру, искупающему грехи отца...

Все положительные герои второго эпизода действуют, руководствуясь исключительно чувством долга, – таков молодой Оби-Ван Кеноби (Макгрегор), таков глава джедаев (Джексон). И только Анакин движим страстью – не любовью, а именно страстью. Там, где у зрелого Хэна Соло иронический флирт, у юного Анакина – подростковый сперматоксикоз. С точки зрения «мифологической» это сильный прокол: принцесс нельзя хотеть, их нужно просто любить...

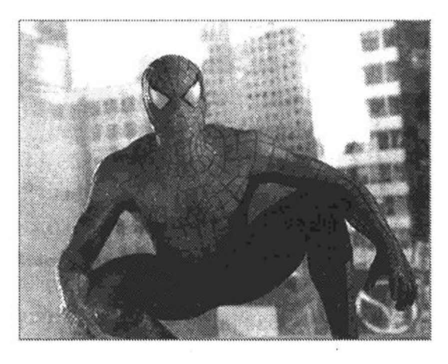
Андрей Летаев

Рейтинг «ЗД»: ★★★★

Зрители в сетях

Человек-Паук (Spider-Man). Производство «Columbia Pictures» (США), 2002. Режиссер Сэм Рэйми, сценарий Элвина Сарджента, Дэвида Кеппа, Сэма Рэйми, Скотта Розенберга, Нила Руттенберга. В ролях: Тоби Магуайр, Кирстен Данст, Уиллем Дефо. Слоган картины: «Великой силе – великая ответственность». 121 мин. В российском прокате – с 1 мая.

Кинокомикс – вполне уважаемый и даже почтенный жанр, давший кинематографу несколько шедевров и довольно много крепких, профессионально состоятельных работ. За последние десятилетия у этого жанра сложились собственные традиции, появился свой зритель. Казалось бы, что плохого? Но традиции оказались настолько прочными, что даже талантливые кинохудожники, взявшиеся снимать фильм в упомянутом жанре, рискуют попасть в непреодолимую зависимость от чужих сюжетов, чужих трюков, чужих декораций. Особенно если им очень хочется угодить этому самому зрителю – поклоннику кинокомикса.



Так и случилось с Сэмом Рэйми, постановщиком умного и смешного ужастика «Зловещие мертвецы» и нешаблонного вестерна «Быстрый и мертвый». Выиграв конкурс на должность режиссера мегабюджетного «Человека-Паука», Рэйми, по его собственному признанию, бросился пересматривать классику кинокомикса. В результате весь фильм состоит из «общих мест» и прямых заимствований: вот этот городской пейзаж взят из «Бэтмена», а вот эта сцена, где Человеку-Пауку нужно одновременно спасти любимую девушку и пассажиров канатной дороги, очень сильно напоминает коллизию из «Супермена»...

Конечно, нельзя сказать, что пять сценаристов этой картины даром ели свой хлеб. Им удалось не только перетащить на большой экран историю, которая известна очень многим по бумажным комиксам и мультсериалу, но и по ходу дела немного осовременить ее. Теперь Питер Паркер (Магуайр), старшеклассник-сирота, живущий у дяди с тетей, обретает сверхъестественные способности после «перестройки» организма, вызванной укусом генетически модифицированного паучка. И Зеленый Гоблин (Дефо), главный враг Спайдермена, творит свои злодейства не просто так, а потому, что в обыденной жизни является главой научной корпорации и очень хочет военных заказов. В общем, то ли актуализация сюжета помогла, то ли в кинотеатры пришло поколение, выросшее на мультфильмах о Человеке-Пауке, – но картина эта, глуповатая и насквозь вторичная, стала кассовым лидером нынешнего киносезона. Так стоит ли стараться, снимая умные и оригинальные фильмы? Вопрос остается открытым.

Николай Теченко

Рейтинг «ЗД»: ★★



Вперед в прошлое!

Машина времени (The Time Machine). Производство «DreamWorks SKG» и «Warner Brothers» (США), 2002. Режиссер Саймон Уэллс, сценарий Джона Логана, Саймона Уэллса. В ролях: Гай Пирс, Саманта Мамба, Джереми Айронз. Слоган картины: «Будь осторожнее со своими желаниями». 96 мин. В российском прокате – с 6 июня.

В начале третьего тысячелетия экранизировать знаменитый роман Герберта Уэллса близко к тексту стало практически невозможно. Главный герой книги построил машину времени и отправился на ней на 800 тысяч лет вперед исключительно из научного интереса – кому сегодня эти побудительные мотивы покажутся вескими? В будущем уэллсовский Путешественник во Времени обнаружил, что человечество разделилось на две расы – беззаботных элоев и жутковатых морлоков, причем и те, и другие уже не похожи на людей. Как же заинтересовать современных зрителей их судьбой? Нет, сюжет романа нужно срочно корректировать...



И вот что придумали режиссер Саймон Уэллс (правнук Герберта) и сценарист Джон Логан (известен по работе над фильмом «Гладиатор»). У Путешественника во Времени появилось имя – его теперь зовут Александр Хартдеген (Пирс). Свою машину он создал после того, как случайно погибла его невеста. Отправившись в прошлое, Александр попытался ее спасти, но не сумел: она погибла вновь – уже по другой случайности. Значит, у каждого своя судьба и ее не изменить? Значит, будущее предопределено? Надо лететь туда и убедиться самому!

Элои из фильма – веселые и безобидные люди, одевающиеся на манер кришнаитов. Морлоки – гориллоподобные монстры-каннибалы. Вопрос о том, кому и почему сочувствовать, не возникает. А образ предводителя морлоков (Айронз), интеллектуала и телепата, оказался явной удачей картины... Да, конечно, это далековато от текста романа. Но у фильма свои достоинства: он заставляет задуматься об извечном стремлении людей к счастью. А это тоже немало, не так ли?

Петр Павлов

Рейтинг «ЗД»: ★★★☆

За кадром



Андрей Щербак-Жуков

НОВЫЕ ТЕРНИИ, НОВЫЕ ЗВЕЗДЫ

Сказать, что в начале 80-х фильм «Через тернии к звездам» был популярен, – практически ничего не сказать. На этот фильм в выходные ходили целыми семьями, а в будни старшеклассники ради него сбегали с уроков. Картина оказалась в равной степени интересной и подросткам, и взрослым людям. Такое в кинематографе случается редко. На Западе существует целое направление «фильмов для семейного просмотра»: «Один дома», «Бетховен» и им подобные – их смотрят дети вместе с родителями. Но так, чтобы то же кино, что и взрослые, смотрели подростки, настроенные на отрицание всего, что предлагает им взрослый мир...

Я хорошо помню вопрос кого-то из близких: «Ты уже видел "Через тернии..."?» Сказано было не «Советую сходить на фильм», не «Собираешься ли ты на него сходить?», а именно так – без доли сомнения, что эту ленту посмотреть необходимо.

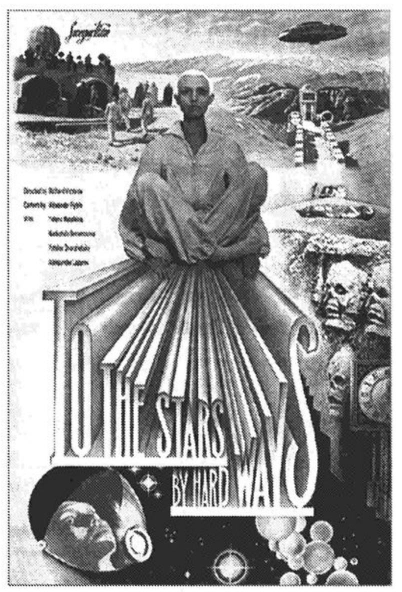
Больше десятилетия картина не сходила с экранов Советского Союза, получила несколько престижных призов на международных кинофестивалях. И даже была продана для проката в США, где шла под названием «Женщина-гуманоид». В 1980 году режиссер Ричард Викторов и сценарист Кир Булычев получили за этот фильм Государственную премию.

Прошло более 20 лет, но картина не забылась, в отличие от сотен других. До сих пор, если разговор идет о российском фантастическом кино, на память приходят три картины Ричарда Викторова: «Москва –



Кассиопея», «Отроки во Вселенной» и «Через тернии к звездам».

Как-то в интервью с мультипликатором Владимиром Тарасовым я спросил: «Вот есть понятие "писатель-фантаст", а может ли быть режиссер-фантаст?» Я ожидал услышать абстрактные рассуждения, но ответ был предельно конкретен: «Викторов»...



Однако технология кинопроката такова, что если фильм специально не сохранять, то рано или поздно все копии, как говорят прокатчики, «уйдут в битую пленку». С каждым сеансом пленка становится чуть-чуть хуже, пока ее совсем невозможно будет показывать... Так произошло и с «Терниями». Но спустя 20 с лишним лет сын режиссера Ричарда Викторова, тоже режиссер Николай Викторов, решил восстановить фильм отца и вновь запустить его в прокат...

— Кому пришла идея дать новую жизнь культовому фильму?

— Идея пришла одновременно с нескольких сторон. Получается, что ее подсказало время. С одной стороны, мне и маме давно хотелось снова показать картину, потому что не так много в нашем кино настоящей фантастики... С другой стороны, мы встретились с моим бывшим однокурсником Михаилом Косыревым, который, будучи профессиональным режиссером, оказался еще и очень хорошим продюсером. Он был удивлен, что «Тернии» несколько лет назад пропали из проката. И мы решили их просто заново прокатать. Но не нашли копии... И вот дальше начались наши мытарства, в результате которых мы плавно въехали в этот тяжелый проект. Вначале мы хотели перепечатать копию, но оказалось, что негатив погиб, потому что старая технология не была рассчитана на то, чтобы он хранился достаточно долго. Потом оказалось, что и звуковая дорожка вся посыпалась... И мы естественным образом пришли к мысли сделать практически новую версию. Мы так ее и назвали — «Через тернии к звездам. Новая версия».

Мама Николая — это замечательная актриса Надежда Семенцова-Викторова, сыгравшая в картине доктора Иванову, волевую и недо-

верчивую женщину-ученого, исследовавшую космического найденыша Нийю. Надежда Мефодиевна умерла чуть больше года назад — ее памяти посвящена новая версия фильма.

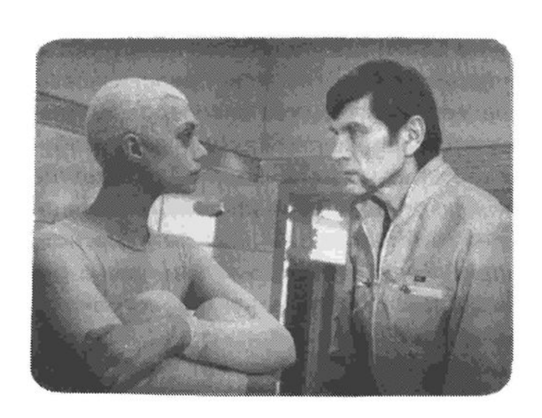
— Чего коснулись переделки?
– Картина была полностью перемонтирована. Сохранилась вся драматургия, естественно, все герои и все сюжетные линии. Но за счет увеличения ритма картина оказалась сокращена на полчаса. Причем не одна сцена не была выкинута. Наоборот, мы вставили в фильм компьютерные кадры, которые невозможно было сделать 20 лет назад, потому что просто не существовало таких технологий. Мы сделали новый звук. Это тоже были вынужденные действия, но, как впоследствии оказалось, очень правильные. Потому что современный долби-звук требует специальных технологий записи, которых, конечно же, раньше не было. Просто смоделировать в компьютере долби-эффект, в принципе, технически возможно, но в результате было бы не так «вкусно». Потрясающий звукорежиссер Андрей Худяков, который уже давно работает с этими технологиями, предложил сделать новую фонограмму. И Михаил, сильно крякнув, согласился.

Новые компьютерные вставки — минимальны. Несколько секунд в космопорту, немного выразительней стали ускоренные движения Нийи. Удивительно, но все спецэффекты, сделанные в 1979 году, до сих пор не устарели. Например, даже специалисты не сразу смогли догадаться, как снималась в картине невесомость. Оказывается, были использованы сверхсекретные аквалангистские костюмы, которые не выпускают наружу отработанный воздух...

— Старая фонограмма не использовалась совсем?
– Нет. Прежняя фонограмма не использовалась в принципе. В некоторых случаях старые актеры переозвучили сами себя, в некоторых – были приглашены новые актеры. Мне хотелось, чтобы голоса звучали молодо, а некоторые актеры сейчас так уже не звучат. Дима Ледогоров прилетел на переозвучку из Новой Зеландии, и когда я услышал его голос, я был в ужасе! Ведь в фильме он играет восемнадцатилетнего парня, а сейчас ему уже за сорок – естественно, и голос его возмужал. Но за счет своего профессионализма и актерских способностей он сумел смодулировать в себе молодой голос. Лена Метелкина – непрофессиональная актриса. И с ней воссоздать прежний образ было бы тяжело, поэтому я пригласил Любовь Германову, которая фактически сделала новую Нийю. Когда Лена послушала фонограмму, она сказа-

ла, что Люба внесла в образ те самые краски, которые ей самой не удалось донести в прошлый раз...

Да, семья Ледогоровых сейчас живет в Новой Зеландии. Видимо, в новом российском кинематографе не нашлось персонажей для актера с таким волевым и харизматическом лицом, какое было у Игоря Ледогорова, сыгравшего в картине Ракана. А вот Елена Метелкина по-прежнему живет в Москве — с мамой и взрослым сыном. После «Терний» она сыграла в трех картинах. В телефильме «Гостья из будущего» она появляется в самом начале. Это ее увидел на московской улице Коля Герасимов и понял: «Она не отсюда». Женщину будущего она сыграла во второй картине про Алису Селезневу — в «Лиловом шаре». А в фильме «Очень важная персона» исполнила роль чудачки-учительницы, приехавшей в колхоз из города... Во всех своих киноработах Метелкина предстает чужаком, пришельцем из иных миров. Это неудивительно: одного взгляда на эту женщину достаточно, чтобы понять, как она не похожа на обычных землян...



— Почему сократили фильм? Из-за форматных требований или из желания сделать более энергичное кино?

– Началось все действительно с того, что современный формат требует более короткого полотна. Прокатчики сказали нам очень просто: «Если ваша картина будет хотя бы на десять минут длиннее, чем два часа, то ее будет невыгодно прокатывать». Я и так хотел сокращать картину, но не более чем на пять минут. Но когда я начал, оказалось, что это возможно. Я нашел дневники отца, которые сохранила мама, и там он сам писал, что есть сцены, которые оказались затянутыми и которые он сам хотел бы, если бы это было возможно, сократить...

— Вы думаете, что отец одобрил бы вашу версию фильма?

– Я надеюсь, что это было бы так. Во всяком случае, Кир Булычев, посмотрев фильм, сказал, что если бы Ричард Викторов сейчас переделывал картину, он бы так же ускорил ее ритм.

Эти же слова Кир Булычев повторил снова:

– Я смотрел фильм с большой грустью... Я просто в горе его смотрел – оттого что нет Ричарда. Если бы он был с нами, все наше фантастическое кино – я вам точно говорю – было бы другим. Я еще раз ощутил потенциал Ричарда, который он даже не смог полностью раскрыть... Я смотрел титры, вспоминал по именам всех людей, которые тогда работали с нами, и понимал, как давно это все прошло-проехало. Ведь мы начали работу над сценарием ровно четверть века назад! Коля достаточно осторожно и нежно отнесся к тому, что сделал Ричард. Конечно, фильм сегодня смотрится лучше, чем раньше. Время прошло, Коля – человек другого поколения, и картина в его редакции стала энергичнее...

– Как же получилось, что спустя 20 лет фильм смотрится не менее актуально? И это после всех замечательных американских фантастических картин, которые мы видели за прошедшие годы! Просто загадка...

– Ведь в чем разница между нашей и американской фантастикой... Американская фантастика конструирует другие миры, и чем великолепней и необычней она их сконструирует, тем она интересней. Мы же не можем ни писать, ни снимать ни о чем, кроме нас самих. Эта картина – о нас. И очень хорошо, что Коля сделал то, что не удалось сделать нам, – вместо слова «Конец» написал, что все кадры отравленной планеты Дессы снимались на территории нашей страны. Для меня этот фильм абсолютно актуальный и сегодняшний.



Ричард Викторов был удивительным человеком – на редкость упорным, но при этом житейски мудрым. Ему удавалось то, что не получалось у других режиссеров. Они выходили на баррикады и погибали на них, а Ричарду удавалось додавить и сделать так, как он хотел. Мы не встречали никаких проблем с цензурой, потому что он брал эту сторону на себя. В те годы было много людей, работа которых заключалась в том, чтобы чего-то не пропускать; как следствие, все мы жили с внутренним цензором. Мы с Ричардом придумывали какие-то замечательные сцены, потом шли обедать и говорили себе: «Нет, не пройдет...»

И все-таки инертность мышления велика — картине трудно было бороться с американскими блокбастерами, выход которых подкреплялся мощной поддержкой прессы. «Через тернии к звездам» появлялись в нескольких кинотеатрах, наверное, возникнут снова. Уже готова DVD-версия картины. Скоро она появится на дисках, а потом и на видеокассетах. У нее еще ярче и фантастичнее цвета.

Сын композитора Алексея Рыбникова, также композитор Дмитрий Рыбников, оставив все музыкальные темы своего отца, написал несколько новых. Сейчас вся музыка звучит настолько современно и свежо, что готовится выпуск компакт-диска с саундтреком.

Всегда приятно, если сын с трепетом относится к тому, что сделал его отец, продолжает его традицию. Поэтому сам собой возник вопрос к Николаю Викторову:

— Нет ли у вас желания продолжать дело отца, снимать фантастические фильмы?

– Я искренне хочу делать в кино фантастику. Это здорово, это потрясающе!

— А это вообще сейчас возможно?

– Возможно. Хотя меня все спрашивают, не сумасшедший ли я. Но фантастика всегда так начиналась. Когда отец начинал снимать «Москву – Кассиопею», ему говорили: «Ты куда лезешь? Мы тебя просили сделать простенькое кино, а ты требуешь технологий XXI века!» А отец отвечал, что, несмотря ни на что, будет делать настоящее кино. Словом, настоящая фантастика всегда проходит через серьезные тернии... Мы уже разговаривали с Булычевым, и я счастлив, что он согласился написать новый сценарий. Продюсеры пока крякают: сейчас такие экономические отношения, что мы должны сначала доказать им, что это будет интересно. Может быть, речь даже пойдет о продолжении картины «Через тернии к звездам».

Кир Булычев также на развитие российского фантастического кино смотрит оптимистически:

– Для меня эта работа – отражение определенной тенденции в нашем обществе, в нашей фантастике. Потому что пять лет назад Коля не смог бы этого сделать, никто бы ему не дал на это денег – а сегодня такое уже возможно. Будем надеяться, что вскоре появятся и новые фантастические фильмы.

КИБЕР-
ПРОСТРАНСТВО



Несекретные файлы

Дорогая «Баффи...»

В наши дни индустрия компьютерных игр и кинобизнес переплелись столь тесно, что уже не всегда можно отличить одно от другого. Стоит выйти на экраны мегабюджетному блокбастеру, как на прилавках появляется игрушка по его мотивам. И наоборот: популярные игры с удовольствием экранизируют...

В начале лета кинокомпания «DreamWorks SKG» приобрела права на японскую игровую «страшилку» под названием «Fatal Frame» (можно переводить и как «Роковой дом», и как «Роковой кадр»). Ее главная героиня разыскивает пропавшего брата и входит с этой целью в населенный призраками дом. Из оружия у нее в руках одна только фотокамера, которая позволяет видеть пришельцев из «тонкого мира»... «Мы потрясены творческим потенциалом игры, – признаются в «DreamWorks». – Мы планируем перенести эти фантастические образы на экран».

Есть и примеры обратного свойства. В июле наконец увидела свет игрушка по мотивам телесериала «Баффи – истребительница вампиров». В ее основу легли два эпизода, которые планировалось снять для третьего сезона «Баффи...». Игрушка делалась под неусыпным наблюдением создателя сериала Джосса Уэдона, который остался доволен результатом. Пока выпущена только версия для приставки XBox, и стоит она аж 49 долларов 95 центов. Однако недешево...

Шпионаж в онлайне

Онлайновые игры сегодня в большой моде. Широкое распространение высокоскоростного доступа в Интернет (речь идет, увы, не о России) позволяет игрокам, которые живут на разных континентах, сражаться друг с другом. В основном в онлайне играют в «стрелялки» – вроде всем известной «Каунтер страйк». Однако монреальская компания «CODECO» предложила потребителям нечто новое – сетевую стратегическую игру «StarShift: The Zaran Legacy» («Звездная смена: Наследство Зарана»). Отныне у каждого есть шанс стать лидером разумной расы и оказаться в центре межпланетного конфликта. Всего в конфликт вовлечено девять рас, некогда покоренных императором Зараном, а теперь стремящихся доминировать во Вселенной. Чтобы добиться этой цели, лидерам позволено многое: прямое нападение

на конкурента, шпионаж, саботаж и т.п. В арсенале игроков – 30 технологий, 20 специальных операций, пять дипломатических маневров, а также множество сооружений и секторов.

Разумеется, не возбраняется заключать союзы с другими игроками. Связь – традиционная: интернет-пейджеры, чаты и форумы. Похоже, прав основатель «CODECO» Стефан Вилланкур, который говорит о своем детище так: «Эта игра на первый взгляд кажется простой, но у нее целая бездна возможностей». Прочие подробности ищите на сайте **http://www.starshift.com**.

Лукас меняет платформу

Компания Джорджа Лукаса «Industrial Light and Magic» («ILM»), создававшая компьютерные эффекты для всех его фильмов, приобрела 600 рабочих станций на Pentium 4, сделав еще один шаг в переходе Голливуда на платформу PC.

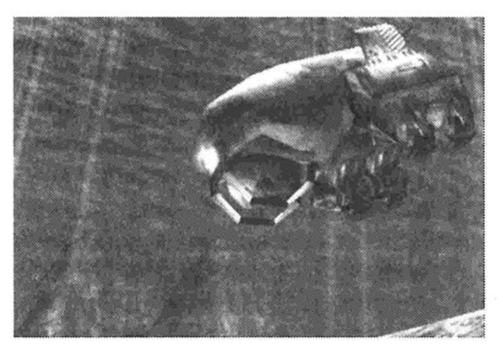
Пробное применение Intel в «ILM» началось еще во время работы над первым эпизодом «Звездных войн» в 1999 году, а уже во время съемок второго эпизода их использовали на полную мощность. Сейчас на них производятся расчеты для картин «Гарри Поттер и тайная комната» и «Терминатор-3: Восстание машин». По словам технического директора «ILM» Клиффа Плумера, компьютеры на базе Pentium 4 оказались впятеро дешевле и в три раза быстрее рабочих станций SGI, которые использовались ранее.

Долгое время связка RISC / Unix оставалась в индустрии компьютерных спецэффектов единственным подходящим решением. Только машины на RISC-процессорах обладали достаточной мощностью, и именно для этой платформы писались программы реалистичной трехмерной графики. Но теперь, когда разрыв в скорости заметно сократился, многие компании обратили внимание на платформу PC как на более дешевое решение, предоставляющее аналогичные возможности. Кластер из нескольких Pentium 4 использовала, например, «Sony Pictures» для создания фильмов «Человек-Паук» и «Стюарт Литтл-2». А в «DreamWorks» рассчитывали скелетную анимацию персонажей мультика «Шрек» на Intel-серверах под управлением Linux.

Дым под водой

Принято думать, будто в фантастической компьютерной игре обязательно должны быть другие планеты и космические корабли. Это заблуждение, что блестяще доказывает серия «стрелялок» немецкой компании «Massive Development» – в нее входят «Archimedean Dynasty» («Династия Архимеда»),

«AquaNox» и «AquaNox: Revelation» (последняя только что увидела свет). Секрет успеха этих игр – в нетривиальном и тщательно проработанном сюжете. Итак, в 27-м столетии жить на земной поверхности стало невозможно. И человечество спустилось в океан, покрытый 40-метровым слоем мертвой органической материи. Там оно вновь принялось за старое – построило на дне гигантские города и населило их торговцами, авантюристами и пиратами. А ведь есть еще подводные монстры, есть взбунтовавшиеся роботы – бионты...



Именно с бионтами сражаются персонажи первой игры, а во второй они же выявляют врагов в собственных рядах: оказывается, харизматический лидер, некий адмирал Кокс, поднял мятеж против правительства Атлантической Федерации. В третьей игре использована побочная сюжетная линия – здесь игроку предлагается совершить опасное путешествие через три океана... Скриншоты, подсказки и все остальное можно найти по адресу: **http://www.aquanox-revelation.com**.

Третья битва с машинами

Американская компания «Infogrames» заявила о подписании соглашения, по которому за ней закрепляются все права на разработку и продажу игр, основанных на готовящемся блокбастере «Терминатор-3: Восстание машин».

Одноименная игра должна поступить в продажу летом 2003-го – тогда же, когда выходит и сам фильм. В разработке также находится игрушка «Terminator: Dawn of Fate» («Терминатор: Роковой рассвет») – «стрелялка» от первого лица, действие которой разворачивается в 2027 году на опустошенной войной Земле.

О картине пока известно немногое. В третьей части культового «Терминатора» повзрослевшего на 10 лет Джона Коннора ждет очередная битва с машинами. На этот раз главным его врагом станет женский вариант робота – Терминатрикс, или модель Т-Х, а новым союзником – Т800, роль которого опять-таки сыграет Арнольд Шварценеггер. В роли терминаторши снимается Кристианна Локен.

По материалам «3Д-информ» и сайта www.compulenta.ru.

Острова в Сети



http://archivsf.narod.ru

Сетевых архивов фантастики в Рунете немало. Этот – один из лучших. А ведь делает его один-единственный энтузиаст, которого зовут Виталий Карацупа. Информация о любимом жанре сгруппирована здесь по персоналиям, наградам, фестивалям, книжным сериям, издательствам, произведениям, терминам... Простовато оформление, зато функциональности ему не занимать. А вообще, может случиться так, что нужные вам сведения вы не найдете нигде, но на этом сайте они будут...

http://www.lovecraft.ru

Русский сайт, посвященный культовому американскому писателю Говарду Филлипсу Лавкрафту. Можно сказать, образец интернет-ресурса подобного рода. Автор сайта Александр Мошков разместил на его страницах биографию Лавкрафта, статьи о его творчестве, художественные произведения. Много иллюстраций, рассказано о том, как тексты Лавкрафта повлияли на современную музыку и кинематограф. А еще у сайта отличный дизайн, продуманная навигация... Везет же культовым американским писателям!

http://www.thealienonline.net/ao_010.asp

Мощный англоязычный ресурс, на котором есть все, что нужно любителю фантастики: обзоры книжных и киноновинок, интервью с писателями, новостная лента, форумы, даже комикс. А вот бесплатной библиотеки нет, уж извините. Впрочем, выложены отрывки из новых книг молодых авторов, предоставленные ими самими... В целом сайт напоминает заведение быстрого питания: информационный голод утолить можно, а вот получить при этом удовольствие – едва ли.

http://www.asfa-art.org

Официальный сайт Ассоциации художников научной фантастики и фэнтези. Киты фантастической иллюстрации вроде Бернса и Эглтона в эту ассоциацию не входят, зато она активно «продвигает» менее известных (и не всегда талантливых) рисовальщиков. На сайте есть подборка ссылок на ресурсы по авторскому праву, подробно рассказано о премии для художников «Чесли». И самое главное – портфолио членов ассоциации. К сожалению, картинки очень маленькие, к тому же медленно грузятся. Хотя составить представление об их авторах можно.



Сергей Красиков

РАЗГОВОРЧИКИ В СЕТИ

Приступая к рассказу о таком поистине вселенском явлении, как говорильня о фантастике в русскоязычном сетевом пространстве, невольно чешешь затылок, нервически грызешь ногти, завязываешь узелки, отмечая тех, то и такое, о чем нельзя не сказать, прикидываешь, как бы половчее замолчать, о чем говорить не следует, и в конце концов делаешь плохо, неполно, алогично. Примерно так...

Часть первая. Автостопом по Рунету

Эта часть сугубо перечислительная, посвящена адресам, явкам, паролям. Их не так много. А именно:

1. ФИДО

Это, пожалуй, самое древнее место скопления фэнов и писателей, желающих пообщаться, поругаться и просто повыпендриваться в цифровом пространстве. Из лучших жанровых конференций нельзя не упомянуть **fido7.ru.sf.news** (тут новости фантастики, разговоры наиболее профессионального уровня – не зря сюда захаживают самые известные русскоязычные писатели-фантасты), **fido7.ru.fantasy** (посвященная, соответственно, фэнтези – в особенности вопросу о применении конных арбалетчиков в практике боевых действий), **fido7.su.sf-f.fandom** (про все, что так или иначе относится к фантастике). Нельзя не отметить также и



конференцию «просто» о книжках – **fido7.su.books**, где периодически поднимаются темы, связанные с любимым жанром.

2. Интернет-конференции

В простонародье эти места принято называть форумами, что, как подсказывает *«генеративная энциклопедия "Брокгауз on-line"»*, означает прежде всего *«городские рыночные площади (Forum Romanum), во время республики центр римской государственной жизни, со многими храмами»*.

Нет, не зря слово «базар» в последнее время воспринимается скорее в значении «треп, пустой разговор». Именно базаром заполнены форумы, но об этом позже, а пока о местах дислокации.

Безусловно, центром российской фантастики в Интернете является ресурс «Русская фантастика» – фактически монопольный источник информации о жанре в Рунете. Здесь много полезного и любопытного – информация по истории фэндома, разделы, посвященные ведущим писателям жанра, журналам и проч., и проч. Тут же хостятся форумы фантастики, посвященные творчеству А. и Б.Стругацких, С.Лукьяненко, В.Крапивина и других. Беда лишь в том, что единственное место на «РФ», выделенное для свободного общения любителей жанра, «Читательский Нуль-Т» (**http://www.rusf.ru/nul-t/index.htm**), как бельмо на глазу хозяев ресурса. Еще бы: не очень-то комфортно, когда известных авторов критикуют в нелицеприятных и даже не всегда цензурных выражениях. Харьковский фантаст А.Валентинов до того обиделся на поведение разбушевавшихся читателей, что обозвал их *«фэньем»* и *«моськами»*, чем снискал себе неувядающую популярность в Инете. Многие писатели уходили с форума обиженными и тут же обращались к руководству сервера с просьбой прекратить безобразие. Руководство попыталось прекратить, снабдив форум принудительной регистрацией и блочной структурой (в отличие от древовидной, которая полюбилась участникам). Общественность ответила массовыми выступлениями протеста и исходом на мгновенно появившийся альтернативный «Старый Нуль-Т» (**http://0t.webforum.ru**) при патологически неполиткорректных «Пуговичках» (**http://www.svenlib.sandy.ru/pugovichki**). Примерно через недельку на «Русской фантастике» одумались и восстановили функционирование древовидного «Нуль-Т», но публика уже разделилась по двум форумам или же стала оставлять сообщения тот там, то тут. Теперь, когда острота борьбы между подходами к правилам ведения дискуссий спала, «Нули» все больше походят друг на друга – тот, что на «Русской фантастике», стал либеральнее, тот, что на «Пуговичках», все чаще применяет административные методы против открытого хамства.



Что, в общем-то, закономерно: разумные люди всегда ищут компромисс, а целевая аудитория у форумов одна и та же.

Но хватит о «Нулях»: в Интернете есть еще несколько интересных адресов, куда стоит зайти в поисках собратьев по фантастическим интересам. Прежде всего это форум «Фантастика» (**http://www.fiction.kiev.ua/forum**) при киевской мастерской «Третья сила». Года два-три назад, пожалуй, тут было самое интересное место для поклонников жанра. Увы, количество глобальных тем для обсуждения конечно, как и количество участников, умеющих внятно высказать свою позицию. Сейчас этот форум несколько обезлюдел. Тем не менее посещать его хотя бы время от времени стоит: потенциал свой он не исчерпал.

Нельзя не отметить форумы при независимых сайтах, посвященных творчеству Олега Дивова (**http://www.divov.net.ru/cgi-bin/forum/index.pl**) и Хольма ван Зайчика (**http://polusharie.com/cgi-bin/forum2.cgi!board=orduss**).

Для желающих вынести на всеобщее обсуждение собственные произведения, как и следовало ожидать, существуют специальные полезные места. Пожалуй, самое интересное из них – «Самиздат» при библиотеке Мошкова, а точнее, его фантастический отросток «Предгорье» (**http://zhurnal.lib.ru/j/janr_1**). После регистрации тут можно выложить любое свое сочинение. Критика весьма разнообразного качества – при условии собственного активного участия в дискуссиях – гарантируется.

3. Гостевые книги

Подобным сервисом может похвастаться практически любой сайт. Как правило, гостевая книга рассчитана на режим «вопрос – ответ» или на разговор «среди своих». Это часто оказывается весьма любопытным. Такой, к примеру, была книга при библиотеке «Макроскоп». Энтузиасты могут попытаться проникнуть в гостевую книгу Макса Фрая (**http://www.frei.ru**), предварительно написав таинственному хозяину, поскольку только он выдает ключи-пароли на вход в святая святых...

4. Чаты

А если у вас достаточно свободного времени – идите трепаться на «Fantastic Universe» (**http://www.cage.ru**). Туда то и дело заходят писатели, критики, да и простой народ не против поговорить о фантастике. Или же поставьте себе программу IRC и болтайте дни и ночи напролет с тамошними обитателями. Только осторожнее: затягивает! ;-)

Ну, вот пока и все. Через месяц я попытаюсь рассказать, кто и зачем ходит по форумам, чатам и чем это иной раз оборачивается...

СПРАШИВАЙТЕ «КО» В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ!

ВСЕ, ЧТО ВЫ ХОТИТЕ ЗНАТЬ О КНИГАХ

книжное обозрение

выходит с 5 мая 1966 года | THE BOOK REVIEW | ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ТОЛЬКО У НАС КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ:

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России»

50051

для библиотек и индивидуальных подписчиков

83102

для предприятий и организаций

Если вы издаете, продаете или читаете книги, «Книжное обозрение» – ваша газета

- Все о новинках фантастики, детектива и других жанров
- Интервью с самыми интересными писателями
- Репортажи о книжной жизни
- Фрагменты из книг, готовящихся к публикации
- ости
неса



Наш адрес: 129272, Россия, г. Москва, Сущевский вал, 64.
Тел./факс (095) 281-62-66
Распространение: тел. (095) 281-32-15
Отдел рекламы: тел./факс (095) 281-41-06

В ближайших номерах

«Звездной дороги»

читайте повести и рассказы

Василия Головачева,

Елены Хаецкой,

Олега Дивова,

Юлия Буркина,

Говарда Уолдропа,

Северны Парк

